

[Polaris]

НИКОЛАЙ ШПАНОВ

ЛЕД И ФРАКИ

Повесть

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

LXXXV

Salamandra P.V.V.

**Николай
ШПАНОВ**

ЛЕД И ФРАКИ

Повесть

Salamandra P.V.V.

Шпанов Н. Н.

Лед и фраки: Повесть. Подг. текста и послесл. В. Барсукова. — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2015. — 334 с. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LXXXV).

Очередной выпуск серии «Polaris: Путешествия, приключения, фантастика» представляет читателям увлекательную и лживую книгу — советскую научно-фантастическую полярную агитку Н. Шпанова «Лед и фраки». Международная гонка за богатствами советской Арктики сопровождается в ней захватывающими приключениями на земле, в воде и воздухе, а также открытием затерянной земли и неведомого народца во главе с безумным пророком.

© Authors, estate, 2015

© V. Barsukov, подг. текста, послесл., 2015

© Salamandra P.V.V., оформление, 2015

Николай Шпанов

ЛЕД И ФРАКИ

I.

«НАУТИЛУС»

1.

ПО РЕЦЕПТУ БЭРДА

Капитан Билькинс откинулся в кресле. Под напором крупного, крепко сколоченного тела скрипнула спинка. Такие же крепкие руки с красными кистями упирались в край стола. Тонкое, длинное лицо, с гладко выбритыми щеками, тяжелым подбородком и слегка выпяченной нижней губой — было подчеркнуто спокойно. Две жесткие складки около рта выделяли крепко сжатые тонкие губы.

Билькинс снял трубку переговорного аппарата и повернул рычажок на надпись: «радиорубка».

— Мистер Вебстер?.. Мне нужно передать несколько слов капитану Бэрду... Что?.. Говорите громче, здесь очень шумят машины. Машинная буря?.. Ну, ладно, все-таки попробуйте. Зайдите ко мне за текстом.

Повесив трубку, Билькинс еще раз пробежал только что составленную радиogramму:

Южный полюс, капитану Ричарду Бэрду.

Дорогой друг, вчера получил ваше радио — поздравляю от всей души. Вы всегда знали, как искренне я восхищаюсь вашей отвагой и знаниями. Сегодня я покидаю Шпицберген. Мой план вы знаете. Несмотря на ваше осуждение «утопии», я решил привести ее в исполнение. Глубоко убежден, что «Наутилус» без труда преодолеет путь Кингсбей-Аляска. Вспомните, что говорили нам достопочтенные соотечественники перед нашими попытками форсировать Арктику на самолетах. А ведь мы с вами показали этим тугодумам хороший номер! Если удастся, я немного задержусь в секторе недоступности. Когда будете покидать Антарктику, сообщите мне. Шлю привет и желаю дальнейшего успеха.

Всегда ваш капитан Билькинс.

В стальную дверь капитанской каюты постучали. Вошел Вебстер.

— Вебстер, дружище, постарайтесь передать. Не нужно, чтобы капитан Бэрд подумал, будто мы не хотим замечать его успеха.

— Есть, сэр.

Билькинс вышел на палубу лодки. Было светло как днем, несмотря на второй час ночи. Прозрачные хлопья тумана ползли по голым горам, отделяя их верблюдьими подошвы от сахарных вершин. Тесной грядой сошлись эти вершины вокруг темного зеркала воды, образуя гигантскую сверкающую корону над заливом Кингсбей. Острые, как зубья пилы, беспредельной чередой уходили горы в том направлении, откуда навстречу им сбегала белая река Лисьего ледника. Поднимаясь своими истоками далеко в глубь Западного Шпицбергена, этот мощный ледник устьем ниспадает в гладкую поверхность Кингсбейского залива. Огромные, заледеневшие в своей голубизне струи убегают под воду, в глубину залива. Только когда подточенные волнами края глетчера с грохотом низвергаются, отщепляя от ледяной стены слой в несколько метров толщиной, только тогда оживает этот, точно нарисованный на каменном фоне берега, ледопад.

Билькинс любил в долгие бледные ночи, когда мучили сомнения, когда роились в голове все новые и новые варианты плана похода, не отрываясь, смотреть на мощную стену ледника. Терпеливо ждал он, когда, наполняя ущелье ужасающим грохотом сокрушительных глыб, низринется очередной ледопад.

Это было куда интереснее, чем скучный серый поселок Нью-Олесунд. Его домики казались такими ничтожно-маленькими, вплюснутыми в голую почву неприветливой каменной долины. Мороз продирали по спине при мысли о тех, кому суждено провести здесь долгую полярную ночь. В особенности, если эта ночь была третьей — последней — ночью, предусмотренной контрактом с угольной компанией.

Поселок никогда не спал. Круглые сутки шла работа в шахтах. Круглые сутки работала столовая. День и ночь хлопала дверь рудокопской лавчонки. И все-таки люди были здесь всегда сонными, вялыми, через силу двигали ногами в резиновых сапогах. На них было тоскливо смотреть, и Билькинс избегал глядеть в сторону шпицбергенской резиденции губернатора.

Когда Лисий ледник обрушивался на глазах Билькинса и нельзя было надеяться, что в ту же ночь увидишь повторение этой ледяной феерии, американец поворачивался к островерхим шпицбергенским горам. Вдали исчезали вершины Митры, Магдалины, Трех Корон, а совсем рядом, над самой головой, на бледно-сером небе четко проектировалось нагромождение черных бревен угольной эстакады. Бессонные паровозики то и дело подтаскивали к самому ее концу вереницы вагонеток и уголь с грохотом низвергался черной лавиной в стоящий под эстакадой парход-угольщик.

Билькинс знал наперечет все бревна этой эстакады. Вторую неделю его «Наутилус» стоял пришвартованный к бревенчатому дебаркадеру. Ни на один час не было покоя от гроыхания угольных вагончиков и сыплющегося угля. Большая часть экипажа избегала ночевать на лодке и уходила на квартиры, отведенные ей в домах администрации кингсбейских копей. Но Билькинс предпочитал всегда оставаться в лодке. Билькинс не любил любопытных, а стоило ему уйти, как, вернувшись, он обязательно заставлял вахтенного в приятной беседе с местным техником Тиссом — шпицбергенским корреспондентом «Нью-Йорк Хералда». Билькинс боялся шума. Он боялся газетных предсказаний.

Сегодня Билькинсу не спалось. Через несколько часов придут его спутники. Начнется суета. Пойдут последние приготовления перед отходом. Некогда будет раздумывать. А поразмыслить было о чем. Билькинсу не везло. Каждый раз, когда он задумывал какое-нибудь смелое предприятие, на его пути вставала бездна всяких препятствий. Почти всегда не хватало денег на проведение плана в исполнение. То ли дело Бэрд — этот парень родился в рубаш-

ке. Стоит ему только заикнуться о своих намерениях, как кругом уже открываются кошельки.

— Сэр, — слышалось за спиной Билькинса. Из люка выглядывал Вебстер. — Сэр, я передал.

— Спасибо, мистер Вебстер. Идите-ка спать. Работы сегодня будет по уши.

— Значит, пойдем, сэр?

— Да, пойдем.

Над головой прогромыхал угольный поезд. Паровозик отрывисто свистнул и побежал обратно по эстакаде. Билькинс осмотрел горизонт и спустился к себе. На маленьком рундуке, заменявшем письменный стол, Билькинс разложил дневник.

13 июля

Бэрд говорит, что 13 — самое счастливое число. Хочу воспользоваться его рецептом. Авось хоть под водой-то я преодолею первым...

2.

«НАУТИЛУС» АМЕРИКАНСКИЙ

Коренастый сухой старик среднего роста медленно шел по краю помоста, настланного под эстакадой. Старик шел медленно, уверенно ступая ногами, обутыми в тяжелые сапоги. Иногда он останавливался, с видом хозяина оглядывал ту или иную деталь сооружения. Если ему что-нибудь не нравилось, он бурчал себе под нос несколько слов и неодобрительно качал головой, задумчиво почесывая короткую седую бородку.

Над головой старика прогрохотали вагончики. Несколько маслянистых черных кусков застучали по доскам настила. Старик остановился, поднял один из кусков, взвесил

его на ладони, понюхал, поцарапал ногтем. Разломил его короткими сильными пальцами. Внимательно разглядев излом сквозь толстые стекла очков, покачал головой.

— Я говорю еще раз с полной определенностью, что Норвегия должна искать другие месторождения угля, если она не хочет ввозить его из-за границы... Шпицбергенский уголь слишком плох... да, слишком плох. Какая ирония судьбы — я, глава угольной компании и министр по делам Шпицбергена, я, первый из первых бросивший лозунг об использовании ископаемых богатств этого острова — должен теперь первым же поднять вопрос о том, что наша страна обязана отыскать другие месторождения...

Вблизи старика послышались медленные шаги. Навстречу ему шел Билькинс. Увидев старика, он приветственно махнул рукой:

— А, доцент Зуль, доброе утро. С кем это вы беседуете?

— Увы, пока только с самим собой, капитан.

— И, наверно, все о том же?

— Конечно, как всегда — геология. Ну, а как с нашим отходом, капитан?

— Все благополучно. Часа через два милости прошу на борт.

— А сейчас вы заняты?

— Ничем, кроме собственных мыслей.

— Вы не уделили бы мне часок на объяснение вашего судна?

— Отчего же!

Стуча сапогами, доцент Зуль и капитан Билькинс пошли к ошвартованной у конца эстакады подводной лодке. Над ее корпусом вился черный дымок и из глушителя неслись частые хлопки дизеля. Шла зарядка аккумуляторов. Привычным движением капитан Билькинс скользнул по поручням в открытый люк рубки. Не спеша и соразмеряя каждое движение, Зуль последовал за ним.

— Предупреждаю — все, что вы увидите, ничего общего не имеет с Жюлем Верном, это все — мое. Вот это командирская рубка, — сказал Билькинс, обращаясь к спутнику, — здесь помещается так называемый центральный пост. У

командира сосредоточено все управление лодкой. Видите, вот этими маховичками я управляю движением перископов. Любой из них я могу выдвинуть вверх на восемнадцать метров. Хотя я и не собираюсь идти в погруженном состоянии, если будет малейшая возможность идти на поверхности, но в случае непосредственного соседства со льдами перископы могут сослужить мне большую службу и избавить от многих сюрпризов.

— Вот эти циферблаты говорят мне о скорости движения судна относительно среды. Это, конечно, не решает задачи о счислении, так как течения делают путевую скорость далеко не всегда равной технической скорости судна. Но, зная скорость и направление течений, я в большинстве случаев могу внести необходимые поправки в показания лага. Впрочем, такого опытного морехода, как вы, мне учить не приходится.

— Здесь вы видите глубомер. У нас он рассчитан на сто пятьдесят метров. Едва ли нам придется погружаться на большие глубины. Разве только для того, чтобы произвести какие-нибудь работы на дне.

— Тут целая батарея переговорных аппаратов, соединяющих меня со всеми членами экипажа, обслуживающими ответственные механизмы. На случай порчи этих аппаратов имеется и простой машинный телеграф с набором наиболее употребительных команд. Этот красный рычаг? Это включатель резкого звонка, проведенного во все уголки лодки. Звонок означает команду: «К погружению!» Когда раздается этот звонок, немедленно задраиваются все люки, все отдушины, вообще все отверстия, сообщающие внутренность лодки с атмосферой. Одновременно команда становится на свои места, к аппаратам, регулирующим погружение судна.

— Наконец, вот здесь, на особой доске размещены приборы, которых вы не можете видеть больше ни на одной лодке в мире — это, так сказать, органы чувств моего «Наутилуса», когда он идет в погруженном состоянии без перископа. Вот два циферблата буферных зондов — носового и палубного. Как только один из этих зондов коснется че-

го-либо, а под водой этот посторонний предмет может быть только препятствием, то здесь у меня загорятся красная или синяя лампочки и автоматически включится механизм, переводящий реверсивную муфту двигателей на задний ход. Получая таким образом интенсивное торможение, мы обеспечиваем себя от столкновения. На этого мало, в том случае, если преграда представляет собой какую-либо скалу, отмель, террасу морского дна, вообще почву, непосредственно сообщающуюся с земной корой, я узнаю об их присутствии на пути лодки задолго до того, как произойдет столкновение; для этого служат чувствительные магнитные приборы, установленные на конце буферов. Только в том случае, если препятствие представляет собой ледяное образование, выставленные далеко вперед щупальцы моей лодки не почувствуют их заранее.

— Чтобы иметь представление о том, что делается под нами, как далеко от нас отстоит морское дно, и быть застрахованным от возможных сюрпризов с этой стороны, мы постоянно будем иметь под собой вытравленный на глубину ста метров чувствительный лот.

— Но и это все нас не удовлетворяет, — мы хотим иметь возможность видеть простым глазом пространство впереди себя, даже когда мы погружены ниже перископа. Для этого я включаю вот этот рубильник. Сноп света силой около ста миллионов свечей будет сопровождать мой перископ и я буду видеть все, что делается вокруг меня на расстоянии, по крайней мере, ста метров. Вы думаете, может быть, что по миллиону свечей на метр пространства это — несколько роскошно? Но я предпочитаю такой расход энергии — слепоте. Право, Сперри не так плохо сделал для нас этот самый миниатюрный прожектор в мире.

— Теперь перейдите сюда, доцент. Вот то, что в свое время послужит, может быть, дыхательным горлом для всех нас. Отсюда может подняться на высоту десяти метров над верхней палубой телескопическая труба, имеющая на своем конце бур достаточной силы и прочности, чтобы просверлить поверхность самого твердого льда на протяжении, по крайней мере, трех-четырёх метров. Если бы такая ледя-

ная корка заперла нас под водой на больший срок, чем мы можем обойтись своим запасом воздуха и зарядом наших аккумуляторов для электромоторов, то мы подойдем к нижней поверхности морского льда и, сделав в нем вот этим буром отверстие диаметром почти в двадцать сантиметров, засосем столько свежего воздуха, сколько нужно нашим двигателям, чтобы возобновить энергию аккумуляторов. Что будет в том случае, если почему-либо мы не сможем пробуравить лед этим буравом? Да право, ничего страшного — вместо бура мы пронзим ледяную корку раскаленной платиновой проволокой и вырежем из льда кусок такой величины, какой нам захочется — хотя бы для того, чтобы выпустить вас наверх, для прогулки на лыжах. Что? Вас смущает возможность встречи и нашего бура и платиновой проволоки с айсбергом таких размеров, что они окажутся перед ним бессильными? Во-первых, доцент, вы лучше меня знаете, сколько шансов встретить такие айсберги вкрапленными в ледяные поля на нашем пути. Во-вторых, уж если этакая неприятность случится, то я не придам ей большого значения — айсберг задержит нас на лишний час, не больше. Вот подойдите сюда. Вы видите этот массивный колокол, как бы прилепившийся к палубе лодки? Это камера для выпуска водолаза. После того, как водолаз войдет в колокол, давление в кессоне поднимается до того, какое имеет место в данный момент за бортами лодки. Таким образом забортная вода не может устремиться в кессон, когда в нем откроется люк для выхода водолаза наружу. Этим ходом наш водолаз выйдет наружу для того, чтобы минировать айсберг. Отойдя на километр от минированного айсберга, мы вот этой радиоподрывной машинкой Сименс-Телефункен взорвем заряд и ваш айсберг разлетится на мелкие куски.

— Теперь последний вопрос, могущий вас интересовать. Мои противники почему-то придавали особенное значение трудности подводной навигации и счисления пути. Я уверен, что все их опасения мы самым лучшим образом опровергнем на практике. Я уже не говорю о том, что жироскопические компасы дадут нам возможность всегда

проверить показания магнитных компасов, но мне кажется, что все наблюдения, произведенные над работой обыкновенных магнитных компасов в крайних северных широтах, не дают оснований опасаться за их показания. Помните, доцент, как ваш славный соотечественник Амундсен боялся за магнитные компасы, отправляясь в свою первую воздушную атаку на полюс, и как он ошибся в своих опасениях? Я думаю, что благодаря целому ряду остроумных приборов, сконструированных для нас крупнейшими американскими и европейскими фирмами, и непреложности выводов нашей матери-математики, мы не встретим и здесь никаких затруднений. Во всяком случае таких, которые бы заставили меня опасаться, что мы можем заблудиться. Я скажу вам больше, из-под воды я дам вам возможность снестись по радио с любой европейской и американской радиостанцией. В этом порукой наш милейший Вебстер. А вот, кстати, и он сам. Как дела, мистер Вебстер? — повернулся Билькинс в сторону вошедшего в главную рубку радиста.

— Как всегда, сэр.

— То есть отлично?

— Ну, само собой разумеется, сэр.

— Видите, доцент, у нас иначе не бывает. А вот, Вебстер, познакомьтесь — доцент Зуль, норвежский геолог. Он идет с нами для того, чтобы в зоне недоступности поставить норвежскую угольную заявку. Ведь, правда, неплохо задумано, Вебстер, — начинать с угольной заявки?

Вебстер усмехнулся, протягивая руку Зулю.

— А еще говорят, что мы, янки, самый практичный народ.

Билькинс рассмеялся, наполняя раскатистым хохотом лодку. Из-за переборок выглянуло несколько измазанных маслом физиономий. Глядя на капитана, они тоже стали улыбаться.

Оборвав смех так же резко, как он начал хохотать, Билькинс деловито бросил Зулю:

— Однако, доцент, пожалуй, пора и собираться. Сколько времени вам нужно, чтобы закончить свои дела в Кингсбее?

- Не больше часа.
- Оллрайт! Через час вы будете здесь.

3.

УГЛЕИСКАТЕЛИ

Доцент Зуль поспешно разбирал бумаги, лежащие перед ним на большом письменном столе. Ни этот стол, ни вся уютная, почти роскошная обстановка кабинета несколько не напоминали о том, что дом, в котором сидел Зуль, находится в городе Нью-Олесунд, в норвежском угольном поселке на берегу бухты Кингсбей. Ни внешне — по своим размерам и стилю, ни внутренним убранством и комфортом — этот дом не был похож на обступившие его скромные дома администрации, ни, тем более, на расположенные на другом конце поселка приземистые, обшитые со всех сторон толем, бараки рабочих. Это был директорский дом.

Директор рудника, плотный седой мужчина большого роста, сидел рядом с Зулем и внимательно выслушивал его последние распоряжения.

— Итак, милейший Андерсен, инструкции коротки и просты. Вы немедленно отправляетесь в Осло и там ждете моих известий. Если окажется, что путь к предполагаемым островам неисследованной зоны действительно доступен и я сумею поставить там норвежские заявки, вы немедленно ведете дело условленным образом и в стортинге делается запрос о правах советской России на недра еще неоткрытых ею земель. Здесь нужна величайшая настойчивость. Если надежды на успех будет мало, трактуйте мои заявки, как заявки англо-норвежские. Это менее выгодно, но, пожалуй, более верно. А уж там дело английской стороны настаивать на своих правах. Им это легче.

На минуту задумавшись, Зуль продолжал:

— О ваших сомнениях в практическом смысле этих заявок мы поговорим позже. Я совершенно убежден, что, коль скоро на островах найдется приманка, мы научимся до нее добираться. Разве не казался прежде и весь наш Свальбард таким же неприступным? А, как видите, не только мы, но все, кому не лень и у кого руки подлиннее, добрались сюда за нашим углем. Давайте, дорогой Андерсен, постараемся, по крайней мере, хотя бы на новых-то местах избегать таких неприятностей, как советские углепромышленники.

Директор Андерсен пыхнул сигарой и сомнительно покачал головой:

— Я целиком с вами, дорогой доцент, но не мне вас учить тому, что эти господа не уступят ни пяди земли в своем секторе.

— Андерсен, мы прежде всего не должны ждать никаких уступок: здравый смысл и сила — вот единственные аргументы, на которые следует полагаться. Распределение аргументов простое: наш здравый смысл, английская сила.

— Ну, что же... — Андерсен пустил кольцо дыма.

Зуль протянул руку:

— Мне пора. У вас тоже времени не так много?

— Да, завтра уходит угольщик.

— Привет нашей дорогой Норвегии.

Андерсен кряхтя встал и молча потряс руку Зуля. В широко распахнувшуюся дверь вошла горничная с подносом. На нем стояли две маленькие рюмки с прозрачной жидкостью.

— Последнюю рюмку норвежской аквавит, доцент.

Зуль поднял рюмку:

— Скооль!

— Скооль! — ответил Андерсен и вздохнул.

Вдруг, не допив своей рюмки, Зуль спохватился:

— Чуть не забыл, Андерсен, — он порылся в бумажнике, — я заготовил здесь сообщение для прессы. Пошлите его сегодня же в наше телеграфное агентство.

Зуль передал Андерсену листок. Аккуратным старческим почерком там было написано:

Норвегия принимает участие в экспедиции капитана Билькинса. Известно, что Норвегия всегда шла впереди всех на пути научного исследования ледяных просторов Арктики, и всякий знает, что в этой исследовательской деятельности Норвегия была всегда самым бескорыстным из пионеров. Она дала самых смелых и испытанных полярных путешественников: плодами их работ пользуются ученые всего мира.

Из авторитетных источников нам сообщают о том, что и на этот раз стремление пополнения научных сведений о полярном бассейне толкнуло норвежского ученого отправиться с рискованной экспедицией в неисследованную область, известную под названием «сектора недоступности». Доцент Зуль из Осло отправляется на подводной лодке капитана Билькинса. Как нам сообщили в Институте изучения севера, которым руководит доцент Зуль, последний отправляется на север с чисто научными целями. Это двадцать седьмое полярное путешествие нашего уважаемого доцента.

4.

ПОДО ЛЬДОМ

Маленькая кают-компания «Наутилуса» не могла вместить всего экипажа, и поэтому ели посменно. Зуль и Билькинс обедали в третьей смене. Стальные переборки тесного помещения гулко отбрасывали голоса обедающих, и все-таки слова терялись в непрерывном мощном дыхании моторов, наполнявших всю лодку плотным, почти вещественным гудением. Фокстротные выкрики граммофона тонули в этом гудении так же, как и человеческие голоса.

Окончив еду, Билькинс поднялся на верхнюю палубу. Здесь уже грелись под косыми лучами солнца несколько человек экипажа.

Следом за Билькинсом вышел и Зуль. Путешествие на подводной лодке было для него полно всяческих неожиданностей. Теперь он с интересом наблюдал за быстрым ходом судна, рассекавшего острым носом темную гладь Баренцова моря. Пена вздымаемых форштевнем волн лизала палубу, почти касаясь ног Зуля. Казалось, стоит воде сделать малейшее усилие — и она покроет всю палубу, захлеснет невысокую рубку и с грохотом ворвется в широко открытые люки судна. Зуль даже попятился от воды, такой сокрушительной показалась ему мощь темных пологих волн по сравнению с плескавшейся в них маленькой серой сигарой.

Но члены экипажа держались так уверенно на низкой тесной палубе, что и Зуль стал мало-по-малу осваиваться. Билькинс непринужденно сидел на краю командирского мостика, свесив ноги за борт. Он набивал трубку черным пахучим табаком, когда над его головой раздался крик вахтенного:

— На горизонте лед!

Билькинс вскочил и взялся за бинокль.

— Где вы видите лед, Скрипс?

— Начинается на два румба влево от курса, сэр.

— Ага, вижу... мистер Зуль, как вы думаете, насколько серьезно это препятствие?

Зуль поднял на лоб толстые стекла очков и уставился вдаль своим большим цейссом. Медленно обвел горизонт.

— Мне кажется, что поле тянется очень далеко. Нам, видимо, придется обходить его к югу. Хотя, впрочем, постоите-ка, капитан... Скажите нашу широту.

— Примерно 82 градуса тридцать.

— А курс?

— Норд-норд-ост.

— Так ведь тогда следует считать просто чудом, что мы до сих пор еще идем чистой водой. Вероятнее всего, мы видим перед собой уже не случайное поле битого пловучего льда, а прочные паки. Ведь мы, как-никак, имеем на траверсе Землю Рудольфа или Землю Джерсона.

— Да, приблизительно.

— То есть находимся уже в зоне устойчивых льдов.

— Сказавши правду, доцент, я уже так разочаровался в правдивости всех этих зон и границ, нанесенных на наши карты, что не был бы удивлен, если бы мы еще сутки шли чистой водой, хотя, по всем наблюдениям прежних лет, и должны уже давно быть во льдах.

— Имейте больше уважения к тем, кто производил эти наблюдения, капитан. Большинство из исследователей заплатили своей жизнью за право нанести на карты вот эти тоненькие пунктиры вероятных границ льдов и стрелки течений... Возьмем хотя бы то место, где мы сейчас находимся. Если мне не изменяет память, в 1827 году оно явилось крайней точкой похода Парри. А вот немного к весту от нас остался путь наших с вами соотечественников, моего — Амундсена (велика его память!..) и вашего — Эльсворта. Помните, чего только они не пережили в мае 1925 года, чтобы иметь возможность полюбоваться с высоты птичьего полета красотой тех самых льдов, к которым мы с вами теперь подходим... А смотрите — еще немного, и мы с вами пересечем линию, которую в течение трех лет прочерчивал на карте мой славный соотечественник Хансен. Ведь где-то здесь, совсем недалеко от нас, пролегает конец его знаменитого дрейфа на «Фраме».

— Да, исторические места, доцент, — задумчиво сказал Билькинс. — Какие имена, какое мужество, сколько знаний! И все-таки, доцент, ни мужество, ни знания не позволили ни одному из обладателей этих имен, перед памятью которых я преклоняю голову, проникнуть в то белое пятно, к которому теперь идет мой «Наутилус»... А ведь «Наутилус» пройдет, доцент. Должен пройти! Мы, янки, верим только в здравый смысл и математику. Мой «Наутилус» — это только вещественное оформление нескольких уравнений, то есть продукт той же математики. А математика никогда не ошибается.... если, конечно, люди не путают знаков в уравнениях. Если мы с вами не перепутаем при разрешении своего уравнения ни одного знака, мы будем там, куда упирается моя курсовая черта. И,

пройдя неисследованную зону, выйдем прямо к Берингову проливу.

— А если знаки будут перепутаны?

— Тогда прошу не взыскать. Все, что представляется вам в данный момент величинами положительными, в том числе и вы сами, по всей вероятности, превратится в нечто иррациональное, в мнимость, в фикцию, доцент!

— Это хорошо, что вы отдаете себе во всем отчет, капитан.

— Янки, доцент, всегда и во всем отдают себе отчет... Впрочем, на этот раз, кажется, и янки заболтался. Мы идем на сближение со льдом, и просветов не видно. Вероятно, настало время погружаться.

У Зуля невольно пробежали по спине мурашки.

— А вы не думаете переждать немного?

— Что переждать?

— Ну, пока лед, может быть, отойдет.

— Лишнее. Давайте-ка собираться вниз.

Двадцать семь лет прошло с тех пор, как Зуль впервые вошел на своем судне в лед. С тех пор он перестал бояться льда и смело входил в него на утлых деревянных шхунах и на больших железных пароходах. Он безбоязненно колесил по белым просторам на лыжах. А русские большевики научили его даже тому, как следует ломать лед носом корабля и пробираться там, где раньше Зуль умел только пережидать. Но Зуль никогда еще не вдумывался в то, что будет он испытывать, спускаясь под лед.

Только теперь, когда люди, гревшиеся на палубе, пешно убегали вниз, Зуль понял, что спуститься под лед — это не то же самое, что ходить по нему на лыжах. Беспредельная белая крышка толщиной в несколько метров, которая должна будет непроницаемо отделить его от привычного белого сияния снега, от бледного солнца — пугала. Зуль нехотя согнулся, чтобы влезть в рубку. Над головой громыхнул сталью тяжелый люк и матрос стал его быстро задраивать. Под ногами Зуля зловеще звенели ступеньки трапа. Дизеля прекратили работу и в лодке воцарилась тишина, как в пустой бочке.

Спустившись в центральный пост, Зуль застал уже всех на своих местах. Тишину дробно разорвал резкий звонок. Билькинс приник к окуляру. Ему было видно, как на перископ быстро надвигается белая полоса льдов. Ее края разорваны черными пятнами редких и узких разводьев. Не могло быть и речи о том, чтобы воспользоваться ими для прохода лодки.

Когда до льдов оставалось не больше полутора миль, Билькинс отдал распоряжение:

— К погружению!

Одновременно по лодке разнесся новый резкий звонок. Люди экипажа застыли на своих местах с руками, лежащими на рычагах механизмов. Снова прозвучал голос капитана:

— Заполнить балластные!

Зазвенела вода, устремившаяся в главные цистерны. Глубомер едва заметно дрогнул. Зуль, не отрывая глаз, следил за его показаниями.

И опять Билькинс крикнул:

— Заполнить носовую!

Матрос поспешно открыл клапан носовой дифферентной цистерны и повернул рычаг манипулятора. Лодка едва заметно качнулась на нос.

Рулевые на горизонтальных рулях неподвижно сидели на своих низеньких железных табуретах, внимательно следя за каждым движением старшего офицера, передающего им команды Билькинса.

Лодка медленно погружалась. Она шла теперь на глубине перископа. Билькинс, впившись в скользящие навстречу льдины, оттягивал полное погружение. Только когда казалось, что вот-вот перископ должен разбиться о сверкающие прозрачной голубизной изломанные бока льдин, Билькинс оторвался от окулятора и скомандовал полное погружение.

Рулевые налегли на горизонтальные рули. Лодка дала еще больший дифферент на нос, и глубомер стал быстро менять свои показания.

Билькинс повернулся к несколько ошеломленному Зулю.

— Итак, доцент, только тогда, когда этот прибор скажет нам, что у нас над головой нет больше льда, мы сможем снова увидеть свет так надоевшего нам незаходящего солнца.

— Я очень хотел бы, чтобы это было раньше, чем солнце закончит свой летний путь,

— Ну, в этом-то мы можем быть уверены.

Уходя, Билькинс сделал приветственный жест.

Зуль посидел еще немного в тесной коробке центрального поста, с интересом наблюдая за работой вахтенного начальника, следившего за ходом судна под водой, и тоже пошел в отведенный ему угол кормового кубрика. Здесь было так же тесно, как и во всех остальных помещениях лодки. Зуль попробовал сосредоточиться на чтении, но ничего не вышло. В голове звенело от непрерывного мощного гула электромоторов, сменивших остановленные с момента погружения дизеля. В их ровный гул тонким певучим голосом вонзалось пение динамо. Прямо над головой широким звеном шипела вентиляционная магистраль. Не выпуская книжки, Зуль устроился на рундуках и незаметно для себя заснул.

Тем временем Билькинс, вместе со старшим штурманским офицером, сидел в радиорубке Вебстера. В отличие от всех остальных помещений лодки, здесь царила полная тишина. Ни гул мотора, ни пение динамо не проникали сюда сквозь толстую пробковую обшивку переборок. С сосредоточенным видом Вебстер медленно поворачивал лимб гониометра, стараясь найти правильное положение контура для сигналов, непрерывно подаваемых ему норвежской радиостанцией со Свальбарда и советской станцией с земли Франца Иосифа. Но сигналы все время оставались недостаточно четкими, и Вебстер никак не мог сделать засечек. А засечки были нужны Билькинсу. Нужно было проверить свое местоположение, исчисленное по приборам и показаниям лага.

Ожидая результатов возни Вебстера, Билькинс вполголоса разговаривал со штурманом. Штурман высказывал сомнение в правильности курса, избранного Билькинсом:

— Стоит ли нам так сильно уклоняться к зюйд-осту, сэр?

— Да, я считаю это наиболее правильным. Этим курсом мы примерно до траверса Северной земли и Таймыра будем идти навстречу холодным течениям, идущим со стороны Берингова пролива и устремляющимся в проход между Шпицбергенем и Гренландией. Таким образом, мы меньше всего рискуем деривацией. Зная по наблюдениям Норденшельда и Нансена скорость этих течений, мы, с известным приближением, можем внести поправку в показания лага. Кроме того, здесь мы постоянно находимся вблизи пути, пройденного при дрейфе «Фрама», а это, вместе с наблюдением Каньи 99-го года, дает нам возможность хотя сколько-нибудь судить о склонении наших магнитных компасов. И если мы затем, приблизительно на координатах 110 ВД и 83 СШ, изменим курс под прямым углом к первоначальному, т. е. примерно на норд-ост, то пойдем почти перпендикулярно течениям и войдем в неисследованную зону с самой интересной в геологическом отношении стороны.

— А разве, сэр, вас нисколько не интересует полюс как таковой?

— Стоит ли терять время на открытие того, что давно открыто? Я же только что хвалился перед Зулем тем, что мы, янки, верим лишь в непреложное, а что может быть менее постоянным, чем история, особенно на нынешней ступени ее развития? Мир переживает лихорадку, мой милый Кроппс, а во время лихорадки температура повышается, и человечество начинает бредить. Вон большевики уже договорились до того, что северного полюса первым достиг вовсе не Роберт Пири, а какой-то негр. Вы понимаете — чем это пахнет; когда-нибудь наши почтенные потомки, повязавшись красными галстуками, станут утверждать, что вовсе не мы с вами первыми пришли под водой к этой точке, а наш милейший черный кок! Так

стоит ли, Кроппс, жечь из-за того хотя бы один лишний галлон нефти?

Билькинс усмехнулся и повернулся к Вебстеру, сбросившему, наконец, наушники. На минуту он задумался над написанными радистом пеленгами. Карандашом прикинул на бумажке углы и покачал головой.

— Странно, — буркнул он, передавая листок штурману.
— Надо поскорее определиться, здесь что-то не так.

Штурман в свою очередь сомнительно качнул головой, просмотрев записанные углы.

— Да, действительно, что-то неладно. А вы, Вебстер, правильно взяли отчеты пеленгатора?

Вебстер только пожал плечами.

Билькинс поднялся в свою каюту.

Через десять минут туда же пришел и штурман.

— Действительно, сэр, получается какая-то чепуха. Выходит так, будто мы много севернее, чем предполагали.

— Если это и так, я думаю, что в этом нашей вины нет. Вероятнее всего, либо скорость течений и их направление значительно изменились со времени последних наблюдений, либо произошли какие-то изменения в магнитных силах, влияющих на склонение наших компасов.

— Неплохо бы произвести астрономические наблюдения, сэр.

— Ну, с этим, вероятно, придется теперь подождать.

Билькинс крикнул в открытую дверь:

— Мистер Скриппс!

— Есть, сэр! — раздался в ответ голос вахтенного начальника.

— Что говорит ледяной зонд?

— Никаких признаков воды, сэр.

— Вот видите, Кроппс, — сказал Билькинс старшему штурману, — едва ли можно ждать так скоро чистой воды. Как мне показалось, лед был очень плотный и почти совершенно без трещин.

В этот момент в дверях показалось сонное лицо Зуля:

— Что нового, капитан?

— Только то, что мы не знаем, где находимся.

Зуль почесал бороду и не спеша протер очки. Затем он задал совершенно неожиданный вопрос:

— Можно спокойно идти спать? Новостей, я думаю, долго никаких не будет.

— Если хотите, спите, а я все-таки попробую выяснить, где мы.

— Ну, в этом я вам помочь не могу.

Зуль спрятал очки в футляр и пошел на свои рундуки. От немного спертого воздуха и непрерывного монотонного гудения машин доцента клонило ко сну.

5.

«НАУТИЛУС» ДЫШИТ

Мерно гудят моторы. Слышно, как за бортом стучат винты. Каждый их удар отдается в стальном корпусе лодки. Помещения команды погружены в полумрак. Там и сям видны на рундуках скорчившиеся фигуры спящих людей. Время от времени кто-нибудь ворочается с тяжелым кряхтением и бормочет во сне. В кормовом кубрике, рядом с машинным отделением, лежит на рундуке Зуль. Он больше уже не может спать. Скоро сутки, как лодка погрузилась. Воздух в помещении делается все более тяжелым. Зулю с непривычки трудно дышать. Еще во сне ему почудилось, что на лицо положили подушку. Он сделал усилие, чтобы проснуться. Но и наяву не стало легче. Воздух пропитан запахом машинного масла и прогретой краски. При этом он теплый, душный. Зуль сбросил суконную куртку — и все-таки жарко. Пришлось сбросить фуфайку. Но при этом Зулю страшно малейшее прикосновение к стальной переборке, около которой он лежит — она покрыта матовым налетом холодного пота. На ребре проходящего над головой бимса росой собираются капли влаги и, соединив-

шись по несколько вместе, крупными горошинами падают к самому изголовью.

Поворочавшись с боку на бок, Зуль увидел, что попытки заснуть бесполезны. Он встал и пошел в ярко освещенную будку центрального поста. Под лучами электричества белели круглые циферблаты многочисленных приборов. Стрелки одних непрестанно дрожали; на других стояли неподвижно. Вахтенный начальник — молодой, коренастый, с круглой, коротко остриженной головой, — все время переводил взгляд от одного прибора к другому. Не отрываясь от них, он ответил на приветствие Зуля.

Зуль поинтересовался, как долго еще может лодка находиться под водой. Молодой моряк подумал немного:

— Аккумуляторов хватит еще надолго, а вот насчет воздуха становится плоховато. Я думаю, что через несколько часов нам во что бы то ни стало придется пробиваться к поверхности.

— Но как странно, что все наблюдения прежних лет не оправдываются. Ведь капитан Билькинс совершенно правильно рассчитывал встречать чистую воду каждые двадцать пять-тридцать миль. А тут мы отмахали почти четверта, воды же нет как нет.

В этот момент в центральный пост, неслышно ступая мягкими туфлями, вошел Билькинс.

— А ну-ка, кто меня здесь ругает? — весело бросил он.

— Ругаю вас я и самым нещадным образом, капитан. Как долго вы намерены еще держать меня в этой коробке без свежего воздуха? — ответил Зуль.

— Если мы в течение ближайшего часа не встретим воды, то придется проделывать первое отверстие во...

Но Билькинс не успел договорить: вахтенный офицер издал радостное восклицание и уставился в один из приборов. Билькинсу достаточно было одного взгляда на циферблат.

— Ну, вот, доцент, все идет как нельзя лучше. Сейчас вы получите столько свежего воздуха, сколько могут вместить ваши легкие.

Билькинс занял командирское место. По лодке разнесся пронзительный звонок. Во всех концах судна заворочались полусонные люди, занимая свои места у аппаратов и машин. Везде вспыхнул ослепительный свет. Через минуту раздалась команда Билькинса:

— Продуть носовую!

Зашипел и забулькал врывающийся в цистерны воздух. Лодка колыхнулась и, подчиняясь горизонтальным рулям, немного приподняв нос, пошла на всплытие.

Билькинс медленно и осторожно поднимал лодку, впившись взором в сигнал, соединенный с палубным зондом. Но сигнал оставался темным. По-видимому, льда над судном не было. Лодка спокойно поднималась. Перед глазами Билькинса, прижавшегося к окуляру перископа, появился слабый свет и через момент ярко заблестела поверхность освещенного моря. Вращая перископ, Билькинс внимательно оглядел горизонт по всей окружности.

— В северных квадрантах лед на расстоянии двух-трех миль. В южных квадрантах почти совсем рядом... Однако, всплываем.

Все облегченно вздохнули. Палуба лодки стала жать подошвы, поднимая людей к свету и чистому воздуху. Вахтенный матрос бросился по узкому трапу к главному люку рубки, приготовившись открыть его по первому приказанию командира.

Но, прежде чем оставить управление, Билькинс сказал вахтенному начальнику:

— Вы будете придерживать лодку на месте, на равном расстоянии от обоих полей, — и, обернувшись к главному механику, добавил:

— Приготовить дизеля!

.

ПЛАТОНИЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ ДОЦЕНТА

Так же однообразно и без всяких приключений прошли вторые и третьи сутки похода «Наутилуса». Билькинс еще три раза воспользовался свободной ото льдов водой, чтобы всплыть и возобновить запас воздуха, не прибегая к пробиванию льда. Последний раз пробыли на поверхности почти целый день для того, чтобы перезарядить аккумуляторы.

Со времени последнего всплытия прошло уже около полутора суток. Не было никаких признаков чистой воды, даже узких прогалин между ледяными полями не попадалось. Лды представляли собой монолит, отгородивший морские глубины от внешней атмосферы толстой прозрачной корой. Сделав несколько раз попытку приблизиться к нижней поверхности ледяного покрова и идти вплотную около него, Билькинс каждый раз должен был от этой мысли отказаться, так как, вопреки ожиданиям, эта поверхность вовсе не была гладкой.

Экипаж успел, по-видимому, уже привыкнуть к урезанной порции кислорода и люди не испытывали страданий, как в первые дни. Но большинство из них стало отличаться необычайной сонливостью. Свободные от вахты не интересовались ничем кроме койки.

Лодка представляла собой пловучее сонное царство, где бодрствовали только штурмана, рулевые да вахтенные механики, клевавшие носами под однотонное жужжание электромоторов.

Так было и около полудня 5 июня. В лодке слышно было лишь гудение моторов. Ярко освещенный колодец центрального поста, главная машина и обе станции — носовая и кормовая — были отделены шторами от погруженных в полумрак помещений команды. Только еще в крошечной каютке старшего штурмана зеленел абажур лампы. Пятно

света падало на стол, выхватывая из полумрака красные жилистые руки Кроппса и желтые лакированные ящики хронометров. Крепкими волосатыми пальцами штурман бережно поворачивал ключ, заводя, один за другим, четыре хронометра.

В тот момент, когда штурман отнял пальцы от ключа и потянулся за крышкой хронометра, по всему судну разнеслась резкая металлическая дробь аврального звонка. Звон не умолкал, громко и тревожно разрывая тихий полумрак лодки. Почти одновременно с началом звонка, — может быть, на одну-две секунды позже, — из машинного отделения донесся оглушительный металлический стук резко переключенной реверсивной муфты. Лодка испытала сильный толчок, точно гигант ударил ее чем-то мягким по форштевню. Хронометры, стоявшие перед штурманом, скользнули по гладкой поверхности стола и с жалобным звоном упали на палубу. Сам штурман, протянув руки к хронометрам, с возгласом отчаяния стремительно полетел со стула в угол каюты.

Во всех помещениях происходило почти то же самое. Спящие люди валились с рундуков и коек. Они катились друг на друга. Среди них падала посуда и звенела по железной палубе. Билькинс, свалившись с койки, больно ударился головой и в первый момент не мог ничего сообразить. Его мозг серебряной пилой разрезала дробная трель звонка. Но через несколько секунд он выскочил из своей каюты и, покрывая звон посуды, стук барахтавшихся тел и наполняющие темноту проклятия, прокричал:

— Спокойно... Спокойно... Ничего не случилось. Все по местам!

Повторив это несколько раз и убедившись в том, что в помещениях вспыхнуло электричество и люди стали поспешно занимать свои места у аппаратов, Билькинс в два прыжка оказался около ошеломленного вахтенного начальника, еще не оправившегося после сотрясения. Звон не переставал трещать. На приборной доске ярко вспыхивал красный сигнал носового зонда.

— Джонс, мы с чем-то столкнулись! — крикнул Билькинс вахтенному начальнику. — Или это очень хорошо, или это очень плохо.

— Скорее плохо, чем хорошо, сэр, — ответил Джонс. — Посмотрите-ка, мы уже две минуты отрабатываем задним ходом, а сигнал все еще не прекращается.

— Вы думаете, что зонд засел в препятствии? Посмотрите-ка лаг.

— Есть, сэр.

Джонс побежал к колодцу лага и через минуту крикнул:

— Здесь все в порядке, сэр. Лаг работает на полный ход.

— Что же это значит, — ведь не тащим же мы с собой всю скалу!.. Эй, Джонс, на какой глубине вы шли, когда произошло столкновение?

— Двадцать метров по глубомеру, сэр.

В центральный пост вбежали Зуль и старший штурман.

Билькинс отдал распоряжение о перемене курса. Рулевые осторожно переложили вертикальный руль. Лодка шла в новом направлении с едва вращающимися двигателями. Однако сигнал столкновения не прекращался. Все стояли совершенно ошеломленные. Штурман выбрал минуту и попробовал рассказать Билькинсу:

— Сэр, большое несчастье, два хронометра...

Билькинс только отмахнулся:

— Не до хронометров... тут за нами скалы гонятся. — Он на минуту задумался и скомандовал:

— Подготовиться к всплытию.

Медленно, осторожно, на одних горизонтальных рулях лодка поднимается метр за метром. Глаза всех присутствующих впились в сигнал вертикального зонда. Через несколько минут непрекращающаяся трель звонка горизонтального зонда смешалась с такой же трескучей трелью другого звонка и циферблат вертикального зонда загорелся синим светом.

Лодка стала двигаться горизонтально. Когда она оторвалась от ледяного покрова, верхний сигнал умолк и синий свет погас. Но носовой сигнал продолжал сиять крас-

ным светом и его звонок все так же пронзительно наполнял стальную тесноту лодки. Все пришли к заключению, что, по-видимому, зонд просто испортился от удара о встречную скалу и в нем произошло замыкание. Идти вперед с таким зондом было слишком рискованно. Билькинс решил продержаться несколько часов и спустить водолаза для починки.

Пока шли приготовления водолаза, Билькинс исследовал все пространство вокруг лодки при помощи перископа и прожектора. Луч сосредоточенного света в сто миллионов свечей методически, метр за метром, ощупал темное пространство, окутавшее лодку. Но ничего похожего на берег Билькинс не обнаружил. Луч, не встречая никаких препятствий, уходил в мягкое податливое стекло воды, преломлявшее его едва уловимым волнением. Билькинс попробовал даже направить луч вверх, рассчитывая, что сила света преодолееет лед. Но его ожидания не оправдались. По-видимому, толщина льда была настолько велика, что совершенно лишала возможности его просветить. В самый последний момент, когда Билькинс, перед тем как выключить прожектор, обводил лучом вокруг лодки, сноп света пересек большое темное тело, быстро промелькнувшее снизу вверх. Проследив за ним, Билькинс увидел в ледяном покрове небольшое круглое отверстие — характерную лунку морского зайца. Это говорило о том, что и в этих крайних широтах есть жизнь.

Тем временем были закончены все приготовления для спуска водолаза. Судно подошло на расстояние двух-трех метров ко льду. Пустили в ход алмазные буры и в проделанные отверстия выпустили шланги. Свежий морозный воздух стал парно вырываться из широкого зева вентилятора. Молодой машинист от восторга даже издал воинственный клич, потрясая кулаками. Потом махнул безнадежно рукой:

— Эх, на лыжах бы сейчас! Небось, там-то воздуху, вот бы подышать!

Его поддержал Зуль:

— А что, капитан, не попытаться ли нам при помощи водолаза проделать отверстие такого размера, чтобы можно было выставить наружу всю рубку? Мы могли бы прежде всего совершенно точно определить свое место по солнцу и, кроме того, было бы очень интересно познакомиться с окружающим ландшафтом.

В разговор вступил кок:

— Невредно бы и пресную воду в цистернах переменить. Наша что-то пахнуть стала.

Все знали, что вода отличная и ничем не пахнет, но с благодарностью взглянули на находчивого негра. Однако, Билькинс колебался. Ему и самому улыбалась перспектива познакомиться с тем, что делается наверху, но не хотелось терять времени. Старший штурман преодолел колебания капитана:

— Подумайте, сэр, ведь мы находимся в том секторе, где еще не ступал человек и не побывало ни одно судно. Разве только несчастная «Жанетта»... Да и то неизвестно, прошла ли она именно тут. Мы значительно к норд-осту от дрейфа «Фрама»... Мы будем здесь первыми, сэр.

Билькинс решил:

— Ну, хорошо, уговорили. Выведем рубку наружу и тогда примемся за осмотр носового зонда. Мистер Кроппс, отдайте распоряжение подойти вплотную ко льду. Тогда водолазы с рубки смогут разрезать лед у себя над головой... Впрочем — стоп, отставить. Из водолазов кто приготовился?

— Мультаки, сэр.

— Отлично, пусть его спускают в кессон. Через четверть часа я выйду к нему на помощь.

— То есть, сэр, вы хотите...

— Правильно, Кроппс, я всегда делаю то, что хочу и хочу то, что делаю. Вам не идет это выражение удивления. Сгоните его поскорее. Скажите-ка лучше, чтобы мне приготовили водолазное снаряжение.

Через четверть часа небольшой коренастый грек Мультанаки, облеченный в скафандр и водолазный костюм, под руководством Билькинса действовал плавильным ледя-

ным ножом. В руках у него была зажата эбонитовая рукоятка со вделанным в нее длинным стальным стержнем. В полom стержне проходила платиновая проволока высокого сопротивления, разогревающая стержень. Вода вокруг стержня бурлила и кипела. При каждом движении Мультианаки его рука рассыпала целые каскады прыгающих пузырьков.

При соприкосновении со льдом нож вошел в него как в мягкое масло. Мультианаки сделал длинный разрез, в который сейчас же устремилась темная масса воды. На расстоянии полуметра от первого разреза, водолаз сделал еще один. Затем полученную длинную полосу льда он стал быстро разрезать на небольшие параллелепипеды. Билькинс тут же выталкивал их наверх. Пока он пытался над первым куском льда, разрезы, сделанные Мультианаки, стали под действием холода снова смерзаться, и водолазу пришлось еще раз провести ножом по тем же местам. Через полчаса работы над головами работающих было уже окно чистой воды площадью около квадратного метра.

Со лба Билькинса градом катился пот, заливая глаза. Белье прилипло к телу. Несмотря на низкую температуру воды, стало невыносимо жарко. Он передал на контрольный пост в лодку:

— Выключите у меня обогреватель. Жарко как на тропиках.

В наушниках прозвенел ответ;

— Есть выключить обогреватель.

Через полминуты Билькинс уже почувствовал, как к телу его прилегает холодная одежда. Стало несколько легче работать. Но через четверть часа Мультианаки бессильно опустил свой нож. Билькинс чувствовал, что и у него от напряжения перед глазами прыгают звезды.

Скоро их сменили другие водолазы, и работа продолжалась.

Шесть раз менялись люди, и только через три часа окно достаточных размеров было готово.

Как ни ярко сверкали электрические лампы во всех помещениях лодки, но выскочившие на лед люди зажму-

рились и закрыли руками лица. Блистая пирамидами рассыпанной в воздухе алмазной пыли, взлетали со льда фонтаны серебряного света. Фонтаны переливались и играли на каждой неровности. Вся атмосфера волновалась лучистыми переливами, и в то же время невозможно было никуда взглянуть от залившего все ровного света. Все кругом было совершенно мертво и в то же время ни на секунду ландшафт не оставался одним и тем же. Непрестанно менялись контуры окружающих ледяных возвышенностей. Изгибались и волновались в непрерывном сиянии голубых краев ледяные поля.

Только Зуль и Билькинс предусмотрели это обстоятельство и надели темные очки. Большинство же людей, как слепые котятa, полезли обратно в лодку.

Зуль огляделся и широко раскинул руки:

— Вы только взгляните, капитан, какой простор... Где, где, скажите, можно видеть что-нибудь подобное? Покой природы. Не покой, созданный плотными шторами и наглухо закрытыми дверями, а подлинный, абсолютный, единственно настоящий отдых неподвижной природы. Только слепцы да те, кто никогда этого не видел, могут думать, что в странах тропиков, в благословенной Италии, в пресловутом Средиземном море следует искать краски природы. Каждый сапожник, не страдающий дальтонизмом, передаст вам на полотне небо Адриатики, пальмы Алжира, а вот покажите-ка мне такого артиста, который сумел бы не только передать кистью, а хотя бы для самого себя как художник проанализировать гамму красок, взлетающих в воздух с этих мертвых полей. Таких еще нет. Попадая сюда, художники слепнут. Они в бессилии опускают кисти и смотрят на палитру, как на пустую доску — на ней нет красок, из которых человеческий глаз мог бы составить цвет, нужный для изображения хотя бы вот этого края поля.

Билькинс улыбнулся.

— Я, доцент, сам поклонник этих просторов, но вы уж слишком высокого мнения об их художественных достоинствах.

— Вы говорите, слишком высокого, капитан?.. Хорошо, скажите мне — какого цвета вон то ребро льдины, что смотрит из-под снега у ближайшего троса?.. Вот видите, вы уже и потерялись. Я вас понимаю. Вы просто не можете подыскать нужного определения. Не смущайтесь, вы не один теряетесь. Я чаще и дольше видел эти краски и все-таки, если вы меня спросите, как я их определяю, я должен буду сделать это очень приблизительно и, вероятно, даже ошибусь. Если я скажу вам — аквамарин, вы вправе возразить, что краска этого льда куда глубже и полнее любого аквамарина; разве аквамарин, самый совершенный и прозрачный, может дать такую кристальную чистоту неба, как этот осколок льда? Изумруд? — Нет, об этом не стоит говорить. Наконец, бирюза — чистейшей воды бирюза? Как далеко ей в своем совершенстве до этой льдины. Где, в какой царственной бирюзе вы найдете такое бесподобное смешение зеленого и голубого? Попробуйте-ка сказать, где здесь кончается голубизна и начинается зелень? Ну, вот видите, а вы говорите, я преувеличиваю. Какой самоцвет, какой алмаз способен источать такую бездну сверкания?!

— Пожалуй, вы правы, доцент. Но мне никогда не приходилось задумываться над такими вещами — как-то некогда было. Вместе с Кингом и Йельсоном мне пришлось побывать над этими местами, но тогда никто из нас не задавался такими мыслями, и, признаться, всем нам эти льды казались только страшными.

— Это происходит, капитан, из-за того, что вы не любитель севера...

— Нет, доцент, я его люблю.

— Вы любите его, как покоритель любит покоренную страну. Вы любите воевать с северными льдинами, но вам по существу все равно, северные это льды или южные, — вас интересует, в лучшем случае, только процесс состязания с ними: кто кого? В худшем — вы стремитесь к той славе, которую неизбежно дает победа над таким противником, как полярный лед. Поэтому вы знаете лед, снег, холод, пургу, медведя — вообще все, что входит в понятие «полярная область» — только как препятствие, только как

барьер, через который надо перескочить, не зацепившись ногами, чтобы не сломать себе шею. А вот если бы вы знали, как любят север у нас в Норвегии! Для нас он не пугало, а родной отец. Этаким огромный суровый старик, любящий пошуметь, крепко помять нам бока. При попытке ласкаться он больно колет жесткой седой бородищей. Но нигде сын севера не может отдохнуть так сладко, как на просторной белой груди своего великана отца. Норд, Норге, Норвей — ведь это все почти одно и то же, почти синонимы. Норвежец — родной сын севера. Он не боится его, не намерен с ним воевать, он хочет его близости и покровительства. Он любит его и за то получает от севера то, чего хмурый старик не дает больше никому — железное здоровье и непоколебимый покой души. Умение довольствоваться самым малым и любить только скалы и лед. Вы вот улыбаетесь? А смотрите — взять хотя бы вас, американцев. Стоит в кармане янки завестись лишнему доллару, и его уже тянет куда-нибудь в Италию. А прославленные британцы, какая нация дает еще такое число бродяг, неспособных довольствоваться пределами своего отечества? И рядом с этим разве вам приходилось видеть в какой-нибудь Ницце или в Неаполе норвежцев? Как редкое исключение. Мы не любим чужих стран. Мы чувствуем себя хорошо только в Норвегии и в полярных странах, составляющих коренные владения нашего родного отца Норда.

— Однако, как мне кажется, доцент, вы не всегда путешествуете по северу только для того, чтобы любоваться его красотами. Приятность отдыха на широкой груди вашего сердитого отца вы не прочь соединить с некоторыми полезными результатами!

— Что делать, капитан, такова жизнь... И все-таки я люблю север чисто платонически... Однако мы, кажется, несколько отвлеклись, давайте-ка займемся наблюдениями. Вон и Кроппс тащит секстанты.

— И то правда. Пока вы будете здесь делать наблюдения, я пройду и узнаю, чем кончился осмотр носового зонда и как велико его повреждение.

МУЛЬТАНАКИ ИСЧЕЗ

Когда Билькинс уже наполовину спустился в рубку лодки и только голова торчала над поверхностью льда, его взгляд совершенно случайно отметил в отдалении какое-то желтое пятно, довольно резко отличающееся от общего ослепительного белого фона. Присмотревшись, Билькинс определил: медведь.

Желтое пятнышко быстро подвигалось по направлению к лодке. Скоро за ним появилось еще одно такое же. Второй медведь. За вторым — еще два поменьше.

Билькинс обернулся к Зулю и Кроппсу:

— Эй, господа! Смотрите-ка, к вам гости... И ведь совершенно не боятся; по-видимому, они еще не знакомы с такой дичью, как вы. Идут, как на приготовленный завтрак.

Но звери не собирались охотиться на людей. Они не обращали на них никакого внимания и быстро двигались по краю длинной узкой трещины, оканчивавшейся невдалеке от того места, где вклинилась в лед рубка «Наутилуса». При этом звери все время принохивались к чему-то в полынье. Дойдя до конца трещины, большой старый медведь прыгнул в воду и исчез под льдом.

Почти тотчас же спускавшийся в лодку Билькинс услышал тревожные удары колокола, доносящиеся из нижнего отделения, откуда подавался воздух водолазу и велись с ним переговоры. Когда Билькинс вбежал на водолазную станцию, по борту лодки раздалось скрежетание и неистовые удары. Одновременно трос, один конец которого был прикреплен к поясу водолаза, а другой намотан на лебедку, резко натянулся. Точно водолаз с размаху бросился в глубину. Передача голосом прекратилась из-за обрыва переговорочного кабеля. Дернувшись несколько раз, лопнула и сигнальная веревка. Работавшая полным ходом ле-

бедка бешено завертелась впустую, наматывая оборванный трос. Все растерянно переглянулись. Старший водолаз, повернувшись к Билькинсу, спросил:

— Сэр, как быть?

Но вопрос не дошел до капитана. Билькинс, не обращая внимания на общую растерянность, поспешно натягивал водолазный костюм. Поняв без слов намерение капитана, окружающие принялись привинчивать ему к вороту скафандр. Через три минуты Билькинс был уже в промежуточном кессоне и через пять в податливом зеленоватом стекле воды.

Билькинсу было ясно, что оборвать главный трос водолаз мог только при очень стремительном падении.

Трос быстро разматывался. Билькинс чувствовал, что с каждой секундой становится все труднее и труднее дышать под давлением огромного столба воды. Наконец, трос остановился — все сто метров были вытравлены. Билькинс повис над бездной. Над головой, под ногами, со всех сторон было мутное зеленоватое стекло воды. Билькинс не раз бывал под водой, но сейчас он чувствовал себя совершенно необычно. Несмотря на то, что ослепительный свет сверху проникал даже на эту глубину, вода казалась совершенно мертвой, совсем не такой, какую Билькинс видел в южных морях. Ни одно животное, ни рыба, ни моллюск не нарушали ее покоя. Не было признаков какой бы то ни было растительности. Посветив немного вокруг себя грудным фонарем, Билькинс выключил свет. Таким безнадежно немощным показался ему этот слабенький луч! Несмотря на неподходящий момент, Билькинс даже громко рассмеялся в своем скафандре: «Нужно же быть таким идиотом, чтобы впопыхах забыть здравый смысл — ведь я же знаю, что глубина здесь измеряется тысячами метров». И он дал сигнал к подъему.

Добравшись до лодки, Билькинс залез в узкий промежуток между льдом и верхней палубой судна. Отсюда он осторожно добрался до носового зонда, чтобы исследовать его повреждение. Он быстро понял, в чем дело. Весь промежуток между буфером зонда и корпусом его телескопи-

ческой трубы был забит лохмотьями сырого мяса и кожи. Тут же он обнаружил и обрывок тюленьей лапы. По-видимому, эти остатки столкновения с животным, забив контакты, создали соединение, повлекшее за собой непрерывающийся звонок сигнала. Билькинс старательно очистил зонд и снял помятый буфер.

Теперь оставалось найти объяснение приходу медведей к месту стоянки лодки и исчезновению водолаза.

Конец полыньи, в которую на глазах Билькинса нырнул медведь, приходится почти над самым концом зонда. Билькинс решил воспользоваться полыньей для того, чтобы передать на поверхность льда снятую им часть буфера. Он сказал в переговорную трубку:

— Спустите мне водолазную стремянку и крепкий строп в самый конец полыньи. Я привяжу к нему буфер.

В наушниках слышалось:

— Есть, послали наверх.

Билькинс уселся верхом на трубу зонда и стал ждать.

— Однако, они не торопятся, — подумал он через несколько минут напрасного ожидания.

Но как раз в этот момент наверху слышались сильные удары по льду, гулко отдававшиеся в медном скафандре, — и, вместо ожидаемого стропа и стремянки, в светлом отверстии полыньи показались медвежьи лапы, а затем целый медвежий зад заслонил свет. Медведь отчаянно барахтался, пытаясь вылезти из полыньи, затем осел всей тушей в воду и скользнул под лед, слабо дергая лапами. Следом за медведем сверху скользнул виток троса. Билькинс, забыв про буфер, подхватил конец и захлестнул вокруг медведя, все еще делающего слабые попытки всплыть. Сверху появилась и долгожданная стремянка. Прижимая к груди тяжелый буфер, Билькинс полез наверх. Сразу несколько рук подхватили его на краю льда и вытащили на поверхность.

Ослепленный непомерным сиянием льда, Билькинс беспомощно сидел, пока с него снимали скафандр. На него набросились с расспросами:

— Ну, что с Мультанаки?... Где Мультанаки?..

— Где-нибудь там, — сказал Билькинс, сделав неопределенный жест в сторону льда.

Все молчали.

— Но я вижу, вы хотите, чтобы и я обратился в ледяную сосульку.

Действительно, водолазный костюм Билькинса превратился в негнущуюся блестящую корку. Он с трудом поднялся, чтобы с помощью окружающих сбросить свои тяжелые доспехи. Скинув их, стремглав побежал в лодку.

Но не успел Билькинс допить и первого стакана горячего шоколада, как сверху послышались крики:

— Капитан! Господин капитан!

Набросив шубу, Билькинс выскочил опять наверх.

8.

КРОППС СОМНЕВАЕТСЯ В УМСТВЕННЫХ СПОСОБНОСТЯХ КАПИТАНА

Навстречу Билькинсу, увязая длинными ногами в снежных сугробах, бежал Кроппс. Когда он приблизился, Билькинс рассмотрел в его руках какие-то кровавые лохмотья. Запыхавшись от бега и не в состоянии выговорить ни слова, Кроппс протянул их капитану. Билькинс в недоумении остановился:

— В чем дело, Кроппс?

— Капитан... Мультанаки... смотрите, это же Мультанаки!

Только тут Билькинс разобрал, что Кроппс держит в руках пропитанный салом и кровью кусок ткани от водолазного костюма. Крепкий прорезиненный брезент был разорван в клочья.

— Откуда это, Кроппс?

— Из медведя, сэр.

— Из какого медведя?

— Мы вскрыли тут же медведя, которого вы нам помогли извлечь из воды после того, как Миккельсен и Джонс его убили... В нем мы нашли эти клочья... Здесь не может быть сомнения — это от костюма Мультанаки.

— Что же вы думаете, Кроппс?

— Я ничего не думаю, сэр; это так страшно, что просто не хочется думать.

— Постойте, а откуда вообще взялся этот медведь? Вернее, где он был с тех пор, как пришел сюда вместе со своей семьей?

— Вы ведь видели, что он нырнул в полынью. Мне кажется, что его привел сюда какой-нибудь след крови от тюленьей туши, нанизавшейся на наш зонд. Нырнув, он, по-видимому, занялся вылавливанием этой туши и, действительно, вытащил большую ее часть на лед. Но вот тут-то и возникает вопрос о Мультанаки. Мне кажется, что водолаз хотел помешать медведю завладеть тюленем. Вероятно, это и привело к гибели. На борьбу, происходившую между ними, с достаточной ясностью указывает этот клочок одежды. Едва ли в таких условиях можно говорить о каких бы то ни было возможностях спасения Мультанаки. Оказаться в этой воде в разорванном костюме... Грузы на ногах достаточно надежно держат его на дне — не хуже традиционного ядра или колосников.

— Да, Кроппс... вы правы, конечно, Мультанаки должен был погибнуть... Но, Кроппс, старина, что вы — не знаете, что ли, наших ребят? Он должен был, но не мог погибнуть!

— Право сэр...

— «...право, сэр, сомневаюсь в ваших умственных способностях», хотите вы сказать? Не стесняйтесь, старина, говорите. Но только на этот раз я вполне уверен в своем здравом уме и твердой памяти — можете далее пощупать мой затылок — я не обижусь. И все-таки что-то во мне протестует против вполне логического заключения о смерти Мультанаки.

Кроппс широко раскрыл глаза и недоуменно пожал плечами вслед удаляющейся фигуре Билькинса.

9.

СООБРАЖЕНИЯ АНТРАЦИТОВОГО КОРОЛЯ

Пятая эвеню, средоточие вилл и дворцов магнатов Уолл-стрита, окутана тишиной и покоем. Владельцы дворцов досыпают самые ценные часы. Осторожно подъезжают к воротам зеленчики и булочники. Осторожно звонят у тяжелых чугунных калиток почтальоны. Даже полисмены, никогда и нигде не стесняющиеся своей мастодонтальности, стараются ступать как можно мягче на отполированный до блеска асфальт тротуаров. Магнаты спят. Ничто не может и не должно портить им последние, самые дорогие часы утреннего сна.

Спит и роскошный дворец Хармона — короля антрацита. Не спит только его владелец — сухой сморщенный старичок Натан Хармон. Сидя в смятой пижаме на краю постели, он яростно потрясает маленьким кулачком перед телефонной трубкой и, брызжа слюной, хрипло кричит на своего невидимого собеседника. От злобы и напряжения на желтых висках короля вздулись синие извивы склеротических вен.

— Я говорю вам, что это глупость, какую могли допустить только вы... А, что? Чепуха... вы, что же, воображаете, что я заплатил за этого дурацкого «Наутилуса» только ради того, чтобы какой-то Билькинс, по-видимому, такой же осел, как вы, мог совершить увеселительную прогулку к чертям на кулички?.. Взять с собой эту лису Зуля!.. Нет, это мне нравится... А, что?.. Помолчите, пожалуйста, когда я говорю... Да что вы, сегодня родились, что ли, и не знаете, что Зуль — это Петрушка, за которого дергают английские и голландские углепромышленники, если только

не британский генеральный штаб... Я уже сказал вам, что вы осел, и потрудитесь не заставлять меня повторять вам это несколько раз... Да, да, да — осел, осел...

Король залился тонким старческим кашлем и со злостью швырнул трубку на аппарат. Кашлял он долго, залиvisto, отплеываясь и вытирая кулачком катящиеся из выпавших серых глазок скупые слезы. Потом он схватил трубку и повернул вертушку автомата.

— Почему вы бросаете трубку, когда я еще не кончил с вами говорить... А, что?.. Какое мне дело до того, что вы думали, вы бы лучше думали тогда, когда снаряжали этого Билькинса, не послав с ним ни одного инженера... Я всегда должен думать за вас, всегда сам, всюду сам... А, что?.. Я говорю, что нужно немедленно послать вдогонку самолет с нашими геологами... А, что?.. Не говорите глупостей, раз я говорю, что нужно послать, значит, это возможно... Государственный департамент? То есть как же это он может возражать? Какое мне дело до его соображений о принадлежности полярных секторов... Переговорите с государственным департаментом от моего имени... Государственные соображения? Вы должны же, наконец, понять, что государственные соображения там, где дело касается угля — мои соображения... Ну, ладно, мне надоело... Сегодня вечером вы мне доложите о том, что экспедиция вылетела... Зуль? Пусть они делают с ним теперь, что хотят — топят, едят живьем, мне нет до этого никакого дела — он не должен попасть на эту землю, и все. А как это сделать, пусть думает Билькинс...

Хармон опять швырнул трубку и нажал кнопку звонка на ночном столике. Дворец антрацитового короля на Пятой авеню ожил.

ЗУЛЬ ИЛИ ДОЛЛАРЫ БИЛЬКИНСА

Из проруби, ведшей в рубку лодки, появился радист Вебстер.

— Мистер Кроппс, где капитан?

Вместо ответа Кроппс повертел приставленным ко лбу пальцем.

— Вы хотите сказать, что он у вас в голове?

— Нет, я хочу сказать, что его нужно оставить в покое. Он немного устал после своего спуска под воду за Мультаки и голова у него не совсем свежа. А что вы от него хотите?

— Глупейшее радио для капитана.

— А ну, покажите, в чем дело.

Кроппс взял у Вебстера бланк:

Капитану Губерту Джону Билькинсу. Северное полярное море, судно «Наутилус».

Из прессы стало известно о нахождении у вас на борту норвежского геолога Зуля. Мы знаем истинные намерения Зуля. Считаем принятие его на борт «Наутилуса» неосмотрительным. Необходимо изолировать его от возможности исследования ископаемых богатств посещаемых вами островов. Вслед вам посылается воздушная экспедиция под начальством капитана Йельсона, которая доставит вам на борт американских геологов. Экспедиция вылетит с Аляски к точно указанным вами координатам. Необходимо оказать экспедиции полное содействие и подготовить возможность посадки для капитана Йельсона.

Подписал государственный секретарь Сонстим. Вашингтон.

Кроппс дважды прочел текст и вопросительно поглядел на Вебстера.

— Вы, мистер Вебстер, были вполне трезвы, когда принимали эту чушь?

— Мистер Кроппс, вы же отлично знаете, что только вы один сумели припрятать в своем рундуке виски... Дайте сюда депешу, я должен снести ее капитану.

Вебстер выхватил бланк у Кроппса и побежал к Билькинсу.

— Сэр... сэр... вам срочное радио.

Прочтя радио, Билькинс посмотрел на Вебстера так же, как только что перед этим смотрел Кроппс.

— Когда вы приняли эту галиматью, Вебстер?

— Десять минут тому назад, сэр.

— И дали квитанцию?

— А как же, сэр.

— На этот раз ваша аккуратность заслуживает только порицания.

— То есть, сэр?

— Лучше было бы, если бы мы этого радио не получали.

Вебстер почесал затылок. Билькинс задумчиво вертел депешу.

— Видите ли, Вебстер, угольные аппетиты Зуля интересуют меня сейчас не слишком, и мне совершенно наплевать на намерения тех почтеннейших геологов, которых везет сюда Йельсон. Если по пути он их всех угробит, я не буду особенно горевать. Но теперь уже я не могу не сделать всего возможного, чтобы облегчить Йельсону путь и посадку. Достаточно того, что сам старина Йельсон летит сюда к нам — это искупает половину всех неприятностей. А вот вам, Вебстер, это лишний укор — мы не знали о том, что Йельсон уже настолько поправился, что даже летает. Все это, наверно, сообщалось по радио, а вы прозевали. А вы ведь, наверно, знаете, что Йельсон мой лучший приятель и спутник во всех прежних походах.

— Не везет мне сегодня, сэр, — сокрушенно пробурчал Вебстер.

— Ну ладно, не огорчайтесь! Попробуйте связаться с Вашингтоном и получить самую точную информацию о

том, когда, какие и в какую именно часть Арктики отправились с континентов или собираются отправиться экспедиции. Я уверен, что об этой телеграмме государственного департамента знает уже весь мир и скоро по нашим следам устремится целая вереница всяких авантюристов. Они, небось, вообразят, что мы уже открыли здесь целый Уэльс с готовым кардифом¹. Только хватай.

— О каком Уэльсе вы говорите, мистер Билькинс? — раздался за спиной капитана голос Зуля.

— Все из-за вас, милейший доцент. Целая каша. Придется вам теперь посидеть взаперти в лодке.

— Что вы хотите сказать, капитан? — сухова то спросил З уль.

— Не больше, чем уже сказал, мистер З уль. Вы еще только собрались по секрету от всего света ставить столбы на островах, которых, может быть, и не существует, и извлекать из их недр уголь, которого, вероятно, природа не удосужилась создать, а Уолл-стрит, кажется, уже выпустил акции полярной угольной компании. Ну, и, конечно, не норвежской, а американской.

З уль на минуту изменился в лице. Глаза его заблестели незнакомым Билькинсу молодым и злым блеском. Но сейчас же доцент взял себя в руки и как всегда спокойно принялся пощипывать бороду.

— Тут какое-то недоразумение, мистер Билькинс, его надо выяснить, — медленно произнес З уль.

— Ну, что ж тут выяснять, доцент. Вот вам радиограмма. Прочтите ее, и все станет ясно.

З уль быстро пробежал радио и спокойно вернул его Билькинсу. Деланно равнодушно он сказал:

— Мне ничего не остается, как подчиниться и самому подвергнуть себя домашнему аресту.

С этими словами он медленно пошел к лодке. Билькинс с сердцем плюнул и выругался:

¹ Высоко ценившийся в то время как пароходное топливо сорт уэльского (кардифского) угля, отличающийся легкой горючестью и отличными теплотворными показателями (*Здесь и далее прим. изд.*).

— Черт их матери в бок! Они готовы из-за лишней тонны паршивого угля испортить человеку настроение на целый день. Мне искренне жаль старика, но ничего не поделаешь, придется урезать практическую сторону его любви к старому седому отцу Норду. Иначе мне самому не удастся больше получить ни одного доллара ни на одну экспедицию.

11.

ДОЛЛАРЫ ЗУЛЯ

Гудели моторы и заунывно выла динамо. Снова дрожали перед вахтенным начальником стрелки приборов и лаг отсчитывал милю за милей. В освещенном отсеке центрального поста прохаживался вахтенный штурман. Склонившись над штурвалами, сидели рулевые. В корме, в главном машинном отделении, как всегда, хлопотали вахтенные механики. Кто не возился с машинами, тот был занят каким-нибудь мелким ремонтом у верстака, приделанного тут же к стальной переборке. Но светло было только в этих отделениях. И только в них шла жизнь и работа. Все остальные помещения лодки были погружены во мрак. Экипаж, утомленный непривычно большой порцией воздуха, полученной на льду, и возней с двумя убитыми медведями, спал. Не слышно было даже обычных выкриков. Никто не ворочался на своих тесных жестких койках.

В кормовом кубрике было тоже тихо и темно. Слышалось только мерное посапывание нескольких человек. Не спал лишь один. Он ворочался с боку на бок и что-то потихоньку ворчал. Наконец, он встал и, обернув обрывком бумаги лампочку, выключил свет. Мутное желтое пятно выхватило из мрака кусок стола и на нем крепкие короткие пальцы. Над пальцами, быстро перебирившими листки

записной книжки, нависала короткая борода с проседью. Это был Зуль.

Справляясь время от времени с записной книжкой, Зуль писал. Он перечеркивал написанное и снова быстро нанизывал на линейки мелкие аккуратные буковки. Обычная выдержка изменила доценту. Мысли его потеряли ясность. Слова выливались на бумагу вовсе не такими и не в том порядке, как ему хотелось. Между тем нужно было торопиться. Зуль хотел составить и зашифровать радиограмму раньше, чем проснется следующая вахта. Так, чтобы никто не видел.

Вдруг Зуль вздрогнул. Издалека, с самого низа лодки, где помещалась радиорубка Вебстера, донесся слабый треск будильника. Сквозь щель неплотно прикрытой двери резанул темноту острый луч света.

Зуль насторожился. Поспешно собрал свое писание, потушил лампу и, неслышно шагая, в темноте пробрался к радиорубке. Так же неслышно он вошел в нее и, плотно прикрыв дверь, повернул ключ в замке.

Вебстер сидел уже с наушниками на голове и ничего не слышал. Зуль тихонько тронул его за плечо. Радист вздрогнул от неожиданности, резко повернулся к вошедшему. Зуль приложил палец к губам. Нагнувшись к самому уху Вебстера, он сам сдвинул его наушники и прошептал:

— Какая сумма вам нужна для того, чтобы больше никогда не спускаться под воду?

Вебстер не понял. Зуль пояснил:

— Я хочу знать, какую сумму вы считаете необходимым иметь на своем текущем счету в любом из банков мира для того, чтобы раз навсегда покончить со службой и жить совершенно спокойно?

— А какое вам дело, мистер Зуль, до моего покоя?

— Сейчас узнаете. Сперва ответьте на вопрос.

— Я никогда не занимался...

— Тсс, говорите тише.

— Я говорю, что никогда не занимался такими подсчетами, но думаю, что, имея десять тысяч долларов в надежном месте, мог бы позволить себе удовольствие не бол-

таться в подобные предприятия. Лавка радиопринадлежностей куда более спокойное место.

— Это много, я думаю, что за пять тысяч долларов вы можете открыть прекрасное дело. А мне нужна от вас небольшая услуга.

— От размеров услуги, мистер Зуль, по-видимому, зависят и размеры лавки? Так я вас понял?

— Совершенно верно, мистер Вебстер!

— Небось, нужно, чтобы я принял какую-нибудь радиogramму, которую не собирается передавать ни одна станция? Это не подойдет.

— Нет, что вы, мистер Вебстер. Всего только отправить мою личную телеграмму семейного характера.

— Для этого вам достаточно разрешения капитана, и никаких расходов. Тут что-нибудь не так.

— В том-то и дело, что непременным условием является то, что никто на судне, включая капитана, не должен знать об этой депеше. И притом передать ее нужно, связавшись непосредственно с радиостанцией Осло.

Вебстер минуту подумал. Протянул руку.

— Покажите вашу депешу.

Взяв листок, Вебстер внимательно прочел его и вернул Зулю:

— Нет, это не пойдет. Ваш сын и его наследство кажутся мне подозрительными. Нет ли здесь какой-нибудь гадости против нас самих?

— Мистер Вебстер, мы напрасно теряем время. Вот депеша, которую вы передадите немедленно вслед за первой. Я вписываю сюда цифру семь.

Зуль черкнул карандашом и передал Вебстеру клочок. Прочтя его, радист прикрыл глаза. После минутного колебания он тихо сказал:

— Давайте вашу семейную... скорее.

— Но помните, мистер Вебстер, никто не должен знать.

Вебстер больше не слушал. Он поспешно настраивал станцию. Загудела динамо-машина. Ключ передатчика задрожал под ловкими пальцами радиста. Передав первой

длинную депешу, он следом за ней торопливо выстукал и вторую:

Осло, Норвежский банк.

Немедленно переведите текущий счет Чарльза Викюра Вебстера
Нейшенель банк Нью-Йорк семь тысяч долларов. Зуль.

Доцент взял у Вебстера оба листка и тщательно изорвал их на мелкие клочки. Так же неслышно, как пришел сюда, Зуль вернулся к себе в кубрик. Нащупав в темноте свою койку, нырнул под одеяло.

12.

ПОРУЧЕНИЕ БОЛЬШОЙ ВАЖНОСТИ

Спокойные высокие дома с широкими окнами, с просторными подъездами, с немногочисленными украшениями на солидных фронтонах, ровной чередой обступили мостовую Бюгдоалле. По краям тротуара ровным подстриженным рядом встали деревья. Как и все улицы Осло, стоящие больше чем на сто шагов от Кара-Иоганнесгате, Бюгдоалле тиха и покойна. Спокойно, не спеша, поблескивая на солнце попугайной раскраской, бегут по выложенной кружевным узором, гладкой брусчатке маленькие автомобили. Спокойные румяные фрекен, молодые люди в пестрых кепи и седые солидные дельцы в солидных темных шляпах невозмутимо сидят за рулями. Никто не спешит, никто не волнуется, никто не нарушает чинной тишины Бюгдоалле. Изредка прошуршит широкими шинами приземистый автобус; прогудит редко-редко, чтобы издали предупредить о своем приближении перебегающую через улицу стайку маленьких школьников в форменных черных фуражках. Эти школьники — единственные прохожие, которым тишина аллеи и спокойная солидность об-

ступивших ее темных домов не внушают никакого уважения. Они шумят, смеются, толкают друг друга и громко жуют широкими, как у галчат, розовыми ртами большие бананы.

В середине Бюгдоалле, на стороне, обращенной к берегу залива Бюгдо, стоит большое здание желтого цвета с зелеными шатрами островерхой крыши. Своим новым стилем, разляпистыми арками, желтыми стенами и яркостью зеленой крыши это здание кричит о том, что оно чужое здесь, на Бюгдоалле. На эту солидную улицу, с домами старой Норвегии, вклинилось что-то совершенно новое, чуждое коренастым людям в котелках и тихим дамам в темных старомодных шляпках.

И действительно, этот дом нов не только по своему облику. В его ярких стенах живет новая Норвегия — здесь помещается недавно созданный государственный институт по изучению островов Шпицбергена и Медвежьего. Здесь помещаются бюро угольных предприятий, разрабатывающих недра островов, заброшенных далеко от норвежских берегов в воды Северного Ледовитого океана. Эти предприятия были бы слишком смелыми для обитателей тихих домов Бюгдоалле, их создали новые люди, представители молодого промышленного капитала Норвегии. Институт и бюро — детище новатора в деле исследования и утилизации ископаемых богатств полярных островов, доцента университета в Осло, доктора геологии Альфреда Зуль.

В просторных светлых комнатах первого этажа, за наклонными качающимися столами, сидят люди в светлых халатах. Длинные линейки, рейсшины, лекалы, циркули и транспортиры разложены на широких белых листах ватмана и на прозрачных, отсвечивающих ледяной голубизной, полотнищах кальки. Люди в светлых халатах не спеша орудуют длинными рейсшинами и тонкими, как иглы, ножками циркулей. Они чертят, копируют, составляют проекты, считают. Геологические разрезы, профили и планы, вычерченные людьми в халатах, вскрывают — как анатомический атлас — недра далеких островов, гор, долин и за-

ликов, отстоящих на сотни миль к северу от полярного круга.

Норвегии, быстро развивающей свою промышленность, нужен уголь. В скупых, твердых, как сталь, оголенных скалах самой страны нет ни крупицы угля. Его нужно либо ввозить из-за границы, либо искать под вечной мерзлотой полярных островов.

Здесь, в тихих просторных комнатах, сотрудники Зуля ставят прогнозы, анализируют результаты уже сделанных разведок. Они ищут для Норвегии уголь.

В самой дальней комнате нижнего этажа, между стен, увешанных большими разноцветными картами и схемами, за огромным столом светлого дуба сидит директор Андерсен. Директор Андерсен живет всегда на Шпицбергене, но теперь он приехал сюда, в просторный кабинет желто-зеленого дома на Бюгдоалле, чтобы заменить уехавшего на север главу института и ждать от него известий о результатах рискованной экспедиции.

Сегодня директор Андерсен нервничает. Ему не сидится за широким столом. Посасывая темную сигару, он и то и дело подходит к огромному зеркальному окну, выходящему на Бюгдоалле. Перед ним проходят чинные старые люди в старомодных визитках и черных котелках, пробегают жующие бананы резвые школьники, ровной редкой цепочкой текут неслышные разноцветные авто. Андерсен их не замечает. Сегодня ему кажется, что все это не настоящее, не то, чего ему хочется, не то, чего он с таким нетерпением ждет.

Взгляд его немного оживился, когда из редкой цепочки авто отделилась маленькая машина и, плавно затормозив, остановилась у подъезда института. Из авто выскочил юноша в высокой форменной шапке со значком и в куртке с двойным рядом сияющих медных пуговиц. Через плечо его висела маленькая сумка. Андерсен проводил его глазами до самой двери. Ему казалось, что в маленькой черной сумке телеграфиста должно лежать что-то особенное, то самое, чего так долго и с таким нетерпением он ждет.

— Господин Андерсен, срочная телеграмма.

Андерсен с нетерпением разорвал этикетку. Перед глазами замелькали бессмысленные слова о здоровье бабушки, лошади сына и еще каких-то семейных делах.

Директор чрезвычайно обрадовался этим семейным новостям, хотя пока еще их истинный смысл оставался для него темным. Он сразу заторопился. Знаком отпустил служащего и, усевшись за письменный стол, положил перед собой бланк. Справляясь в своей записной книжке, он стал торопливо набрасывать расшифрованный текст. По мере того как его мохнатые седые брови сдвигались, глубокая морщина все резче и резче перерезала красную, блестящую кожу лба. Составив текст, он внимательно перечел его от начала до конца:

Директору Андерсену,
Институт севера, Бюгдоалле, Осло, Норвегия.

Распоряжением американского правительства я подвергнут аресту на лодке. Лишен всякой возможности произвести необходимые наблюдения и разведки по прибытии на место. Сюда воздушной экспедицией перебрасываются американские геологи. Если есть какая-нибудь возможность, задержите их отлет. Немедленно примите любые меры к тому, чтобы изъять меня с судна и дать возможность достичь неисследованной зоны. Лучше всего используйте экспедицию Хансена. Переговорите с Гисером. Ответ шифром на «Наутилус».

Альфред Зуль.

Андерсен тщательно сложил листок и сунул его в бумажник. Усиленно дымя сигарой, он стал ходить по кабинету. Потом решительно подошел к письменному столу и несколько раз дернул вертушку автоматического телефона. Никто не ответил. Андерсен взволнованно задвигал бровями и еще раз накрутил тот же самый номер.

— Попросите господина Гисер-Зарсена... Что, некогда? Уезжает? Передайте — у меня дело исключительной важности.

Андерсен раздраженно забарабанил сухими длинными пальцами по столу. Тонкие черточки оставались на светлом лаке стола в местах прикосновения ногтей. Наконец, в трубке громко звякнуло и послышался твердый уверенный голос:

— Здесь Гисер-Зарсен.

— Господин Зарсен, говорит директор Андерсен. Я только что получил срочную депешу от доцента Зуля. Содержание совершенно секретное. Мы должны возложить на вас поручение большой важности.

— Через час я должен уехать. Послезавтра дирижабль отлетает из Фридрихсгафена. Фритьоф Хансен уже там. Едва ли мы успеем с вами даже переговорить.

— Хорошо, поезжайте на вокзал. Я приеду прямо туда. Провожу вас до границы. По дороге изложу вам все дело.

Андерсен бросил трубку и поспешно снял с вешалки шляпу.

13.

КОМБИНАЦИЯ ИЗ ПАЛЬЦЕВ ГИСЕР-ЗАРСЕНА

Громохвая и звеня железом, скорый поезд неся к югу. Маленькие вагоны мотались из стороны в сторону. Пассажиры в отчаянии опускали газеты, не имея возможности проследить до конца строк пляшущие буквы. В вагоне-ресторане кельнеры в белых куртках, лавируя между столами, как во время морской качки, разносили налитые только наполовину стаканы, вставленные в коготье яйца и прикрытые колпаками кушанья. Пассажиры неуверенно поднимали стаканы ко рту, боясь расплескать содержимое.

В дальнем углу ресторана, там, где было меньше всего публики, сидели за столом двое — худой высокий старик с красным длинным лицом и большой, плотный, необычайно крупного сложения человек с круглым бритым ли-

цом, изрезанным по обветренной коже мелкими жилками — директор Андерсен и пилот Гисер-Зарсен.

Андерсен пил кофе и ел яйца всмятку. Гисер-Зарсен одну за другой опрокидывал в себя рюмки аквавита, закусывая их тартинками с килькой. Разговор подходил к концу. Собственно говоря, Зарсен больше слушал, чем говорил: его ответы были коротки, почти односложны.

Зарсен не хотел говорить — Андерсен все равно ничего не понял бы из тех технических соображений, которые роились в голове пилота, пока он слушал сообщение Андерсена о затруднительном положении, в какое попал на далеком севере доцент Зуль. Интересы Зуля — интересы Норвегии. Интересы Норвегии — его, Зарсена, интересы. Раз Зуль попал в беду именно в связи с интересами Норвегии, Зарсен должен его выручить. Кроме того, Зуль был когда-то добрым приятелем самого Роальда Амундсена. А всякий, кто был другом покойного полярного волка, тем самым делался и другом Зарсена. Весь вопрос в том, как заставить громоздкую воздушную экспедицию немцев, в которой норвежцы принимают участие лишь как знатоки севера и только вдвоем — как заставить эту экспедицию идти именно туда, куда хочет директор Андерсен. Но теперь Зарсену и не хотелось думать об этих деталях. В голове у него так приятно звенело от аквавита и ничто не представлялось настолько трудным, чтобы стоило терять время на размышления.

Крякнув после последней рюмки, Зарсен положил широкую жилистую руку на тонкую старческую кисть собеседника:

— Слушайте, господин Андерсен. Нет ничего, чего нельзя было бы сделать. Весь вопрос в том, что в одном случае нужно перед работой выпить стакан аквавита, в другом ее не следует пить за целую неделю до работы. Вот и вся разница. Не стоит теперь ломать голову над тем, как я все это сделаю. Удовольствуйтесь тем, что Гисер-Зарсен вам сказал: Зуль поставит ваши дурацкие столбы там, где это ему захочется, лишь бы нашелся клочок почвы достаточно крепкой, чтобы воткнуть эти столбы. Понимаете, Андер-

сен? Это говорю вам — я. А теперь, не портите мне настроения вашим кислым видом и допивайте вашу бурду.

В дверях вагона показался кондуктор:

— Внимание, внимание. Прошу, господа, приготовить документы. Через пять минут граница. Поезд стоит четверть часа.

Гисер-Зарсен поднялся. Его голова почти упиралась в вертушку вентилятора. Длинный Андерсен казался почти маленьким рядом с огромным летчиком. Зарсен взял старика под руку.

— Ну-с, сударь, через пять минут вам придется повернуть оглобли. Передайте мой сыновний привет вашей старушке Норвегии. Пусть не горюет, я утру нос американцам — вот, что они увидят вместо угля.

Зарсен сделал выразительную комбинацию из толстых красных пальцев. Стуча большими рыжими ботинками, он пошел к выходу.

II.

«ПИНГВИН»

1.

«ПИНГВИН» САДИТСЯ

Белланка¹ «Пингвин» — последнее слово американской самолетостроительной техники. Широко раскинувшиеся монопланнрые крылья слегка вибрировали под напором воздуха. На бешеных оборотах, так, что не слышно было выхлопа отдельных цилиндров, гудел Райт «Циклон». Разрывая пространство острым носом, сверля и дробя его металлическим пропеллером, «Пингвин» отбрасывал назад истерзанные ключья воздуха. Светлоголубая даль, приближаясь к самолету, делалась бледной, прозрачной, наполненной мириадами невидимых в отдельности пылинок. Все вместе эти пылинки образовали сверкающую туманность. Что-то вроде млечного пути, ползущего над поверхностью беспредельных ледяных полей.

Два геолога, сидевшие в тесной кабине «Пингвина», наблюдали проходившую под ними однообразную панораму. Изредка кочковатую белую поверхность торосистых полей прорезали темные полосы разводий. По мере удаления к северу этих разводий становилось все меньше, а промоины озер уже совершенно исчезли. Картина сделалась окончательно скучной и геологи один за другим, уткнувшись носами в пушистую оторочку своих совинок, спокойно заснули. У одного из них даже большие роговые очки съехали с носа и, зацепившись оглоблей, повисли на ручке.

Утомление и сон геологов были совершенно понятны. Шел десятый час полета. Десятый час самолет резал воздух и острые холодные струи врывались в кабину при каждой попытке открыть окно. Десятый час неумолчно ревел все-

¹ Т.е. самолет производства фирмы Bellanca Aircraft Company, основанной в 1927 г. итальянско-американским авиастроителем Джузеппе Белланкой (ныне AviaBellanca Aircraft Corporation).

ми семью сотнями лошадиных сил мотор. Однако, несмотря на долгий полет и усталость, ни пилот Йельсон, ни механик Гард не могли воспользоваться примером геологов. Тем более, что Гард вместе со своими прямыми обязанностями исполнял еще работу радиста. Ему приходилось постоянно поддерживать связь с Номе на Аляске с одной стороны и с «Наутилусом» с другой. «Наутилус» давал сигналы, чтобы помочь Йельсону сохранить правильное направление на ту точку, где теперь находился Билькинс. Крошечная точка затерялась в беспредельном просторе ледяных полей. Едва ли можно было рассчитывать найти ее при малейшей ошибке в ведении «Пингвина». Йельсон слишком хорошо представлял себе результаты такого рода ошибки, особенно после печального опыта своего последнего полета с Аляски к шкуне «Нанук».

Теперь Йельсон был еще более осторожен, чем всегда. Он напрягал все внимание, чтобы не сделать ни малейшей ошибки, читая показания приборов и наблюдая за дрожащими колебаниями компасной стрелки. Его рука, мягко нажимая на штурвал управления, внимательно исправляла малейшие отклонения машины от заданного курса.

Наконец, на тринадцатом часу полета точка пересечения засечек, сделанных радиогонометром на Номе и на «Наутилусе», почти совпала с теми координатами, что передал Билькинс как местонахождение подводной лодки. Одновременно Билькинс сообщил, что он вывел рубку лодки наружу и выкинул на мачте флаг. Место, наиболее удобное для посадки самолета, он обозначил стрелой, выложенной из брезентов.

Йельсон радостно улыбнулся Гарду. Приблизил рот к переговорной трубке.

— Ну, старина, на этот раз, кажется, мы свое дело сделали неплохо. Разбудите-ка этих тюленей, чтобы они не разбили себе носов при посадке.

Машина быстро теряла высоту. Йельсон уверенно вел ее к самому льду, чтобы иметь возможность внимательно рассмотреть поверхность полей и не пропустить знаков, выложенных Билькиным на выбранной для посадки пло-

щадке. Через несколько минут ему показалось, что он видит впереди четкую стрелу на светлой поверхности поля. На некотором расстоянии от стрелы виднелась тонкая игла маленькой мачты с развевающимся флажком. По-видимому, это было то, что нужно. Но Йельсон нигде не мог рассмотреть рубки «Наутилуса». Не было поблизости ни одной полыньи или просто проруби, из которой эта рубка могла бы торчать,

— Странно, — подумал Йельсон, — может быть, Билькинс перенес площадку на лучшее место подальше от лодки?

Он еще раз сделал круг над самым льдом. И снова мелькнула в голове недоуменная мысль: «Как будто все поле изрезано торосами. Почему Губерт выбрал такую дрянную площадку? Ведь здесь же почти совершенно невозможно сесть... Впрочем, Губерт, вероятно, выбрал лучшее, что можно было найти, он слишком опытен, чтобы ошибиться... А вон и человек машет внизу. По-видимому, выставленный дозорный... Придется садиться здесь, хотя вид у льдины такой, будто черт здесь в свайку играл».

Йельсон обернулся к Гарду:

— Делать нечего, буду садиться... Не впервой.

Йельсон разобрал по треплющемуся внизу флажку направление ветра и, сделав пологую спираль над полем, повел машину на посадку.

2.

«ПИНГВИН» СЕЛ

В кают-компании «Наутилуса» сидели Билькинс, Зуль и несколько человек экипажа. Закончился вечерний чай. Уже второй день люди томились неподвижностью лодки, прикованной к месту в ожидании прибытия самолета с геологами под управлением старого помощника и прия-

теля Билькинса — Йельсона. Билькинс хотел по возможности облегчить Йельсоиу ориентировку и потому с момента получения известия о том, что его друг готов покинуть аэродром в Номе, оставался на одном месте. Несколько часов тому назад стало известно, что Йельсон вылетел. Билькинс немедленно выложил опознавательный знак на выбранной для посадки ровной ледяной поверхности и ждал прибытия «Пингвина».

Люди коротали время за дневниками и наблюдениями. За сутки, помимо ряда интересных магнитных наблюдений, удалось достать несколько проб воды и определить расстояние до морского дна. Глубина моря поразила даже Зуля, знавшего, что эти места должны быть одними из наиболее глубоких. Эхолот три раза под ряд показал 7 560 метров.

В промежутках между работами собирались в тесной кают-компании и слушали громкоговоритель. Бесконечные доклады и лекции о том, как следует увеличить удои коров на ферме, как приготовить пудинг без помощи огня, о новейших достижениях в области скрещивания домашних кур с фазанами — давно надоели и никого не интересовали. Далекими и скучными казались зажигательные речи политических деятелей и лидеров партий, призывавшие голосовать за сухого Вубера или за христианского Гильсона при выборах губернатора в штате Висконсин. Скучными казались и губернаторы, и куры, скрещенные с фазанами, и даже цифры потерь, понесенных американской полицией в стычке с безработными сборщиками кокосовых орехов на Филиппинах, не привлекали больше внимания. Вся кают-компания предпочитала невнятные звуки концертов, передаваемых изо всех столиц мира. Только когда дело шло о последних новостях про полярные экспедиции, про подготовку новых полетов, про успехи Бэрда, неутомимо орудующего в пределах суровой Антарктики, люди соглашались пожертвовать очередным концертом.

И сегодня все шло, как обычно. Репродуктор с шипением выбрасывал на головы слушателей обрывки визгливого джаза, изредка перемежаемого выкриками более мощных

станций. Никто не обращал внимания на эти сиплые дребезжащие выкрики, тем более, что многие из них приходили на языках, незнакомых никому из присутствующих. Но вдруг, среди какофонии передачи, Зулю послышались знакомые звуки и даже целые вполне разборчивые слова. Репродуктор заговорил по-норвежски:

— Слушайте... слушайте... говорит Осло... говорит Осло... Вчера экстренно выехал в Германию для участия в полете к северному полюсу на дирижабле «Граф Цеппелин» наш известный пилот Гисер-Зарсен... До норвежской границы Гисер-Зарсена сопровождал коммерции советник директор Андерсен... Мы надеемся...

Обрывок концерта и взрыв рукоплесканий заглушили дальнейшую передачу Норвегии.

Зуль выронил ложку, которой размешивал какао. Он внимательно оглядел всех присутствующих, желая убедиться в том, что никто не заинтересовался переданным сообщением. Встретился с внимательными глазами Билькина.

— Мистер Зуль, мне показалось, или действительно сейчас шла норвежская передача?

Зуль постарался сделать удивленное лицо.

— Когда? Я ничего не слышал... Мне кажется, что я не мог бы пропустить...

— Сообщали что-то про Гисер-Зарсена, но что именно — я не понял.

— А... — протянул разочарованно Зуль. — Вероятно, что-нибудь об их новых планах. Ведь они в свое время собирались принять участие в немецкой экспедиции на Северную землю. Только я не думаю, чтобы нам удалось видеть где-нибудь в районе нашей работы эту экспедицию.

— Почему вы думаете?

— Их интересует совсем другая область. Главным образом, южная часть Северного полярного моря... Хотя вы знаете, когда осознаешь, что где-то в этих же краях, хотя бы за тысячу миль, бродят подобные тебе непоседы, перестаешь чувствовать себя таким одиноким.

— Да, пожалуй — вы правы, — сказал Билькинс, — особенно это чувствуется в воздухе. Там расстояния еще скрадываются... Что-то подделывает наш милейший Йельсон?

Билькинс встал и потянулся.

— Пойду сосну, — он посмотрел на часы, — как-никак, скоро полночь.

— Пожалуй, и я пойду на боковую. Арестованному больше нечего и делать, — с усмешкой сказал Зуль.

Они разошлись. Но Зуль не пошел к себе в кубрик, а свернул на трап, ведущий вниз. Убедившись, что никто за ним не идет, он быстро сбежал по ступенькам и шмыгнул в каюту Вебстера. Через десять минут он вышел оттуда, довольный потирая руки и напевая себе в бороду. Во всяком случае, вид у него был совершенно не соответствующий удрученному настроению арестованного, томящегося невольным бездействием.

Придя в кубрик, Зуль застал там сонное царство. Производя как можно меньше шума, доцент собрал кое-какую мелочь в приготовленный заранее большой рюкзак и, крадучись, вытащил этот рюкзак на лед. Таким же образом он вынес свои лыжи с палками. Затем, спустившись последний раз, тщательно оделся в легкое и теплое платье; надев темные очки, вышел на верхнюю палубу. Около лодки никого не было. Доцент осторожно опустил стальную крышку главного люка рубки и затянул ее наружными задрайками.

Окончив эту работу, Зуль присел на край рубки и, сосредоточенно пощипывая бородку, задумался. Затем он встал и, решительно закинув за спину рюкзак, пристегнул лыжи. Легко скользя по смерзшемуся снегу, быстро пошел на запад от лодки. Лыжи стучали по снежным сугробам. Пройдя несколько шагов, Зуль остановился и внимательно осмотрел поверхность снега — на том месте, где он только что прошел, не было никаких следов лыжницы. Удовлетворенно крякнул и быстро зашагал дальше. Шел не спеша, без всяких усилий переставляя ноги, почти не отрывая

лыж от снега и только слегка опираясь на палки. Так прошел с километр.

Сбросив лыжи, Зуль влез на высокий торос и огляделся. Рубки «Наутилуса» не было видно из-под льда. К западу был виден знак, разложенный на гладкой льдине для Йельсона. Дойдя до него, Зуль быстро скатал брезентовые полосы и, взвалив их себе на плечи, повернул на восток.

Пройдя «Наутилус» и удалившись от него на два-три километра, Зуль влез на высокий торос и огляделся с него. «Наутилуса» не было видно. Зуль проверил себя, внимательно обведя горизонт цейссом.

Спустившись с тороса, надел лыжи и снова зашагал на восток. На этот раз он внимательно оглядывал расположенные вокруг ледяные поля. Наконец остановился около небольшой площадки, изрезанной во всех направлениях невысокими острыми порогами, припорошенными снегом и различимыми только при внимательном рассмотрении. Зуль даже присел, чтобы вернее оценить высоту этих ледяных складок. Он подошел к одной из них и ткнул несколько раз лыжной палкой. Под тонким слоем слежавшегося плотного снега звенела твердая, как железо, поверхность льда. Зуль с удовлетворением осмотрелся, оценивая многочисленные торосы, тесной стеной обступившие площадку. Как зубья пилы, рисовались их вершины на голубом фоне неба. Края ледяных холмов сверкали, точно наточенные напильником; в ослепительном сверкании их контуры почти сливались с сиянием бледного неба.

Зуль сбросил рюкзак и принялся за работу.

В самой середине ледяной площадки выложил из нескольких полотнищ стрелу. С края воткнул одну из лыжных палок с прикрепленным к ней длинным флажком. После этого Зуль взобрался на торос и уселся. Вынув плитку шоколада и галету, он спокойно принялся завтракать.

Прошел час. Второй. Зуль уже несколько раз слезал со своего тороса и совершал небольшие прогулки, чтобы согреться. Во время одной из таких прогулок ему показалось, что он слышит отдаленный шум самолета. По мере того, как Зуль поспешно бежал к своей площадке, шум делался

все более и более явственным. Вскоре Зуль мог уже видеть приближающийся с юго-востока на значительной высоте самолет. Зуль еще раз внимательно осмотрел сделанные им знаки и остался вполне доволен. Влезши на торос, он принялся терпеливо ждать приближения машины.

Скоро мотор загудел над самой головой доцента. Самолет сделал петлю. У Зуля запрыгало сердце. Он нервно тербил бородку. Самолет описал полный круг и стал быстро снижаться. Зуль не выдержал и радостно замахал руками.

Вдруг у Зуля захватило дыхание. Самолет снова стал набирать высоту и пошел по прямой на запад.

— Он сейчас увидит лодку.

Зуль побежал за самолетом. На бегу он зацепился за осколок льда и кубарем покатился с гряды прямо на площадку. Но тут же с ловкостью молодого тренированного спортсмена вскочил на ноги и снова замахал руками.

Точно заметив его призыв, самолет повернул и на этот раз пошел прямо на площадку, быстро теряя высоту. Только тут Зуль сообразил, что его тревога была напрасной — летчик просто выбирал направление для посадки против ветра.

Зуль прислушался к характерному шуршанию воздуха, обтекающего быстро движущуюся машину. Во время посадки его не заглушает рев мотора. Только своеобразный свист растяжек врывается в это шуршание. Слух Зуля был напряжен до такой степени, что ему казалось — выстави кто-нибудь из летящих палец, внизу станет слышно обтекание воздуха около этого пальца.

Машина стремительно приближалась. С каждой секундой расстояние между льдом и повисшими в воздухе остроносими лыжами сокращалось. Вот послышалось грохотание первого прикосновения самолета ко льду. Подпрыгивая на порогах, машина побежала по площадке. Поддаваемая буграми, она совершала нелепые скачки. Наклонялась к самому льду то правым, то левым крылом. «Как пьяная ворона», — подумал Зуль.

«Пингвин» прыгал все сильнее. На запорошенном снегом высоком пороге, в самой середине площадки самолет подскочил особенно сильно, как-то на одной лыже — бочком. Его крыло коснулось льда. Весь самолет ментально завернул в сторону этого крыла. Лыжи уперлись в ледяную кочку. Машина быстро задрала хвост. Понесся отчаянный звон стекла и металла. Из-под уткнувшегося в лед носа машины брызнули осколки пропеллера. Постояв на попа, самолет точно минуту размышлял, потом при звуках раздавливаемого и ломаемого дерева упал на спину. Из-под мотора вырывался пар от снега, растопленного горячими цилиндрами. Зуль подумал, что самолет загорелся и, закричав как безумный, бросился к машине.

Когда он, совершенно запыхавшись, подбегал к самолету, сквозь разбитые бортовые стекла пилотской кабины продирался коренастый человек с обветренным, почти синим от мороза и напряжения лицом. Зуль помог ему выбраться наружу и, не зная что сказать, растерянно смотрел на него. Но через минуту уже овладел своими нервами и деловито спросил:

— Разве вы один? Где ваши спутники? Они целы?

— Не беспокойтесь, все в порядке. Они целы и сейчас вылезут. А вы приготовьте свои бока, если вам мы обязаны выбором этой площадки. Если бы вы не были седы, я бы назвал вас своим именем и дал бы вам понюхать вот этого, — злобно ответил Йельсон, поднося к носу Зуля здоровенный кулак в огромной меховой рукавице.

Зуль не сморгнул. Он совершенно спокойно спросил в свою очередь:

— Гисер-Зарсен с вами?

— При чем тут Гисер-Зарсен?

— А для кого же я приготовил, по-вашему, эту площадку, как не для капитана Гисер-Зарсена, пилота норвежского королевского воздушного флота? А кто вы-то собственно такой?

— Старая мочала... Гисер-Зарсен, Гисер-Зарсен! Да что вы, воображаете, что стоите на Бродвее и сливки авиа-

ционного общества то и дело шныряют тут в своих лимузинах? Экая шляпа, право! Ему, видите ли, нужно видеть Гисер-Зарсена!.. Ха, ха, ха... подождите еще годик на этом перекрестке, — может быть, он и заедет сюда на минутку, чтобы с вами переговорить.

Зуль терпеливо выслушал летчика и затем еще раз спокойно спросил:

— А вы кто такой?

— Я Йельсон.

— А, мистер Йельсон! Очень приятно познакомиться — доцент Зуль.

— Очень рад. Но почему, собственно, вы здесь и где «Наутилус» ?

— Где «Наутилус» — я вам сказать не могу, так как примерно двое суток тому назад расстался с любезнейшим капитаном Билькинсом. А нахожусь я здесь, как уже сказал, в ожидании капитана Гисер-Зарсена, с которым у нас назначено свидание.

Йельсон подозрительно посмотрел на Зуля. У него мелькнула мысль о том, что перед ним сумасшедший. Но доцент держался так спокойно и с таким достоинством, что Йельсону пришлось отказаться от своего предположения. Однако удивление от необычности встречи и всех обстоятельств, сопровождающих его посадку, росло. Необычайное спокойствие Зуля возбудило в Йельсоне другие подозрения.

— Как вы полагаете, где же мы можем теперь отыскать Билькинса?

— Я думаю, что возможность эта совершенно исключена. Он ушел в направлении на северо-запад и собирался ожидать вас примерно в ста милях отсюда. Не может быть и речи о том, чтобы идти к нему за сто миль, не связавшись с ним по радио и не установив точно его место. Да и вообще, поход по льду на таком расстоянии в здешних условиях является совершенным безумием.

Йельсон задумчиво набивал трубку. Тем временем Гард помогал американским геологам вылезти из опрокинутого самолета.

Лица обоих американцев расплылись от удовольствия при виде доцента.

— Как, господин Зуль? Значит и «Наутилус» тоже здесь?

Однако Йельсон их быстро разочаровал. По мере того, как он передавал им сообщение Зуля, лица их вытягивались. Но Йельсон не дал им времени на жалобы. Он решительно скомандовал:

— Ну, довольно разговоров. Принимайтесь-ка за вытаскивание из-под самолета всего, что еще сохранило образ и подобие целых вещей. Самолет в таком состоянии, что нам придется, вероятно, просидеть здесь не один денек в ожидании помощи.

Через час на льду выросли несколько аккуратно разложенных кучек различного имущества, снаряжения и съестных припасов. Пушистой горой громоздились спальные мешки. Глядя на все это, Йельсон окончательно развеселился.

— Трудно, в конце концов, сказать — везет мне или не везет. Если бы мне везло, то я, вероятно, не попал бы в такую передрыгу, только что выздоровев от лишений, перенесенных в прошлогоднем полете на выручку старого Свенсона. А если бы мне окончательно не везло, то, вероятно, я переломал бы себе сейчас все кости вместо того, чтобы ограничиться разложением на составные множители злополучного «Пингвина» и иметь в перспективе вкусный завтрак. Господа, кто за завтрак?

Возражений не последовало, и спутники Йельсона принялись деятельно хлопотать над приготовлением еды. Другие, тем временем, расставили небольшую легкую палатку и разобрали спальные мешки. Скоро площадку льдины нельзя было узнать — на ней вырос настоящий маленький лагерь.

Зуль держался немного в стороне, но, после того, как его пригласили принять участие в еде, он притащил свой рюкзак и расположился около палатки.

После завтрака весь экипаж, утомленный длительным полетом и изрядной встряской, полученной при посадке,

улегся спать. Зуль сделал вид, что тоже укладывается. Однако, как только в палатке все затихло, он осторожно встал и пробрался к радиоаппаратуре, вытащенной из разбитого самолета Гардом. Глядя на тщательно очищенные Гардом от снега и уставленные в ряд приборы, Зуль на минуту задумался. Но затем решительно нагнулся и, открыв пробки аккумуляторов, опорожнил их.

8.

ОБЛИЧЕНИЕ ЗУЛЯ

Жизнь на льдине, названной Йельсоном «Островом Пингвина», текла благополучно в той мере, в какой может быть благополучной жизнь пятерых людей, отрезанных от всего мира и запертых на клочке пловучего ледяного поля. Вся партия имела полную свободу передвижения и при желании могла покинуть место злополучной посадки «Пингвина». Но страх оторваться от точки, расположение которой более или менее точно известно внешнему миру, и идти в белую неизвестность с очень призрачной надеждой на возможность достижения земли, приковывал людей к месту. Единственное направление, в котором имело бы смысл искать берега, была Северная земля, открытая в 1913 году капитаном Вилькицким и названная им землей Николая Второго. Но точное положение берегов этого острова никому не было известно, так же как никто не знает до сих пор, на какой именно широте расположена его северная оконечность. Поэтому движение было бы в достаточной степени гадательным. Трудно было рассчитать время, необходимое для достижения этой земли. Каждый градус, каждая миля движения во льдах даются крайне дорого и отнимают очень много времени. Даже если считать правильным предположение, что Северная земля оканчивается где-то под 81-м градусом северной широты, то и

это все же достаточно далеко для того, чтобы рискнуть двинуться туда с наличным запасом продовольствия. Еще меньше шансов достичь Новосибирских островов, хотя «Остров Пингвина» и находится примерно на долготе этого архипелага.

Йельсон напрасно ломал себе голову, придумывая выход. Каждый раз он приходил к тому, что совет Зуля — сидеть на месте и ждать прибытия Гисер-Зарсена, в прилет которого доцент верил с завидной твердостью, — является наиболее целесообразным и единственно выполнимым в данных условиях.

Поэтому все внимание Йельсона сосредоточилось на том, чтобы сделать пребывание на льду возможно более безопасным и удобным. Палатку расширили. В ней нашла приют вся партия, включая Зуля.

Идти на соединение с Билькинсом, блуждающим где-то в северо-восточном направлении, было бы совершенно неразумно, так как, по словам Зуля, «Наутилус» двинулся в путь раньше, нежели «Пингвин» совершил свою роковую посадку на лед. Радиосвязи с внешним миром нет. Из-за того, что при аварии аккумуляторы потеряли всю жидкость, нельзя было наладить даже прием, не говоря о невозможности дать о себе знать земле или экспедиционным судам, находящимся в северных водах. Да даже и будь такая связь налицо, на реальную помощь со стороны судов едва ли можно было рассчитывать, так как пройти в эти широты суда сами не могут, а снарядить поисковую партию на санях могли бы только те из них, которые располагают достаточным числом ездовых собак. На это же трудно рассчитывать.

Все это приводит опять-таки к тому, что единственно целесообразным следует считать пребывание на одном месте. При одной, конечно, предпосылке, что внешний мир знает их местоположение по связи, ранее установленной у Зуля с Гисер-Зарсеном. Если же отбросить это условие, то... то у Йельсона возникали мысли, о которых он предпочитал ничего не говорить своим товарищам. В минуты сомнений Йельсон начинал только подробнее расспрашивать

об основаниях, какие имел Зуль для утверждения, что Гисер-Зарсен действительно прилетит за ним.

— Послушайте, мистер Зуль, времени прошло достаточно. Зарсен мог бы быть уже здесь.

— Нет. Он полетит не один, а с большой экспедицией. Что-нибудь могло задержать отправление экспедиции. Нет ничего удивительного в задержке на несколько дней. Если бы нам пришлось прождать здесь и несколько недель, я не стал бы отчаиваться.

— Но ведь мы не можем даже произвести астрономических наблюдений для того, чтобы сказать, насколько льдина ушла от тех координат, что вы сообщили Зарсену и к которым он, несомненно, будет держать путь, разыскивая вас.

— Я с достаточной точностью за время похода «Наутилуса» определил основное направление дрейфа льдов в этой полосе, так же как и скорость этого дрейфа. Мы уклоняемся к норд-норд-весту примерно со скоростью в две с половиной мили в сутки. Больших отклонений от направления скорости быть не может. Вероятнее всего, что мы идем зигзагами, но именно в этом основном направлении. Припомните основное направление дрейфа «Жанетты» Де-Лонга, наведшее Нансена на самую мысль о возможности пересечь в дрейфе полярный бассейн в направлении от Берингова пролива к берегам Гренландии. Припомните, наконец, те данные, которые мы имеем от штурмана Альбанова о направлении такого же невольного дрейфа несчастного Брусилова на «Святой Анне». Всего этого совершенно достаточно для того, чтобы почти исключить возможность ошибки в определении постоянной скорости и направлении поверхностных течений в этой части Ледовитого океана. Кроме того, Зарсен полетит в обществе такого опытного полярного путешественника, что наша судьба находится в совершенно верных руках.

— Тайнственность ваших сообщений мне не очень нравится, мистер Зуль,— медленно проговорил Йельсон.

Ему становилась подозрительной неохота, с которой Зуль делился сведениями об экспедиции Зарсена.

Особенно в сопоставлении с обстоятельствами последнего полета «Пингвина» это наводило на грустные размышления. Ведь «Пингвин» все время получал совершенно точные указания о местонахождении «Наутилуса» от самого Билькина. В течение всего полета счисление пути не порождало никаких сомнений в правильности навигации, и вдруг оказывается, что они ошиблись на расстояние двухсуточного хода «Наутилуса», т. е. почти на пятьсот миль. Здесь было что-то странное. Но понять, в чем же именно дело, Йельсон не мог. Объяснения Зуля, касающиеся причин, понудивших его расстаться с «Наутилусом», позволяли только предположить наличие крупного недоразумения между ним и Билькином, но не поднимали завесы над всем происшествием в целом.

Однако, все эти размышления и сомнения, как ни были они тяжелы и как ни нуждался Йельсон в совете, он держал про себя, боясь разрушить общую уверенность в благополучном исходе предприятия. Из числа пяти только он — Йельсон — и Зуль отчетливо знали, что такое Арктика, и знали, как следует поддержать дух и силы людей, живущих в лагере на льду. Когда все, что только можно было придумать для обеспечения лагерю безопасности и удобства, было сделано, Зуль стал руководить лыжными прогулками, а Йельсон организовал правильные занятия боксом, считая, что этот вид спорта лучше всего сохраняет мускульную энергию людей и не дает ослабляться и распускаться нервной системе. Помимо этого, несмотря на непривычку большинства к жизни при постоянно светящем солнце, Йельсон завел совершенно правильный распорядок дня, заставив всех подчиняться определенному расписанию жизни. Вечера, когда люди валялись в своих спальнях мешках, страдая бессонницей и ворочаясь с боку на бок, он решил наполнить рассказами, заставив в первую очередь Зуля исчерпать весь запас своих воспоминаний о скитаниях по Шпицбергену. Это начало оказалось вполне удачным. Зуль, будучи геологом, наполнял свои рассказы такой массой специальных подробностей, что его американские коллеги слушали, не отрываясь.

Когда пришла очередь рассказывать самому Йельсону, он решил начать с описания своего последнего полета на север, того самого, который вследствие неудачи привлек к себе внимание всего мира и сделал популярными имена самого Йельсона и его тогдашнего спутника — механика Горланда.

В тот день в лагере никого не было. Все ушли с Зулем в лыжный пробег. Один Йельсон остался дежурным и должен был приготовить к возвращению товарищей ужин — гороховый суп и какао. Суп давно кипел и все было подготовлено к тому, чтобы залить какао сухим молоком, разведенным в растопленном снегу. Но лыжники сегодня задержались дольше обыкновенного. Наконец, когда Йельсон уже собирался потушить примус, он сквозь приподнятый полог палатки увидел на окружающем площадке кольце торосов людей. Однако, вместо того, чтобы, как всегда, быстро спуститься с острых ледяных бугров и стремительно побежать наперегонки к лагерю, на этот раз лыжники двигались очень медленно. Они несли что-то большое и тяжелое.

— Эге, вероятно, тюлень. Свежая тюленья печенка это не так плохо, — обрадовался Йельсон и пошел навстречу прибывшим.

Но уже на полпути он увидел, что это не тюлень. Тюленей, какую бы редкую добычу они ни составляли, не носят на руках. Еще через минуту он увидел, что лыжники несут человека. От удивления Йельсон даже остановился.

Когда группа спустилась с торосистой гряды, от нее отделился Зуль и быстро побежал к лагерю.

— Мистер Йельсон... мистер Йельсон... мы нашли Мультанаки.

— Кто такой Мультанаки?

— Да водолаз же!

— Какой водолаз? Что ему нужно на восемьдесят третьем градусе северной широты?

— Мультанаки с «Наутилуса».

Тут наступила очередь Йельсона взволноваться. Он даже подался всем корпусом вперед.

— Значит, что-то случилось с Билькинсом?

— Да нет же, Билькинс здесь не при чем, — раздраженно ответил Зуль и вкратце рассказал историю исчезновения Мультанаки.

— Выходит, что уверенность Билькинса в своих ребятах была вполне правильной, хотя и неосновательной. Он сказал, что не верит тому, что Мультанаки погиб, так как спутники Билькинса никогда не погибают, — закончил Зуль.

— Да, и Губерт прав, — восторженно воскликнул Йельсон, — я тому живое доказательство.

— Поживем — увидим, капитан, — скептически возразил Зуль.

— Ну, ладно, не каркайте. Вон несут вашего водолаза. Нужно приготовить все для подачи ему помощи. Займитесь-ка этим, доцент. Вам и книги в руки.

— Не думаю, чтобы мы могли ему чем-нибудь помочь, — заметил Зуль, — ведь он пробыл на льду целую неделю без пищи и теплого платья.

Действительно, когда Мультанаки положили в палатку, Йельсон убедился в том, что Зуль прав. Водолаз доживал последние часы, если не минуты. Глаза его совершенно утратили жизнь. Тусклые оловянные пуговицы глядели с посиневшего лица. Если голова, защищенная толстым шлемом, и не пострадала от холода, то значительно хуже было с конечностями. При попытке стащить с ног оледеневшие шерстяные чулки, Мультанаки потерял сознание. Из-под носков глянули совершенно потемневшие отмороженные ступни. Темная краснота воспаления доходила уже до половины икр. В таком же состоянии были и руки. Кроме того, на руках были глубоко обломаны все ногти; концы пальцев левой руки раздроблены, хотя в посиневшем распухшем мясе и трудно было определить что-нибудь с точностью.

Конечности Мультанаки были промыты спиртом и перевязаны. При помощи крепкого кофе водолаза привели в чувство, он сделал попытку заговорить, хотя, видимо, это и было ему чрезвычайно трудно.

— Плохо то, что я очень сильно промок... Этот проклятый медведь, от которого я с таким трудом удрал в глущину, все-таки хватил меня лапой по спине, когда я всплывал мимо него на поверхность. Он разодрал мне костюм... Но может быть, это и к лучшему, из-за этой задержки я не так стремительно всплыл и не ударился об лед... Дело в том, что я не попал сразу в полынью, а, всплыв, уперся головой в лед... вероятно, от сотрясения мозга меня спас скафандр: я его стащил только после того, как очухался на льду... Да, как я всплыл?.. А очень просто: я отрезал ножом грузы тотчас, как увидел, что лопнул трос...

Мультианаки от утомления закрыл глаза. Только после новой порции кофе он продолжал:

— Вся беда в том, что я всплыл по другую сторону айсберга, около которого стоял «Наутилус». До меня доносились голоса... Мне смутно помнится даже, что не раз упоминалось мое имя... впрочем, может быть, мне это показалось... Дать о себе знать я не мог. Так продрог еще в воде, что почти совершенно лишился чувств и не владел голосом. У меня сводило челюсти, я не мог ничего выговорить, только мычал... Перейти на их сторону я тоже не мог: меня отделяла от айсберга полоса воды... Немного отдышавшись, сделал попытку двигаться и пытался согреться, но из этого мало что вышло. Двигаться было очень трудно, так как платье совершенно заledenело и образовало на мне настоящий ледяной футляр. Я его потом едва сбросил... Попытался отжать свое шерстяное белье, но и это было мне не по силам... Так и остался... Но все-таки я пошел в обход полыни в надежде, что обогну ее раньше, чем «Наутилус» покинет свою стоянку. Я полз больше на четвереньках... выходило очень медленно. Я даже не знаю, сколько дней у меня ушло на то, чтобы пройти половину этой проклятой полыни. Вероятно, много... Но утешением мне служило то, что в просветах между торосами я теперь видел мачту «Наутилуса» и его антенну. Иногда мне удавалось видеть даже самый краешек рубки, или, вернее, поднятую крышку люка. Я пробовал подавать сигналы, но, по-видимому, такие моменты совпадали всегда с ночью,

потому что никто из людей не появлялся на льду... Однажды я видел, как кто-то стал выносить из рубки вещи. Я прекрасно различил среди вынесенного лыжи. Пробовал закричать... человек поднял голову и прислушался... Но он стоял ко мне спиной и не мог видеть, как я размахиваю руками... Это были самые скверные минуты моего странствия вокруг полыньи... Я отчетливо видел, как, выйдя из рубки, этот же человек опустил крышку главного люка. Вероятно, «Наутилус» собирался уходить, но тогда непонятно было присутствие человека на льду...

Мультианаки умолк, набираясь сил для дальнейшего рассказа. Зуль крепко сжал сцепленные пальцы, чтобы не показать окружающим, как дрожат его руки. Ему хотелось броситься на водолаза и заткнуть ему рот или просто схватить его за горло, чтобы заставить замолчать. Сейчас этот грек наберется сил и расскажет о том, какой вид имел человек, захлопнувший люк «Наутилуса». Судьба Зуля будет решена несколькими словами умирающего.

Мысли вихрем неслись в голове Зуля. Он придумывал выход за выходом. Все его внимание было сосредоточено на том, чтобы не дать почувствовать другим своего волнения. Как упершуюся в затылок раскаленную железную палку, Зуль чувствовал на себе жесткий взгляд Йельсона. Но он решил, что ничто не заставит его обернуться на этот взгляд.

Вдруг новая мысль мелькнула у него в мозгу. Выход совершенно неожиданный. Он решил сам рассказать все, как было.

Зуль еще крепче сжал пальцы.

— Послушайте, — начал он.

4.

МУЛЬТАНАКИ КОНЧАЕТ СВОЙ РАССКАЗ

Йельсон гневным жестом прервал Зуля, не дав ему говорить.

Мультанаки открыл глаза и продолжил свой рассказ:

— Впрочем, я не очень долго думал над этим... Мне тогда хотелось только одного: как можно скорее добраться до лодки, а для этого нужно было во что бы то ни стало обогнуть бесконечную полынью. И я шел, цепляясь за лед. Как больной щенок, скулил от холода и боли. Я редко вспоминал о том, что голоден, настолько я был занят мыслью о необходимости двигаться вперед. Прошли, вероятно, еще сутки, может быть, много больше, а может быть, и значительно меньше... может быть, даже только час... Я перестал различать время. Это не имело для меня никакого значения, а требовало большого умственного напряжения; я был на него неспособен... И вот тут-то, когда я думал, что нахожусь уже довольно далеко от айсберга и близок к концу полыни, произошло нечто, чего я до сих пор не в состоянии как следует осознать: послышался грохот и характерное скрежетание, какое издают льдины, когда ломаются, ударяясь друг о друга; вершина айсберга наклонилась в мою сторону. Я увидел, что нахожусь от нее совсем близко. Сорвавшиеся со склона ледяной горы осколки полетели в мою сторону и падали вокруг меня, как снаряды во время канонады. Один из них, как я потом увидел, и раздробил мне руку. Но тогда я на это даже не обратил внимания, так как все мои мысли были сосредоточены на чем-то совершенно необычайном: вершина айсберга стала стремительно наклоняться к воде. А к боку этой огромной ледяной горы прилепилось то, ради чего единственно стоило ползти на карачках в этих окаянных льдах — «Наутилус». Судно вмерзло в ледяной склон и вместе с ним стремительно поднималось на воздух. Но, по-

видимому, сила сцепления оказалась недостаточной, чтобы преодолеть тяжесть лодки, и «Наутилус», поднявшись на высоту нескольких метров, со звоном и грохотом низринул в воду. Через секунду я увидел только пенистый всплеск воды, и «Наутилус» исчез... Долго еще пролежал я на том месте, где над мелькнувшей передо мной серой сигарой сомкнулись ледяные поля... Больше мне некуда и незачем было двигаться...

Мультанаки устало закрыл глаза.

5.

ЙЕЛЬСОН УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО НЕТ ПОЛОЖЕНИЯ, ИЗ КОТОРОГО НЕЛЬЗЯ БЫЛО БЫ ВЫЙТИ

В палатке царил полумрак. Люди лежали, завернувшись в меховые мешки. Под впечатлением рассказа водолаза все притихли. Скучно прошел ужин. Молчаливо собрались спать. Но Йельсон решил все-таки рассеять тяжелое впечатление и вопреки очевидности выводов, какие следовало сделать из сообщения Мультанаки, упрямо сказал:

— Билькинс любил всегда говорить, что ему не везет. Но я все-таки думаю, что он неправ. Вы вот, небось, строите самые печальные предположения о судьбе «Наутилуса», а я готов поставить десять против одного за то, что Билькинс останется невредим и вытащит из этой передрыги всю команду даже в том случае, если лодка потерпела аварию. Надо вам сказать, господа, что пресловутый Север вовсе не так страшен, как это принято думать в широкой публике. Я говорю, конечно, о тех случаях, когда попавшие в его ледяные лапы люди не представляют собою беспомощных ягнят, а сами достаточно зубасты, и могут постоять за себя.

Зуль многозначительно крикнул в своем углу. Йельсон посмотрел в его сторону.

— Вы ворчите там, доцент, желая, повидимому, вступить за всемогущество и несокрушимую силу Севера, а я берусь показать, что для опытного и сильного человека здесь почти не существует такого положения, которое можно было бы назвать безнадежным. Я считаю Билькинса безусловно гораздо более опытным и крепким парнем, чем я, а даже мне пришлось, не дальше как в предыдущей экспедиции, быть в положении, которое весь культурный мир считал безнадежным; однако, как видите, я здесь, и вся моя конструкция вполне исправна. Ведь нельзя же считать существенным ущербом отмороженные пальцы на одной ноге. И без ног люди живут, а без пальцев и подавно жить можно.

Один из геологов высунул из мешка нос:

— Мистер Йельсон, по-моему, ваша очередь сегодня рассказывать нам занимательные вещи для усыпления. Так расскажите лучше всего, как вы тогда потерялись, ведь никто из нас толком этой истории не знает.

— То, что вы откровенно собираетесь засыпать под мой рассказ, должно, по-вашему, особенно поощрять? Но я не требователен и, если хотите, все-таки расскажу вам, как мы с Горландом поблуждали в Сибири.

Йельсон долго копался в глубоком кармане своего мехового комбинезона и вытащил оттуда большой портсигар.

— Последняя пачка папирос. Ценятся на вес золота и даже дороже, но я, по-видимому, должен расположить слушателей в свою пользу или хотя бы дать им возможность лишние четверть часа не клевать носом — каждый получает по папиресе.

Из мешков потянулись жадные руки. Йельсон выдал всем по папиресе и, закулив свою, начал:

— Вы помните, вероятно, из-за чего нам пришлось в октябре тысяча девятьсот двадцать девятого года начать целую серию полетов с Аляски в район мыса Северного у Чукотской земли? Там застрял во льдах на зимовку старый

Свенсон на своем «Нануке». Дрянное маленькое корыто этот «Нанук», и, конечно, Свенсону приходилось на нем несладко. Впрочем, речь шла не о том, чтобы выручать самого Свенсона — он в этом не нуждался и способен просидеть во льду сколько угодно, как медведь, сося свою лапу. Удивительно крепкий старик. Вы помните, как он прошел зимой 1928 года на собаках с зазимовавшей шхуны в Москву только для того, чтобы поругаться с советским Госторгом, помешавшим ему вывезти заготовленную пушнину по воздуху? Это был номер. Но, впрочем, сейчас не об этом. Так «Нанук» вмерз крепче, чем нужно, и обречен был на зимовку. А на «Нануке» у старого Свенсона был результат годового сбора пушнины — ее нужно было как можно скорее доставить в Америку. Иначе старик нес большие убытки, а не в его привычках терять доллары там, где он считает их принадлежащими себе. Вместе с необычайной крепостью и, если хотите, даже широким иногда размахом настоящего исследователя, в нем уживается душа невероятно скупого торговца. Он, как никто, понимает, что время всегда дороже денег. А что может сохранить время лучше аэроплана? Свенсон уже отлично знал, что лучшего ничего не найдешь, и потому стремился организовать переброску мехов с «Нанука» на Аляску именно по воздуху. А тут еще один грузик застрял на «Нануке» — дочь Свенсона. Ее он тоже не хотел оставлять на зимовку во льду на своей поганой шхуне. Вероятно, старик считал, что и этот товар может потерять в цене от лишнего года непроизводительного лежания на боку. В отеческие чувства старика я не верю; тем более, что и девица-то не из тех, что нуждаются в особенной опеке — вполне подстать папаше. Ну, как бы там ни было, а нам предложили по примеру прошлого года слетать к «Нануку» и перебросить на материк все, что нужно. Мы не имели никакого основания отказываться от такой работы. Она не только интересна, но после нее как-то значительно веселее чувствуешь себя с распухшим от долларов бумажником. Летать нам пришлось не впервой — в 27 году я даже кубок Хармана получил за такую же работу.

— Ну-с, на этот раз мы пошли в полет с механиком Горландом. Славный парень. Первый полет мы совершили в более или менее сносных условиях. Прилетели к «Нануку» и сняли с него наиболее ценные грузы — дочку Свенсона и партию шкурок сибирских чернобурок.. Все это мы благополучно доставили в Теллер. И вот тут-то мы сделали величайшую глупость, какую только могли придумать. Чтобы понизить служебную нагрузку нашего самолета, мы сняли радиоустановку. Мы глупейшим образом польстились на 30 кило, что весила вся аппаратура. Сменив лыжи, немного поврежденные в первом полете, мы снова вылетели к «Нануку». Уже во время старта погода не предвещала ничего хорошего и синоптики предсказывали шторм с сильным снегом. Я думал, что мы успеем проскочить к «Нануку» прежде, чем этот шторм разыграется как следует. Однако над Чукотской землей для меня стало ясно, что проскочить если и удастся, то будет нелегко. Ветер нордовых румбов с такой силой гнал снег и какую-то густую крупу, что в самолете создавалось впечатление, будто он подвергается сильнейшему обстрелу. Видимости не стало вовсе. Но это бы еще полбеды, я уверен, что мы пошли бы и по приборам, если бы проклятый мокрый снег не стал налипать на самолет. Мы превратились в какой-то летучий сугроб. Скорость катастрофически падала и вдобавок от забившего все и вся снега стал шалить мотор.

По моим расчетам, нам оставалось пройти пустыки до «Нанука», так как мы уже миновали Рыркарпий с факторией Госторга. В крайнем случае, промазав мимо «Нанука», мы могли бы отыскать застрявший недалеко от него русский пароход «Ставрополь». Не слишком интересно было искать убежища у большевиков, но ведь не хуже же, чем у медведей. Тем более, что и выбора-то не было. Однако пурга не дала нам возможности воспользоваться гостеприимством даже этих полудикарей. Пошла такая стрельба в моторе, что пришлось садиться тут же. Было не до размышлений. И что самое замечательное — мы сели на морской лед вполне благополучно. Я не особенно тужил. Отсидевшись здесь от пурги, мы могли спокойно долететь

до «Нанука». Двое суток мы воевали с метелью, в буквальном смысле слова вцепившись в самолет. Ветер старался швырнуть машину об лед так, чтобы не дать нам возможности когда-либо ею воспользоваться. Кое-как мы с этим справились: сильно помог нам в этом деле снег, занесший нашего «Пингвина» до половины. Мы сидели в кабине, как в снеговой пещере. Ничего, неплохо. Главное, тепло. А когда мы запустили нашу патентованную кухню, стало просто великолепно — хоть не вылезай. Однако вылезать все-таки пришлось. Метель немного стихла и можно было подумать о старте. Пока мы возились с отгребанием самолета, ветер и вовсе прекратился. Вы представляете себе, что значит освободить самолет, доверху занесенный снегом? Уж и попотели же мы. На дворе было не слишком жарко — подходило к тридцати градусам Цельсия, а белье прилипло к спине от пота. Потом бедняге Горланду досталось еще и от мотора. Двигатель застыл и промок. Запустить его стоило немалого труда. Но в общем, мы все подготовили к старту и пошли на взлет, рассчитывая через часок увидеть «Нанук». Не тут-то было. Снегу навалило столько, что мне пришлось несколько раз прорунить по одному и тому же месту, чтобы хоть немного укатать дорожку для разбега. Но и тут мне не повезло. В тот самый момент, когда машина отделялась от поверхности льда, лыжа наткнулась, по-видимому, на какой-то торос. Взлететь мы взлетели, но вместо правой лыжи у нас болтались растрепанные щепки... Вот тут-то мне пришлось подумать над тем, что же делать дальше. Лететь к «Нануку» было нелепо. Сев около шхуны с такой лыжей, я все равно разобью машину и не смогу никуда двинуться — придется разделить на целую зиму общество милейшего Свенсона. Может быть, последнее и очень интересно, старик он веселый, но меня привлекало все-таки мало. Я решил лететь обратно на Аляску для ремонта самолета. Горючего по моим расчетам должно было хватить.

— Все шло гладко. Под нами снова прошли дымки зимовья на мысе Северном. Самых домиков из-под снега не было видно, по-видимому, и здесь похозяйничала послед-

няя пурга. Теперь передо мной открылась тундра. Насколько хватал глаз, расстилалась гладкая равнина с пологими холмами. При этом поверхность тундры была очень слабо прикрыта снегом. Слой его был настолько тонок, что в некоторых местах ветер совершенно оголил серую шершавую почву. В случае необходимости совершить посадку, это не сулило ничего хорошего. А тут еще одно обстоятельство совершенно выбило меня из колеи. Где-то в бензинопроводе открылась течь и, пока Горланд ее нашел и починил, бензиномер успел упасть почти наполовину. Теперь у меня не могло хватить горючего до Аляски. Нужно было избрать какую-то более близкую цель полета...

— Мы как раз поравнялись с устьем реки Ангуемы. Если верить карте, то, идя по течению Ангуемы и выйдя потом на русло речки Энненакол, я пришел бы к посту Мариинскому на берегу Анадырского залива в устье реки Анадырь. Там есть радиостанция. Я решил не идти вдоль побережья Чукотской земли, а повернуть вдоль Ангуемы и пересечь всю Чукотскую землю к посту Мариинскому. Взяв курс на зюд-зюд-вест, мы пошли по течению этой речки. Оказывается, ее не так просто было отличить от окружающей местности. Снежный покров сравнял берега; река была едва приметна по извивам русла. В некоторых местах приходилось об этом русле только догадываться по легким складкам местности. Различать речку стало еще труднее, когда воздух внезапно подернулся густой дымкой и следом за тем наполнился крутящимися вихрями крупного, как пух, снега. Снег бесновался у нас перед носом, закрывая все кругом и покрывая переднее стекло моей кабины толстым слоем ваты. К многочисленным обязанностям Горланда прибавилась еще одна — через каждые пять минут счищать снег с переднего стекла. А потом и это не стало помогать; стоило Горланду отнять руку, как я снова ничего не видел. Подо мной ничего не осталось, кроме вертящихся узоров белой пелены, закрывшей от меня землю. Я перестал различать что бы то ни было. Попытался лететь над самым руслом, чтобы хоть что-нибудь видеть. Самолет почти задевал шасси за сугробы, и я все-таки не мог как

следует отличить русла реки от соседних холмов. Так продолжалось около часа. Я начинал терять всякое представление об истинном направлении полета, когда вдруг перед мной появился высокий снежный холм. Я всем корпусом потянул рукоятку на себя, но было уже поздно. Расстояние оказалось слишком малым, чтобы даже моя облегченная машина успела набрать высоту в какие-нибудь десять метров. Огрызками шасси с остатками лыжи мы зацепили за холм. Черт его знает, что там было дальше. Моей последней отчетливой мыслью было выключить контакт и это все, что я успел сделать, спасая себя от пожара...

— Вероятно, я потерял сознание на самый короткий промежуток времени. Очнувшись, я обнаружил, что нахожусь в совершенно неприемлемом для порядочного человека положении: вишу на предохранительном поясе вниз головой. Освободившись от ремней, я первым делом должен был помочь Горланду — бедняга проткнул головой фанерную обшивку на потолке кабины и до самых плеч ушел в снег. Он был без чувств, когда я его вытащил. Вылезти из кабины удалось, только проделав отверстие в полу, так как весь остов перекосялся и смялся. Двери не открывались. Только на воздухе Горланд пришел в себя, и тут выяснилось, что у него очень повреждена рука. Немало пришлось мне с ним повозиться.

— Печальную картину представлял наш самолет. Груда смятых стальных труб. Измятые листы дюрала. Расщепленная фанера. Все это годилось только на то, чтобы кое-как соорудить себе временное жилище. И в общем, мы все-таки устроились не так плохо. В шалаше, построенном из остатков самолета, было более или менее тепло. У нас были спальные мешки. Была великолепная кухня — примус. И, главное — бензиновые баки самолета не лопнули при аварии, сохранив нам достаточный запас топлива. В общем, как видите, все было в порядке. Идти мы не могли, так как от наших лыж остались щепки, и, кроме того, Горланд очень страдал из-за своего перелома. Почти совершенно не мог двигаться. Метался и стонал во сне.

— На месяц мы были обеспечены продовольствием и могли ждать помощи. Вот тут-то мы и покаялись в своей глупости — радио могло бы нас спасти. А мы его променяли на возможность вывезти для Свенсона лишнюю сотню песцов. Странно — иногда человек может предпочесть несколько неверных долларов единственной возможности сохранить свою шкуру. Но только бывает это до тех пор, пока судьба вот так, как меня, не высечет хорошенько. Теперь вы у меня ни за какие блага не купите право снять радио с самолета. Ну, если оно разлетелось вдребезги не по моей вине — это другое дело, а сам я его не сниму. Теперь-то я хорошо понимаю, что снять радио, летя в эти края — это все равно, что самому себе надеть петлю на шею и зависеть потом только от того, выбьют у тебя из-под ног табуретку или нет. Дудки — больше дураков нет... Но я отвлекся. Итак, мы решили остаться некоторое время на месте; по крайней мере, пока Горланду не станет лучше. В этом ожидании прошел весь ноябрь, а Горланд, вместо того, чтобы поправляться, чувствовал себя все хуже. Еще через две недели передо мною встала дилемма: или смотреть, как Горланд будет агонизировать от гангрены, распространяющейся по его руке, или сделать попытку ампутировать ему руку до плеча. С Горландом я на эту тему даже не говорил — было бы наивно думать, что он доверится такому хирургу, как ваш покорный слуга. Поэтому мне пришлось идти еще более трудным путем: когда Горланд спал, я дал ему нанюхаться эфиру и тогда приступил к операции, предварительно опутав пациента ремнями.

— Да, вот тут мне понадобились нервы, как никогда. Я уже почти кончал свое дело, когда Горланд стал приходить в себя. Я не мог оторваться от операции, чтобы снова усыпить его. Началось самое страшное... Бедняга чуть не испортил мне всего дела, начав шевелиться. Но все-таки мне удалось справиться с ним. Хорошо еще, что мы вместе с радиоустановкой не выкинули и нашей аптечки с набором хирургических инструментов. По крайней мере, это было бы последовательным идиотизмом.

— После операции Горланд очень страдал. Но общее состояние его, по-моему, улучшилось. Впрочем, может быть, мне это только казалось, так как я хотел себя утешить благополучными результатами операции... Ну-с, так Горланд продолжал болеть. Пища продолжала истощаться, и притом довольно быстро, хотя я и урезал наш паек почти втрое против нормального. А потом и еще вдвое. Иными словами, мы съедали в общей сложности по сто-полтораста граммов в сутки каждый. Это меньше, чем порция знаменитых Цаппи и Мариано в тот день, когда они покидали своего спутника Мальмгрена.

— Я делал несколько попыток пополнить наши запасы охотой и поставил в разных местах капканы. Но, по-видимому, в эти капканы некому было попадаться. Между тем, отсутствие питания губительно сказывалось на состоянии Горланда. Он быстро слабел. Его общее состояние, улучшившееся было сразу после операции, снова быстро ухудшалось. Рана не заживала...

— Я имел все основания предполагать, что если бы мы могли продвинуться на некоторое расстояние к югу по течению Ангуемы, то, войдя в полосу предлесья, нашли бы кое-какую дичь, по крайней мере, хотя бы белую куропатку. Это могло нас спасти. Вообще, должен вам признаться, томительное сидение на месте изводило меня до последней степени. Но не могло быть и речи о том, чтобы двигаться в путь с больным Горландом. Сам он идти не мог. Тащить же его на себе было бессмысленно. Это только окончательно вымотало бы меня, а уйти мы далеко таким способом не могли. Был, конечно, еще один выход. Оставив Горланда на месте, идти одному в поисках помощи. Вероятно, рано или поздно я бы эту помощь нашел. Но если бы мне и удалось привести людей к нашей стоянке, то мы нашли бы там, конечно, только труп Горланда. А я не мог оставить его умирать одного. Было бы смешно уверять вас в том, что мне в голову не приходили малодушные мыслишки... Бывали, что и говорить. Но, знаете, Север своим невероятным размахом, необычайной, почти беспредельной жестокостью порождает в нас наряду с яростной, бессозна-

тельной, животной жаждой жизни и нечто такое, что не укладывается в понятия графаретного товарищества, дружбы... Да нет, мне кажется, что все эти слова не могут дать представления о том чувстве, какое способно породить в человеке к своему спутнику совместное пребывание в этих жестоких краях... Да, так, короче сказавши, я не мог покинуть Горланда, хотя и совершенно ясно представлял себе, что только в движении навстречу возможным людям заключается спасение... А судьба слишком поздно позаботилась о том, чтобы дать мне свободу... Однажды, проснувшись в шалаше и подползши, как всегда, к Горланду, чтобы посмотреть, как он себя чувствует, я не получил от него никакого ответа... Его труп успел уже окоченеть...

— Вот тут-то я и подумал о том, чтобы немедленно двинуться в путь. Я покинул наш лагерь на давно приготовленных самодельных лыжах. Запас моей пищи не был тяжел. У меня оставалось максимум на неделю стограммовых порций пеммикана. Всю свою свободную грузоподъемность я заполнил спальным мешком, чтобы, по крайней мере, иметь возможность хоть согреться на привалах. Ну, и, конечно, взял ружье с небольшим запасом патронов. Много я взять не смог. Тяжело. И вот я сделал вторую глупость — я пошел.

— Шел я в общем довольно долго. Во всяком случае, много больше недели. Семь стограммовых порций пеммикана у меня давно кончились, и я съел уже клапан от своего спального мешка. Тут мне стало ясно, что я дальше тащить этот мешок не могу, и я отрезал от него для себя только половину на одеяло. По мере того как я шел, размеры этого одеяла тоже уменьшались, так как я его постепенно съедал... Идти сделалось еще труднее из-за того, что от подобного лукулловского питания у меня начались отчаянные боли... Доесть остатки спального мешка мне уже и не пришлось, — желудок отказывался его принимать. Но бодрости я все-таки не терял. К этому времени я достиг самых истоков Ангуемы. Карта говорила о том, что мне следовало теперь идти прямо на юг. Выбора по существу не было, и я двинулся наперерез тундре, без всякого иного

путеводителя, кроме звезд. К концу полярной ночи это уже неверный путеводитель. Начинающее проглядывать солнце заставляет меркнуть звезды. Кроме того, начавшийся период весенних штормов со снежными метелями еще больше затруднял ориентировку. Две больших метели я перенес довольно хорошо. Даже немного отдохнул в берлоге когда меня засыпало снегом. Мне стоило большого напряжения воли заставить себя проснуться и выбраться из сугроба, навалившегося на меня за время пурги...

— Хуже вышло с третьим штормом, заставшим меня в открытой тундре. Это было, вероятно, в середине января. Меня так основательно запорошило пургой, что у меня не хватило сил выбраться из сугроба, и я блаженно заснул. Удивительное чувство покоя и тепла разлилось по всему телу. Заметьте при этом, что сознание у меня работало достаточно четко и я отлично понимал, что засыпаю для того, чтобы уже никогда больше не проснуться. Но жажда покоя была сильнее всего, и я не преодолел сна.

6.

ПЕРЕХОД В ЛУЧШИЙ ИЗ МИРОВ

— Не знаю, сколько времени по всем правилам мифологии занимает переход из этого мира в тот, другой, лучший из миров, но не думаю, чтобы я пролежал слишком долго в своем сугробе, как на меня уже набросились черные псы ада. Они откопали меня под снегом и стали рвать на мне одежду. Это я отчетливо почувствовал, так как, хватая зубами мое платье, собаки отнюдь не избегали зацепить и тело. Я ощутил в нескольких местах тупую боль. У меня не было сил, чтобы отбиться от собак, хотя такой способ перехода в загробный мир меня и не слишком устраивал. Впрочем, довольно скоро над моей головой послышались сердитые окрики на непонятном языке.

Вот тут-то я и понял, что попал прямо в рай. Боже мой, если бы вы знали, какой небесной музыкой может звучать человеческий голос, даже когда не можешь ничего разобрать! Нет слов, чтобы выразить этот восторг. Нервное напряжение достигло своего предела и я просто завопил, как зверь. По-видимому, тут же я снова потерял сознание.

— Проснулся уже значительно позже. Кругом было темно. Рядом со мной ласково потрескивали в костре тонкие сучья, распространяя давно забытый аромат дыма. Никакие благовония не могут сравниться с этим восхитительным запахом. Дым тонкой струей взвивался прямо к отверстию, проделанному к крыше жилища. Это был шалаш из шестов и звериных шкур, что называется у чукчей ярангой, у самоедов — чумом. По-видимому, это была яранга, так как здесь я мог быть только у чукчей. Это было моей первой настоящей мыслью...

III.

«ГРАФ ЦЕППЕЛИН»

1.

СОВЕЩАНИЕ В КАФЕ «ТЕВТОНΙΑ»

Разрывая темноту разноцветными огнями, вертятся сверкающие крылья ветряной мельницы. Крылья размазывают огненные струи лампочек по стене. За этими фосфорическими мазками не видно даже окон. Фасад кажется слепым. Высоко в небе, над машущими огненными крыльями, над огромной бриллиантовой стрелой, пронзающей ослепительный синий ромб, к обозначенному тусклым штрихом бокалу наклонилась пятиметровая бутылка. Разбрасывая снопы электрических брызг, из ее горлышка льется горящая струя шампанского. Вправо и влево от мельницы, от стрелы, от бутылки, насколько хватает глаз, по всей Курфюрстендамм полыхает пламя транспарантов. В их ослепительном сиянии колыхнется людской поток.

Одни идут медленно, с независимым видом людей, которым нечего делать, другие несутся, наклонив голову и расталкивая локтями толпу. И те и другие врываются непрерывной струей в широко распахнутые двери пятиэтажного дома, по всему фронту обвитого гирляндами разноцветных лампочек, то ярко вспыхивающих, то постепенно затухающих. Кафе «Тевтония». Здесь много зал в каждом этаже. Есть залы китайские, японские, русские, мавританские. И есть салоны — красные, голубые, зеленые и желтые; парчовые, бархатные и атласные. По темному красному бархату диванов расплескались легким налетом светлые платья женщин. В розовый атлас кресел втиснулось черное сукно мужских костюмов. Волны сизого дыма мечутся от столиков к эстраде, отброшенные от нее хриплым дуновением джаза, лезут обратно в те же рты, что только что выдохнули их наружу. Шершавые от никотина языки перестают чувствовать сладкотерпкий аромат ликеров. Уши, привыкшие к больным выкрикам саксофона, перестают их слышать и чутко ловят слова собеседника. Сю-

да люди приходят только для того, чтобы под прыгающие, как разноцветные шарики под потолком, звуки фокстрота или под липкие, пристающие, как запах ликера к языку, тягучие темпы танго постараться забыть проведенный день и не думать о завтрашнем. Здесь мужчины обращают внимание только на женщин, а женщины или шушукаются о делах, которых у них никогда не было, или внимательно, заискивающе следят за глазами мужчин. Здесь удобно говорить о чем угодно, не обращая на себя внимания. Это обстоятельство было тем более удобно господину фон Литке, что именно здесь он решил провести свой последний вечер в Берлине. Поэтому Литке и назначил свидание коммерции советнику Риппсгейму не где-нибудь в другом месте, а именно в кафе «Тевтония».

Литке скучал за столиком один. Сухой, крепко сколоченный, точно манекен, вставленный в жесткую скорлупу черной визитки и сверкающего полотна манишки, Литке не заставлял долго размышлять над вопросом о своем социальном положении. С первого взгляда в нем можно было узнать военного вильгельмовской формации. Маленький значок в петлице говорил о принадлежности к союзу бывших офицеров цеппелиновских эскадр. Литке смотрел по сторонам с видом легкого пренебрежения. Того пренебрежения, которое нынешние немцы уже отказываются ценить в бывших носителях сверкающих мундиров, как привилегию, недоступную штафиркам. Даже монокль, обращавшийся блестящей поверхностью стеклышка то в одну, то в другую сторону, заявлял о превосходстве своего хозяина над завидной деловитостью, с какой прочие визитки двигали ногами в фокстротах и танго.

Вдруг монокль выпятился и, сверкнув в воздухе, повис на черном шнурке. Литке поднялся, не сгибая спины, и деревянными движениями потряс руку подплывшего к нему розового толстяка. В следующую минуту Литке опасно оглянулся по сторонам, нет ли знакомых. С большого живота советника Риппсгейма ярко кричали широкие серые клетки безвкусного полудорожного костюма. Эти нелепые серые клетки советника так шокировали Литке, что он

даже не обратил внимания на седого маленького человека, присевшего к его столику вместе с толстяком. Маленький незнакомец застенчиво ежился на стуле, старательно пряча на коленях руки. Рукава его визитки заметно лоснились. Сухонькую, по-детски тонкую ручку обрамляли манжеты далеко не первой свежести. Серый тон манжет незаметно переходил в сморщенную жилистую синеву старческой кожи. Человек сосредоточенно мигал красными припухлыми веками, внимательно глядя в лицо Риппсгейму. Все заостренное личико, с тонким, покрытым сетью ярких синих жилок носиком, выражало единый сосредоточенный восторг и внимание. Под незримым давлением этого гипнотизирующего восторга Риппсгейм обратил широкое массивное красное лицо к старичку. Держа двумя розовыми сардельками пальцев длинную светлую сигару, советник почти коснулся краешком пепла вытянувшегося носика старичка.

— Господин Литке, я забыл представить нашего консультанта по русскому вопросу генерал-лейтенанта фон Маневич.

Маневич суетливо расшаркался. Литке, не вставая, протянул было деревянным движением руку. Раздумав, поднял ее к голове и провел тонкими пальцами по гладко выбритому черепу. Рука Маневича повисла в воздухе. Он неловко поклонился и сел. Литке пальцем подозвал кельнера.

— Обер, сюда, — ткнул Литке в сторону старичка, — лимонный грог.

— А мне чашку кофе, — заявил советник.

Советник пил кофе и дымил крепкой гамбургской сигарой. Литке, медленно, смакуя, пил маленькими рюмками джиджер. В промежутках они перебрасывались короткими фразами без начала и без конца, состоявшими из слов, никакого отношения не имеющих ни к тому месту, где они сидели, ни к окружающей их обстановке. На Маневича они не обращали внимания. Только, когда он допивал очередной бокал лимонного грога, самого дешевого

напитка из имевшихся в кафе, Литке подзывал кельнера и, показав подбородком, говорил:

— Обер, еще один грог.

Старичок пил и слушал, что говорили. По-видимому, внутренний смысл отрывочных фраз был ему понятен. Несколько раз он раздвигал свои сморщенные синие губки для реплики, но на нем неподвижно останавливался холодный, прижимающий к стулу взгляд серых острых глаз Литке. Старичок беспокойно моргал красными веками, прятал под стол ручки и растягивал рот в заискивающую улыбку.

Риппсгейм, докуривая вторую сигару, наставительно тянул:

— Правление опять высказало некоторые сомнения в том, что огромные средства, вложенные в это предприятие, будут оправданы. Ведь по существу у нас нет никаких оснований приходить в восторг. Полтора миллиона марок, поставленных на карту, это чего-нибудь да стоит.

Литке едва заметно приподнял плечи. Советник успокоительно обратил к нему розовую подушку ладони.

— О, нет никаких сомнений в добросовестности всей организации. Для этого мы с вами слишком немцы. Но ведь если мы и на этот раз не укрепим за собою первенства в создании трансарктической воздушной магистрали, это дело совершенно неизбежно должно будет попасть в руки американцев. Мы никому не хотим втирать очки, и каждый ребенок, конечно, понимает, что мы сами в состоянии поднять это дело только благодаря французским кредитам. Но в том-то и дело, что наши кредиторы на этот раз только до тех пор склонны благонамеренно относиться к этому делу, пока им не покажется, что мы не можем ничего сделать. Им слишком важно получить контроль над магистралью, проходящей вдоль всего сибирского берега. Вы думаете, зря большевики так стараются скомпрометировать все предприятие более чем откровенными догадками своей прессы об истинных намерениях вашей экспедиции? Да, они даже соглашаются дать в ее состав своих

ученых. Но это только маска, китайская церемония, мой друг. Ах, вы еще не знаете большевиков...

Маневич дернулся на своем месте.

— Да, вы не знаете, мой друг, большевиков, — продолжал Риппсгейм. — Ведь доказано, что Ленин — монгол. Но это не умаляет его качеств, и с изумительной одаренностью этого необычайного черепа никто не собирается спорить. Но тем хуже для нас. Из-за этого лба на нас потекли целые потоки гениальных утопий. Вы знаете, что проповедовал Ленин, что по существу представляют собою все его мысли? Это не что иное, как необычайно сконденсированная, доведенная до последней степени остроты монгольская мудрость. Ее, эту мудрость, сотни и тысячи лет копили у себя в Китае кули. Вы знаете, что такое кули, это китайцы. Совсем особая порода китайцев. Их никогда не считали людьми ни мы — европейцы, ни даже сами китайцы. Едва ли кто-нибудь даже считался с их способностью мыслить. Все думали обычно, что кули может испытывать только элементарные чувства — боль, страх, голод. Главным образом, конечно, голод.

— И вот, представьте себе, после нескольких столетий, а, может быть, и тысячелетий подобного заблуждения оказывается вдруг, что кули мыслили. Да, да — они мыслили. И все эти мысли, копошившиеся в головах заезженных кули, всегда хотевших есть, приняли совершенно своеобразное направление. Они, по-видимому, думали больше всего о том, как бы сделать так, чтобы им не хотелось есть. Китайские государственные мужи, а, впрочем, не одни только китайские, но и наши лучшие мыслители, предлагают для этого наиболее рациональный, по их мнению, рецепт: кули нужно отучить есть. Тогда они будут довольны своим положением и не будут расходовать драгоценных калорий на размышления о том, как уничтожить в себе чувство голода. Но этот рецепт, по-видимому, не сходится с теми мыслями, что копились из века в век в головах кули. Они не могли выработать никакой теории на этот счет, но пришли все же к совершенно определенному выводу: чтобы не чувствовать голода, нужно есть досыта. Совершенно

ясно, что столь противоречивые теории не могут ужиться рядом. Здесь в дело вмешались социал-демократы — конечно, не такие, как у нас, а совершенно особенные — китайские социал-демократы. Эти мужи мудрости заявили, что хозяева неправы — кули нужно кушать. Но кули, по их мнению, тоже неправы — им нужно кушать, но вовсе не досыта, как они думают. Если кули будут есть досыта, то они не будут работать, а если не станут работать, тогда окажутся голодными и кули и хозяева. Поэтому они предложили хозяевам давать кули немного больше кушать, а кули предложили больше работать, чтобы пополнить хозяевам повышенный расход на их пропитание и не довести хозяев до разорения — иначе некому будет давать кули кушать.

— На мой взгляд, такое решение было правильным. Здесь я вполне согласен с китайскими социал-демократами. Но вот, представьте себе, вековые размышления кули, никем никогда не записанные и никем как следует не проанализированные, попав в мозговую лабораторию под выпуклым лбом Ленина, претворились в какую-то третью теорию, явно неприемлемую для хозяев и довольно неясно осознанную самими кули, хотя в корне эта теория и есть их собственная, так сказать, кулиная теория. Ленин предложил: пусть кули едят досыта и съедают все, что они производят. А хозяева, спрашиваете вы? А хозяевам Ленин предложил работать так же, как работают кули, и производить столько, сколько им нужно съесть, чтобы быть сытыми. Уже сама по себе эта мысль представляется нам абсурдом — не может и не должно быть такого положения, когда все, наевшись, скажут: мы больше не хотим работать. И тогда всем придется голодать. В Китае голодали только кули, а тут будут голодать все. Это хуже.

Это грубейшая логическая ошибка. Ленин сделал ее из-за предпосылки: кули, то есть те, кто всегда работали, следовательно, умеют работать, должны быть хозяевами, а хозяева, которые никогда не работали и не могут работать, пусть будут кули. Это явная ошибка. Такого положения, когда хозяев много, а кули мало — быть не может. Это

политически немыслимо. Можете вы себе представить американский небоскреб, широкий у земли и упирающийся в облака золоченым шпиком башни? Можете. Такой небоскреб стоит прочно на широком фундаменте и увенчан на своей вершине самой красивой частью здания — золотым шпиком. Но можете ли вы себе представить, что небоскреб стоит шпиком вниз, опершись на изящное золотое острие, а широкое основание его теряется в облаках? Чепуха. Я говорю вам —это чепуха. Такой дом не смог бы простоять и одного дня.

Советник сердито пыхнул сигарой и пустил струю синего дыма в лицо Маневича. Маневич чихнул и засмеялся, дробно шлепая друг о друга сухими ладошками. Но Литке сердито вскинул монокль в глаз и холодно глянул на старика.

Ладошки немедленно прекратили свое шлепанье, и руки спрятались под стол. Литке стукнул костяшками пальцев по столу.

— Господин советник жестоко ошибается. Вы, коммерсанты, всегда считали нас, военных, какими-то святочными щелкунами, а я позволю себе еще раз высказать предположение, что политические бури, переживаемые нашей страной и всем миром, произошли именно из-за того, что вы и вам подобные, то есть люди, никакого представления не имеющие о том, кто такие кули и что такое государственный небоскреб, взялись за обуздание аппетита первых и за создание второго. Поверьте мне, что если бы это дело поручили простому армейскому поручику, он так накормил бы кули, что они чувствовали бы себя сытыми до второго пришествия. В моих устах это покажется вам если не насмешкой, то во всяком случае малопонятным парадоксом, но я считаю, что Ленин во много раз превосходит и тех, кто строит небоскребы с золотыми шпиками, упирающимися в небо, и тех, кто собирается эти небоскребы ставить шпиком вниз. Ум Ленина пропитан практицизмом кули. Утопическим лишь в той мере, в какой может быть утопической галлюцинация кули, курящего опиум, чтобы не чувствовать пустого желудка. Ленин все же не мог сде-

лать и не сделал такой ошибки — он не поставил вашего поганого небоскреба на шпиль. Он просто взорвал его хорошей порцией динамита, а из кирпича, сохранившего после взрыва качество строительного материала, построил дом в виде куба. Понимаете вы — в виде куба. Что это значит? А то, что у такого дома нет ни основания, ни шпиля. Как его ни поворачивай, он всегда останется кубом, и его устойчивое равновесие будет всегда абсолютным. И как бы вы этот дом ни повернули, Ленину решительно все равно, потому что все стороны куба как две капли воды похожи друг на друга. И кули тоже наплевать — какая стена будет левой и какая правой. Важно, чтобы дом не рухнул. А рухнуть у него гораздо меньше шансов, чем у самого красивого небоскреба с самым длинным и самым золотым шпилем... Однако, дорогой господин Риппсгейм, мы сильно отвлеклись, давайте повернемся к нашему делу.

— Да, пожалуй, это будет лучше всего, — согласился советник и повернулся всем корпусом к Маневичу. — Как вы думаете, генерал, в какой мере мы можем рассчитывать на сочувствие русского общества в предпринимаемой нами работе?

Маневич потер руки и суетливо зашепелявил:

— Не может быть сомнений насчет того, что лучшая часть русского общества, все те, кто в настоящий момент находятся за бортом политической жизни у большевиков — все эти круги нас, конечно, поддержат.

Литке прищурился и процедил сквозь зубы, наставив слепую глазницу монокля на старичка:

— А какова реальная ценность поддержки этих кругов?

— То есть как это?—спешил Маневич.

— А так, какой толк от сочувствия всего этого сброда?

— Господин советник, — с достоинством воскликнул Маневич, вскакивая с места, — я попрошу вас оградить меня от подобных оскорблений, коль скоро вы сами пригласили меня, как советника, в это дело.

Широкое лицо Риппсгейма расплылось в добродушной улыбке.

— Позвольте, генерал, ведь вы же не сброд, почему же вы принимаете на свой счет слова милейшего господина Литке?

— Да, но речь идет о моих единомышленниках и друзьях.

— Э-э, стоит ли обижаться за всех, кто в данный момент является нашим единомышленником? У меня не хватило бы амбиции, если бы я решил заступаться за всех, кто так или иначе участвует в моих делах. Давайте лучше о деле.

Советник положил свою тяжелую руку на хилое плечо собеседника.

С резкостью перехода, какие бывают только у пьяных, Маневич заморгал красными веками. Он жалостно всхлипнул и обильные слезы потекли по сморщившемуся старческому лицу. У Литке пренебрежительно перекосялся рот. Собеседники перестали обращать внимание на плачущего старика.

— Считаете ли вы, Литке, что вам действительно удастся осуществить намеченный маршрут полета в целях получения рекогносцировочных данных, необходимых нашему Ллойдю для составления проекта трансатлантической воздушной магистрали на дирижаблях? От всех переговоров у меня создалось такое впечатление, что иностранные ученые меньше всего заинтересованы в том направлении, какое вы избрали, и стараются добиться его изменения.

— Не иностранные профессора нас везут, а мы их везем. Этим все сказано. Коль скоро дипломаты говорят, что мы не можем с полной безопасностью использовать для своих баз советские острова, мы должны найти такие пункты, на которые не простирается лапа большевиков. Это же ясно. Если в секторе недоступности имеется хотя бы квадратный метр суши, мы ее закрепим за собой. А профессорам предоставим производить любые интересующие их наблюдения — ведь недаром же наша экспедиция называется чисто научной: первой экспедицией подобного масштаба, не преследующей никаких меркантильных целей. Всяким ученым работам в ней будет отведено почетное

место. Давайте выпьем, господин советник, за науку, за чистую науку.

Литке поднял свою рюмку:

— Хип, хип!

— Ура, ура, ура! — весело ответил Риппсгейм. — Приходится особенно пожелать успеха нашему делу — у нас слишком много конкурентов. Ведь то, что французы дают нам пока свои франки, вовсе не значит, что они сами не точат зубы на все созданное на севере нашим трудом и знаниями.

— Ну, в этом случае им придется столкнуться с не менее острыми зубами большевиков. Едва ли они так спокойно отнесутся к созданию у них под носом чужих опорных пунктов. Впрочем, я не верю тому, что и наше предприятие не встретит с их стороны серьезного противодействия.

— Ну, а я этого не боюсь. Во-первых, им нечем нам препятствовать — у них нет ни одного дирижабля, чтобы нас опередить или нам помешать. Во-вторых, ведь мы с вами мирные завоеватели — что могут иметь против нас большевики?

— Я боюсь, Риппсгейм, что большевики знают нас лучше, чем вы думаете. Едва ли их больше, чем кого-либо другого, обманывают фиговые листки нашей научности и наших культурных и торговых интересов. Наш блок едва ли рисуется им таким мирным и лишенным каких бы то ни было политических целей. В этом случае, мне кажется, можно было бы продлить вашу историю о мировоззрении кули. Когда хозяева начинают строить солидную каменную стену вокруг бараков, где живут кули, едва ли эти последние склонны принимать за чистую монету уверения в том, что стена воздвигается в заботах о том, чтобы кули кто-нибудь не обокрал, и что с той же целью у ворот ограды ставится надежный полицейский кордон с пулеметами. Нет, мой дорогой советник, кули не так наивны. Однако выпьем за... за что бы выпить?

— Я всегда пью только за успех, — засмеялся толстяк. — Я не верю тому, чтобы экспедиция, снаряженная нашим

Ллойдом и руководимая такими немцами, как вы, не увенчалась успехом. Однако посмотрите-ка на нашего генерала.

Маневич, сгорбившись на стуле, спал. Тихое всхлипывание вырывалось из полуоткрытого рта, как это бывает у обиженных перед сном детей. Струйка слюны стекала с отвисшей губы на отворот визитки. Советник поднес сигару под ноздри Маневича. Тот втянул в себя струю синего дыма и, громко, с брызгами чихнув, поднял голову. Советник радостно засмеялся шутке. Даже на деревянном лице Литке появилась слабая тень улыбки. Старичок уставился на толстяка непонимающими оловянными глазами. Постепенно глаза делались все прозрачнее. В них появилась наконец мысль. Он нагнулся к столу:

— А как вы думаете, господа, ведь если бы действительно удалось создать надежные базы там, вдоль пустынных берегов нашей далекой Сибири, и проложить около них постоянную надежную коммуникационную линию — ведь это было бы блестяще. Мы получили бы возможность гораздо проще сноситься с нашей родиной. Нам не нужно было бы рисковать своей шеей, нелегально переходя советскую границу. Ведь подумать только, что можно было бы входить в Россию чуть ли не в любом месте всего северного побережья Азии! Ведь это же настоящие ворота в будущее. Эта страна легендарно богата. А какие там люди — если бы вы могли иметь представление, что за народ эти чудесные сибиряки! Какая твердость, какая непоколебимая вера, какая самозабвенная преданность России и ее богопомазаным вождям! Сибирские стрелки — ах, если бы вы знали, что это за народ! Да, когда-то и я гордился тем, что команду именно сибиряками. О, я знаю душу моих орлов, как свои пять пальцев... Ах, господа, если бы действительно нам получить свободный доступ в этот край...

— То вы стали бы туда вагонами ввозить ваши фальшивые червонцы, генерал? — насмешливо спросил Литке.

Старичок испуганно вскинулся и вытянул к накрахмаленной фигуре соседа дрожащие старческие руки, точно сисясь закрыть ему ладонями рот.

— Ш-ш-ш... Как вы можете? Нас услышат, — испуганно зашипел старик.

Литке криво усмехнулся.

— Из-за чего такой испуг, ваше превосходительство? Ведь это секрет полишинеля, эти ваши пресловутые червонцы.

В разговор вмешался советник.

— Перестаньте, господа. Давайте лучше выпьем. Эй, обер, бутылку купферберга.

Через минуту, поднимая пенистый бокал, рассыпающий вокруг себя золотые искры, Риппсгейм провозгласил:

— За наш общий успех. По-видимому, наши интересы не расходятся, а если и расходятся, то не во многом.

— Н-да, — протянул Литке и поглядел на свет свой бокал, — в этом сверкании есть что-то, что напоминает мне бледное золото полярного солнца.

Маневич грустно склонился над своим фужером. По его морщинистым обвислым щекам опять побежали две крупных пьяных слезы. Посмотрев на него, советник спросил:

— Скажите, генерал, почему вы, русские, так много плачете, выпив немного вина?

— Вы никогда не поймете причины наших слез. Особенно теперь. Разве вы можете понять русскую душу? Смотрите, не я один плачу, вы видите, даже по этому бездушному стеклу бегут алмазные слезы. — Маневич провел пальцем по отпотевшей поверхности бокала. — Этот бокал напомнил мне слишком много. Когда-то наш царь, русский царь, не признавал иного напитка...

— Вероятно, и ему и вам было бы лучше, если бы он признавал чистую воду, — добродушно заметил советник.

— Господа, мне не до шуток, — с пьяной торжественностью возразил старик. — Я пью за... — опираясь на столик и уронив сзади себя стул, он встал. — Я пью, господа, за ту широкую брешь, которую вы пробьете в китайской стене, воздвигнутой большевиками вокруг нашей родины. Я пью за единственно законных хозяев русской земли, которые войдут через эту брешь. Под музыку, под пушечные выстрелы... сто один выстрел, господа... сто один...

2.

«ЦЕППЕЛИН» ЛЕТИТ

Гисер-Зарсен отбросил в сторону карандаш и сердито уставился в белое поле карты. До Новой Земли оставалось не больше полусуток полета. На остановку там для приема на борт нескольких упряжек новоземельских лаек — времени уйдет совсем немного. А после того «Граф Цеппелин» продолжит свой путь прямо к берегам Северной Земли, нанесет на карту ее северную оконечность и оттуда в сектор недоступности, до сих пор заполняющий белым пятном значительную часть карты полярного бассейна. Таким образом, та точка, где находится Зуль, останется в стороне. Бедный старик замерзнет или умрет с голоду. Норвежские угольные заявки на Земле Недоступности останутся непоставленными, а вместе с тем и обусловленные акции его, Гисер-Зарсена, как награда за проведение операции, окажутся не чем иным, как воздушным замком, построенным хитрым Андерсеном. Под сосредоточенным взглядом Зарсена на гладкой поверхности морской карты стали вырисовываться черные норы шахт и перекрещивающиеся коридоры штолен. Белое поле стало набухать горами черного угля. По карте задымили проворные норвежские угольщики. А там, далеко, у изрезанных глубокими фиордами берегов милой Норвегии, угольщики поплыли прямо в просторный кабинет крупного акционера самой северной из угольных компаний Гисер-Зарсена. И сам Гисер-Зарсен, солидный высокий блондин в безукоризненном брусничном костюме, предстал, как живой, за широким письменным столом, заваленным ворохами купонов и банкнот...

Зарсен даже тряхнул головой, чтобы освободиться от мыслей, преследовавших его последние дни и переходивших в назойливые видения, почти галлюцинации. Быстро открыв маленький чемодан, Зарсен, не глядя, привычным

движением выхватил бутылку и, запрокинув голову, сделал несколько глотков.

— Ну, что-нибудь придумаем, — буркнул он, засовывая обратно бутылку.

Штора над дверью заколыхалась и из-за зеленого бархата на Зарсена уставились колючие серые глаза высокого, прямого, как палка, блондина.

— Господин Зарсен. Уже на ногах? Приношу извинения за вторжение. Я хотел только напомнить о том, что через пять минут ваша вахта.

— Вы сама аккуратность, господин Литке, — насмешливо ответил Зарсен, запирая на ключ чехомодан.

Сделав приветствие рукой, Зарсен вышел в коридор и направился в штурманскую рубку, расположенную в носовой части главной гондолы. За собою он слышал размеренные деревянные шаги Литке. «Ишь, чертова кочерга, — зло подумал Зарсен, — никак от него не отвяжешься».

Зарсен бережно протискивал свою массивную фигуру по коридору, заваленному грудями ящиков со снаряжением, связками лыж, пышными ворохами меховой одежды. И без того узкие проходы сделались еще более тесными от принаитовленных к переборкам нарт. Во всех кабинах и в просторной кают-компании царил необычный для корабля беспорядок. На тисненном сафьяне диванов мягко поблескивала черная, вороненой стали, бронза и никель всевозможных приборов — метеорологических, гидрологических, магнитных. Столы и столики завалены справочниками, таблицами, астрономическими альманахами.

Осторожно, чтобы не столкнуть какого-нибудь хрупкого прибора, не рассыпать груды наваленных на стуле таблиц, Зарсен прошел через салон. На пути ему то и дело попадались люди в брезентовых комбинезонах. Одни из них прилипли к широким зеркальным стеклам салона; другие, не дыша, впились в колеблющиеся стрелочки магнитных приборов; третьи старательно заносили в объемистые тетради дневников законченные наблюдения. На всех лицах была написана сосредоточенность. Никто не обращал вни-

мания на соседей. Даже на огромную фигуру Зарсена, пробиравшегося к носовой рубке, никто не обернулся.

В главной рубке на всех рулях и приборах, рядом с людьми старой вахты, уже стояли сменяющие. Под наблюдением нового вахтенного начальника Зарсена произошла смена, и усталые рулевые сейчас же покинули тесное помещение.

Зарсен принялся внимательно изучать карту с нанесенной на ней тонкой курсовой линией, проведенной предыдущим штурманом. Выслушав объяснения предшественника, Зарсен отпустил его и уселся за карточный стол, сразу заполнив собою всю тесную штурманскую кабину.

Зарсен никак не мог сосредоточиться на работе. Из-под белого поля карты все так же назойливо вылезали уплывающие от него пачки ассигнаций. Среди акций мелькало лицо Зуля; Зуль сосредоточенно скреб крепким пальцем бороду.

Укоризненно покачивая головой, он поднял палец и постучал по наклоненному над картой лбу Зарсена. Зарсен вскинул голову и очнулся. В переборку карточной сту-чали с той стороны, где по соседству помещалась радиорубка. Тут только Зарсен заметил, что за одолевшими его видениями он не слышал настойчивого писка телефона. Серdito сорвал трубку:

— Алло...

— Зарсен?

— Да, — раздраженно буркнул Зарсен.

— Радиограмма с берега.

— Говорите.

— Передаю: «Из Берлина. Возникшие препятствия со стороны советских властей к спуску в указанном ранее пункте у острова Новая Земля устранены. Собаки с проводниками будут приготовлены. Воздушный Ллойд, директор Риппсгейм».

— Все?

— Все... Господин Зарсен, а когда мы можем быть в этом пункте?

— Я думаю, если ветер не усилится и деривация останется такой же, к середине следующей вахты подгребем. А почему это вас интересует?

— Да как же, ведь там мои земляки к нам на борт придут с собаками..

— А кто у аппарата?

— Радист Оленных.

— А, Оленных... Ну, я не очень-то уверен в том, что эти земляки придутся вам по вкусу. Ведь они большевики, наверно... Алло... Алло...

Аппарат щелкнул и умолк. Зарсен подержал трубку у уха, пожав плечами, повесил ее на крючок.

Минуту он стоял, задумчиво барабанил пальцами по разложенной карте. Взгляд его упал на широкий просвет бортового окна. Далеко внизу расстился простор Полярного моря. Темные волны пологими ленивыми холмами блестели под яркими лучами солнца. Они бежали так размеренно и спокойно, что, даже когда их вершины срывались, на темной глади почти не появлялось пены. Далеко на севере белел тонкий, едва намеченный белый штрих. Зарсен взял бинокль. Под углом к курсу дирижабля двигалось большое скопление льда. А надо льдом — его постоянный и верный спутник: темным волнистым валиком катился туман. Зарсен задержал бинокль на этом темном, медленно приближающемся с горизонта, валике. Вдруг он порывисто сунул бинокль на стол. Быстро сорвал трубку телефона, соединился с радиорубкой.

— Алло, Оленных... немедленно запросите станции на Маточкином Шаре, Франц-Иозефе и Новой Зибереи. Мне нужна погода. Собирайте всю погоду, какую сможете услышать. Как можно больше погоды.

— Мы получим сводки в положенный час.

— Никаких положенных часов. Запрашивайте в порядке любой экстренности. Мне нужна погода, понимаете?

Зарсен бросил трубку и радостно хлопнул себя по лбу:

— Зарсен, ты почти готов был расписаться в том, что ты осел. Самый большой и толстый осел, какого мне прихо-

дилось когда-нибудь встречать. Как это ты раньше не догадался, что в ветре и тумане твое спасение!

Зарсен засвистел какой-то веселый мотив и пошел в главную рубку.

— Ну, господин Литке, мы еще посмотрим,— бормотал он, широко улыбаясь.

3.

ФЕДОР-ФРИДРИХ

Прошло почти два часа с тех пор, как Зарсен сдал свою вахту, но он все еще сидел в своей кабине за столом, заваленным сводками погоды и синоптическими картами. Справляясь с листками, испещренными столбцами цифр, Зарсен старательно наносил на карту слабую карандашную линию. Это не был курс дирижабля. Линия Зарсена проходила значительно севернее, минуя Северную Землю и делая замысловатую петлю в совершенно чистое пространство, не отмеченное на карте даже намеками на присутствие суши. Зарсен поминутно пускал в ход резинку, стирая нанесенные отрезки кривой, и тщательно прочеркивал их наново.

Наконец он отбросил циркуль. Задумчиво поглядел в иллюминатор.

Далеко впереди, по правому борту вырастали из темной сверкающей глади океана пики гор. Снеговые вершины громоздились друг на друга, острой многорядной пилою снижаясь к югу. «Совсем как наш Свальбард»,— подумал Зарсен. Он задернул темной занавеской иллюминатор. Привычным жестом нащупал в чемодане бутылку. Запрокинув голову, сделал несколько глотков. Не раздеваясь, бросился на упруго подавшиеся пружины дивана. Скоро поскрипывание сафьяна смешалось с присвистом спящего Зарсена.

А на другом конце килевого прохода, прильнув к маленькому иллюминатору, пропускавшему скупой свет в жи-

лое помещение команды, втиснулся между решетчатых дюралевых балок радист Фридрих Оленных. Напрягая всю силу больших голубых глаз, Фридрих вглядывался в ту самую островершинную гряду гор, что породила в Зарсене воспоминание о далеком Свальбарде. Фридриху эта гряда ничего не напоминала. Он никогда не видел таких голых серых сопок, увенчанных острыми снежными вершинами. Только то, что эти вершины назывались давно забытыми словами «Новая Земля», заставляло Фридриха не отрываясь следить, как минуту за минутой крупнели приближающиеся горы.

Горы уходили на юг. Фридриху не было видно конца серой зубастой цепи. Он знал, что где-то южнее эта цепь кончается, обрезанная холодным неприветливым морем, ничего общего не имеющим с далекой затундровой Россией. А до родной Сибири еще сколько таких же высоких цепей и голых, и суровых, и лесистых, покрытых зелеными шапками родной знакомой тайги. Но Фридриху до щем под ложечкой захотелось, чтобы вот эта незнакомая скалистая пила уткнулась концом прямо в Россию и чтобы по этим вот острым вершинам, как по зубьям горной дороги, его скребущиеся мысли добрались до маленькой заимки на берегу широкого серого Имана. Фридрих притиснул нос к стеклу иллюминатора. Неожиданно для него самого произвольно разжавшиеся губы почти громко произнесли непривычное слово: «Рассея». Не Руссланд и даже не Россия, а именно Рассея.

— Какая ей на есть, а Рассея, — медленно, неуверенно, как перевод с немецкого, проползло в голове.

Закрыв глаза:

— Я ль Федор Оленных, ай нет?

ЗЕМЛЯКИ

Михайло Князев сунул ноги в валенки и подошел к окну. Вода на губе лежит гладко и спокойно, красноватой полосой отражая лучи низкого солнца. Было немногим больше полуночи.

Михайло поскреб в волнистых зарослях бороды и потянулся.

Третьи сутки никак не мог проспать напролет больше двух часов после приезда гонца с радиостанции. Сам готов, Вылка готов, собаки за двое суток месячный паек сожрали, а дирижабля все нет и нет.

Михайло накинул бушлат и вышел на волю. Лавой на крутые ступеньки крыльца ринулись собаки. Тявкая и скуля, сбивая друг друга с ног, атаковали Михайлу. Отмахнулся от них мягкими бревнами валенок. Только упершегося в живот мохнатыми толстыми лапами любимца Мошу сгреб крепкими пальцами за пушистый загривок. Ласково потрепал. Смеясь швырнул в самую середину своры, тешась поднявшейся возней.

Поеживаясь от ночного холодка, Михайло пошел по становищу. Все спало. На крылечке западного дома, где живут самоеды, темнел грязный комок. Мальчонка- самоедин, завернувшись в засаленную до черного блеска малицу, сладко спал. Из-под пушистой оторочки капюшона виднелась только тупая кругляшка носа. Михайло тряхнул мальчонку:

- Ты чего, Антипка, сидишь?
- Батя сажил.
- Для ча батя сажил?
- Неба стилец.
- А ты стерег?
- Не, сплял.

— Гони в избу, кликай батю. Скажи: ему наказано было сидеть, так должен сам сидеть и караулить.

— Зачем не калаулять? Мы калаулял.

— Ну, ты тут не рассуждай. Зови батьку-то.

Мальчишка сорвался и побежал в избу, раскачиваясь на кривых ногах.

— Вона несознательность,— хрипнул в бороду Михайло, двигаясь обратно к дому,— с ними беса лысого укараулишь.

Лежа в постели, Михайло курил. Давился тяжелым мокротным кашлем, но, жалея заправленной махорки, докуривал. Стукнул трубкой о дощатый край койки и натянул до шеи оленью постель.

Но так и не заснул. Сперва тихо — по ступенькам крыльца, потом в сенцах зашуркали мягкие подошвы пимов. Скрипнула дверь.

— Михайло, а, Михайло, цивось гудёт...

— Где гудёт? — сразу скинул с себя теплую постель Михайло.

— Визе гудёт,— недоуменно покрутил головой старый самоедин.

— Поглядеть надо,— прохрипел Михайло сквозь ворот натягиваемой малицы.

— Циво с глидеть? Я так думаю — он.

Михайло сгреб шапку и вместе с самоедином пошел из горницы.

По побережью, замощенному морем в гладкую улицу, сбегались ото всех трех изб. Мягкой припрыжкой, бережа ноги, текли самоеды. Ребята, забравши в руки подолы малиц, путались в мятущейся собачьей стае. Сперва степенно застегиваясь, а потом проворно обгоняя стуком подкованных каблуков самоедов, бежали русские промышленники. И все к старому самоедину Василию, который, уставясь прямо над собой в голубое бездонное небо, шарил глазами в редких, пухом набросанных облаках. Шумно переговариваясь, следили за выплывшими глазами Василия. Но так же, как и он, ничего там не находили.

— Ты чего ж это, старый чорт? Спать не можешь, так и людей манишь?

— Зачем манить — гудал.

— Зад твой гудал, да ты не разобрал. На каждый твой гудеж вставать, так спать неколи будя.

— Зачем? Гудал, говолю. Килицать не нада.

— Ин, верно, ребята, помолчи,— вступился Михайло.

В настороженной тишине было ясно слышно какое-то мощное шуршанье.

— Ин пра гудёт.

— А ты годи, дай разобрать, отколе гудет-те.

— Знамо отколе — сверху.

— Молчи, робя.

Василий нагнул голову, выставив большое оттопыренное ухо. Все его шершавое буро-желтое лицо собралось складками к переносице.

— Во тама, — показал он рукой на северо-запад.

Серые скалы отделяли лощину становища от открытого моря. Из-за них не было видно доброй половины голубого полушария над головами. А звук действительно несся оттуда, куда направил свой узловатый палец Василий. Звук нарастал. Из далекого гула переходил в тягучее шуршание. Но источник звука оставался невидимым. Прежде всего сообразили мальчишки. Когда взрослые додумались, пятна замусленных детских малиц уже ползли на середине склона, сыплющего в море мелкие плитки шифера из-под шустрых ног.

Добежав до самого горба ближней вершины, ребята враз остановились. Лица всех были обращены к невидимому снизу открытому морю.

— Стой, ребята, — взволновался Михайло,— помолчи.

Он выжидательно уставился в сторону ребят на горе. Но те даже не оборачивались. Михайло сложил ладони трубкой и крикнул:

— Э-э-э... оо-о-ой... — крик оборвался кашлем. — Егор, — обернулся Михайло к сыну,— гони до дому за рупором.

Но Егор еще не успел вернуться с рупором, как мальчишки серыми пылящими комьями покатались с горы. Из-

за шершавой гребенки хребта, посылая в лощину крутящееся около пронзительного гула шипенье и свист, показалось сверлящее голубизну неба серое веретено.

— Я казал — гудёт, — радостно залопотал Василий. — Зацем манить? Он и есь.

Но старика никто уже не слушал. Шурша по песку пимами, спешили на середину большой песчаной проплешины утекшего озера. Широкий многометровый крест перепоясал желтизну тонкого песка. Весь склад госторговского ситца вытащили на этот крест. Чтобы был по инструкции.

Толпились по ситцу, суетясь и не зная, что делать.

Устали зряшно толкаться и стояли, задравши головы. Пряди длинных волос свисали, треплясь по ветру, как у простоволосых, нечесаных баб. А вверху над головами уже выписывало по небу толстое серое веретено, чертя над лощиной круг за кругом. Было оно совсем близко и все на виду. Грани ребер, блестящие стекла носовой гондолы и торчащие в стороны кубышки моторных гондол — все было видно.

Шум возрстал, набухая по мере того, как веретено приближалось, описывая понижающуюся спираль. Потом разом стих. Только слегка шелестело над головами замерших промышленников. Было видно, как из открытых окон главной гондолы, прилепившейся под брюхом у самого носа дирижабля, свесились до пояса люди. Михайле даже показалось по их открывающимся ртам, что они что-то кричат вниз. Он, набравши голосу, крикнул, точно переговариваясь с соседней избой:

— Чиво?.. Не слышать... Скоро ль седать станете?

Но наверху по-прежнему только посапывало. Никто не ответил. Все тише в кругах шел дирижабль. Стал против ветра и, легко шурша блестящими нимбами вращающихся винтов, замер. И тотчас с самого брюха выпала в воздух люлька и поплыла к земле. Внизу ахнули, не видя троса, на котором вертелась вокруг самой себя люлька. Когда до земли оставалось метров пятьдесят, мальчишки не выдержали и стали тихонько пятиться вслед быстро утекавшим к становищу женщинам. Промышленники, с Михайлой во

главе, оторопело глядели на спокойно перегнувшегося через край люльки человека. И вдруг Михайло точно новость какую вспомнил — сообразил, что ведь это за ним люлька-то спускается. Он сразу засуетился:

—Илья, а Илья? Как с собаками-то быть? Чай на шлейку-те переловить бы... Егор... Да подь сюды... Собак-те, говорю, на шлейку... Робя, собак-те, собак собирай, как бы не разбежались...

Но собаки и не думали разбежаться. С остервенелым лаем прыгали они в середине креста, над которым покачивалась приостановившаяся люлька. Из люльки наклонился человек и, поблескивая рупором, стал кричать вниз. Разом все притихли. Прислушались внимательно, но ничего не поняли. Василий, не отнимая руки от уха, обернулся к Михайле:

— Ницево понимать не мжно. Циво он казит?

— Нешто я понимаю? Не по-русски говорит, значит.— И, подняв голову, закричал в люльку: — Непонятно нам... непонятно, говорю-ю-ю. Садись прямо, собак подавать станем.

Протяжное «е-ем» покатилося по лощине, но человек в люльке только помахал рупором и недоуменно пожал плечами. Нагнулся в люльку и было видно, что говорит в телефонную трубку. Люлька дернулась и стала потихоньку опускаться. Захлопотали внизу. Собаки визжали и бились на шлейках. Самоеды злобно пихали собак небольшими носами пимов. Русские подтаскивали снаряжение и всякую снедь, припасенную для уходящих проводниками при собаках — Михайлы и самоедина Вылки. Торопились, как мешочники на уходящий маршрут.

Люлька все ближе. Осмелевшие мальчишки с любопытством, превысившим страх, лезли в самую гущу, где ощеренными пастями драли друг другу бока нервничающие собаки. А человек в люльке кричал непонятно и решительно помахивал рупором, точно командуя. Никто его не слушал. Люлька коснулась земли и проскребла глубокий след по песку, прыгая из стороны в сторону вместе с зацепившимся за нее кумачевым полотнищем. Человек

принял конец первой шлейки и втянул к себе болтающихся на ременной петле собак. За парой другая, третья, четвертая выхватывались из рук хлопотливо гонявшихся за мотающейся люлькой промышленников. Нагруженная доверху бьющейся кучей воющих псов люлька взмыла и быстро пошла к дирижаблю. Спустилась еще раз и третий. Пока все сорок собак [не] были взяты наверх.

В пятый раз уже спускалась люлька на землю.

Человек в люлке сердито кричал, делая настойчивые пригласительные жесты. Михайло истово перекрестился и полез через край корзинки. За ним быстро влез и Илья. Провожающие потащили было к ним мешки с припасенной снедью, кучу оленьих постелей, вздыбившиеся пушистой шерстью совики. Но человек позволил сунуть только ружья и совики. Крикнул что-то в огрызок телефонной трубки, болтающийся под подбородком, и люлька поехала вверх.

Пока возили наверх собак, Михайло и Илья волновались. Каждый по-своему. Михайле все предприятие в последний момент стало казаться несоразмерно большим по новизне и непонятности всей совершенно непривычной обстановки. Илья даже не пытался охватить всего события в целом. Его только удивляли и волновали самые незначительные мелкие детали устройства люльки. На дирижабль он боялся посмотреть. У него замирало под ложечкой при мысли, что придется сейчас непосредственно соприкоснуться с нависающей сверху непонятной громадой и исчезнуть в ее страшном брюхе. В тот момент, когда он сел в люльку, ему представилось, что он уже погиб, что его проглотило это ужасающее одним звуком своего дыхания чудовище. И совсем плохо стало, когда хозяин люльки отказался взять с собою снаряжение промышленников — сухари, консервы, вяленого гольца. Вылка даже робко пожаловался Михайле:

— Циво кушать станем... усе пропала.

— Ладно, я так располагаю: он снова спустится и все наше барахло заберет.

Однако, голос Михайлы звучал без всякой уверенности. По правде сказать, он и сам боялся того, что все припасы пропали для них безнадежно. В нем не шевелилась мысль о предстоящей из-за этого голодовке, как то думал Илья, но все-таки было жалко и привычной снеди и пушистых мягких постелей.

Михайло нерешительно глянул вниз, через край люльки. Медленно отворачиваясь, уплывала желтая песчаная ложина, на смену ей пришло каменистое замощенное побережье и жалкие одинокие постройки становища. Михайло в первый раз увидел в единой панораме и губу, и ложбину, и безбрежно уходящее к западу и к северу темное море. И от этого три избушки и крошечная часовенька, давно уже разжалованная в склад снастей и припасов, все это казалось еще меньше, беспомощней. До страха, за беспомощность крохотных домиков, жалко было смотреть на становище.

— Илья, глянь-ко на становище-те, — тихонько сказал Михайло Вылке.

Но Илья, как сидел на самом донышке люльки, так и остался. Даже не обернулся в сторону говорившего,

Михайло успел за время подъема внимательно разглядеть поднимавшегося с ними в люльке. Тощий и высокий, с красным гладко бритым лицом, он то и дело что-то непонятное лепетал в телефон. Казалось Михайле по голосу и взглядам, что лепечет он про них с Ильей. Было неловко и хотелось заговорить. Но когда собрался, густая тень набежала на люльку. Поглядевши наверх, уже не увидел ни кусочка неба — все было закрыто серой, тускло поблескивающей массой дирижабля.

Напоследок мелькнул еще свет, когда Михайло попытался глянуть вниз. Там под ярким солнцем раскоряченными кучками, с вырастающими попеременно из спины и из живота ногами, ползали люди. Но немец дернул Михайлу и окриком заставил собраться в люльке. Стало темно на секунду. Потом блеснул электрический свет. Над головою громоздилась паутина перекрещивающихся металлических балок и балочек. Как леса огромного невиданно-

го дома. Люлька замерла и спутник промышленников спокойно вылез. Кругом толпились люди в серых комбинезонах. Говорили непонятно. Короткими крикливыми фразами. Михайло растерянно смотрел по сторонам. Протиснувшись сквозь кольцо окружающих, к нему подошел один немец и, протянув руку, весело заявил по-русски:

— Здорово, земляк! С новосельем, вылезайте-ка из кареты!

5.

ИЛЮСКА КАЗИТ

Михайло допил третью кружку какао, сопровождаемого ломтем белого хлеба с маслом и ветчиной. Вылка все еще с жадностью завтракал, возбуждая удивление окружающих немцев. Вместе с плотно запроваженными в рот кусками ветчины у него в зубах завидно хрустели один за другим ровные голубоватые куски сахара.

Оленных вместе с немцами с искренним удивлением, почти восторгом, наблюдал необычайный аппетит самоедина. В мозгу Оленных стали воскресать давно сданные в архив памяти образы сибиряков. Но представление о них было слишком далеким и бледным, чтобы аппетит Вылки не показался ему чем-то феноменальным. Оленных не выдержал роли радушного хозяина и задал Михайле вопрос:

— А скажите, земляк, это действительно, что пишут газеты, будто, стало быть, в России вроде как голод?

Михайло не спеша отер с бороды потеки какао и обчистил крошки хлеба, завязшие в кудрявых седоватых зарослях.

— Видите ли, земляк, это в зависимости от впечатления, в каком вы хотите взять положение. С одной стороны, оно, конечно, не приходится говорить, а с другой все-таки нечего бога гневить.

— Значит, все-таки продовольствия не в достаток?

— Ежели кто не вырабатывает, то, конечно, не в достаток, а то и вовсе без продовольствия сидеть будет. Ну, а ежели приналежь, то, опять же говорю, не только што с достатком, а и с остатком будете.

— А разве не так, что у вас любой бездельник на шею сесть может и верхом ездить?

— У нас, извините, таких глупостей и не бывает. С чего-то вы такое взяли?

— Все в газетах немецких пишут, — уклончиво ответил Оленных, — ну, а как с дикарями?

— То есть какие же это такие дикари?

— Да вот с эскимосами этими самими, — кивнул Оленных в сторону уплетавшего за обе щеки Вылки.

— Наперво не эскимосы, а так называются они — самоеды. И опять же дикари они, конечно, в рассуждении больших европ, а только промежду собой большого понимания люди.

— А жмать вы их жмаете, я так полагаю. Опять-таки у нас в газетах все больше говорится о том, что в России теперь инородцы только называются иначе, а жизнь у них все та же инородская, и даже значительно неблагоприятнее.

— Сказать вам правду, земляк, последнюю газету я месяцев десять, а то и год назад видел. Да и грамоте-то в этих краях вроде как вовсе разучился. Письмо написать ноне и то с затруднением приходится. Но того, о чем вы рассказываете, читать да и слышать не приводилось. У нас так полагают, что самоедин ноне уже больше инородцем даже и не прозывается. Как он в интернационале всех народов есть равный промежду равных и называется национал. А насчет прижиму ему, на мое мнение, тоже жаловаться не приходится. Взять хотя бы вот этого самого Илюшку Вылку. Ну, скажем, он, конечно, работающий, башковитый, прямо сказать, самоедин. Ну и притеснение ему едва ли какое учинить можно. Потому он как есть голова, так у нас головой и находится.

— То есть как же это головой? — удивленно вскинулся задумавшийся было Оленных.

— Вполне форменная голова. Как он есть председатель артели нашей.

— Инородской, небось?

— Не, зачем. В ней не только самоеды. Мы все в ней члены. Вот я сам и сынок мой членами состоим.

— Ну, а как же над русскими самоед этот самый верховодит?

— Голованит, как всякая голова. Вона спросите его сами, как он до этого дошел. Илька, а Илька, да брось-ка ты шамовку. А то, небось, у немцев впечатление голода происходит. Будто и не едал ты николись.

Илья поднял голову.

— Как мозна не едал. Едал я. А только такое не едал. Больна хорос шамофка тесь, — благодушно сказал Илья. — А ты чиво ко мне привязился?

— А вот, Илья, обскажи гражданину земляку про свое житье. Главное, интересуется он, как это тебя в председатели артели к нам угораздило. Как это ты, такой дурной, а артелью править можешь. Ты не гляди, что земляк снаружи вроде как немецкий, а только он по нутру русак.

Вылка долго с задумчивым видом скреб под малицей.

— Ты, Михайла, цудной, рази мозна цево казать бис кумки? Кумка тара. Тады казать мозна. Давай кумку, парено.

«Парень» в смехе тряс седой бороდიцей.

— Сучий ты сын, Илюшка, без рюмки не дохнешь. Ладно, тут порядки европейские, а в европах у них, небось, закладать не возбраняется. Ин дам.

Михайло достал объемистую баклагу и протянул Вылке. Вылка взял было ее, но на полпути ко рту повернулся к Оленных.

— Коли ты, парень, земляк наса — пивай.

— А что тут есть? — нерешительно спросил радист.

— Ты пивай, парень, потом баить будес, — улыбнулся Илья.

Оленных нерешительно поглядел на обмызганный край баклаги. Он отлил несколько капель в стакан. Пригубил. Посмаковал. На лице появилось удивление.

— Никак водка, братцы?

— Самая что ни на есть чистейшая. Сорок градусов, — улыбнулся Михайло.

— Вроде казенки, верно. Я вкус-то давно забыл. С самого германского плена не пробовал ведь.

— «Горькая» у нас прозывается.

— Горькай и есть... Уфф, — размазал Вылка ладонью по губам тяжкий вздох, оторвавшись от горлышка баклаги, — самой самоетьки вина.

— А ну-ка капните, землячки, мне несколько, — соблазнился Оленных. — Россией от нее отзывает.

— Пережиток, — важно сказал Михайло, наливая радисту в стакан. — У нас ноне это дело выводится. Вот только таких дурней, как наш Илья, не отговоришь. Да надо сказать правду, и все они, самоеды наши, больно горазды зашибать. А только власть как есть с этим непотребством борется и водку из нашей жизни с корнем выводит.

Оленных недоверчиво поглядел на Михайлу.

— И к примеру сказавши, вот вы, земляк, так-таки не пьете?

— Ни вот столечко. Давно забыл и вкус и запах. Для этого дурня только и баклагу захватил... Но, впрочем, разговор наш в сторону пошел. Илюшка, ты от разговору не отвиливай. Обсказывай земляку.

— Циво обсказывать-та. Жись самоетьска, она какая жись. Всякий насу жись знает.

— Всякий, да не всякий. Ты, Илюшка, сейчас для всех европ обсказать должен. Как земляк он есть теперь чужестранец немецкий, то и должен ты ему свою жизнь вполне ясно разъяснить, чтобы он в заграницах дотошную передачу твоих слов иметь мог.

— Се казать?

— Все обсказывай, как ты был самый што ни на есть худой самоедин и как председателем стал.

— Ты мне, Михайло, обманигь хотиш. Какой сказ самоецки? Русак слушать не станет.

— Совсем напротив, господин Вылка, нам очень даже приятно,— вступился Оленных. — А самое главное, очень нас интересуе, в каком положении вы при советской власти находитесь и в каком направлении главнейшие основания ваших отношений с нею, как вы есть самоецкий большевик.

— Какой моя большевик? Нету большевик. Большевик больно умной. У нас на острове только одна большевик самоетка — Тыко Вылка. Хороса мужик. Москва бывал. Цитать, писать мозит. А только у него партийный билет нету, как он беспартийный большевик. А я какой могу быть большевик? Как я есть только промышленник. А только на тот год я тоже большевик стану.

— А зачем же это вам нужно большевиком-то становиться?

— А вот ты послушай. Мне так сдается — каждый самоедин большевик стать должен. Ты гляди, какая наша жизнь. Ты как думаешь — я жить доперву вовсе не мог. Я в Колгуе жывал, на большой тундре жывал, на Вайгаче жывал. С большой тундры родом я. Но только малой я совсем был, когда батька мой на Колгуй ушла. У батьки моего оленей совсем мало было. Всех оленей копытка побила. Батька в пастухи пошел к другому большому хозяину. Хозяин его на Колгуй послал. Там на Колгуе батька пастушил. Жизнь тяжкая была. Мясо мы едали, айбарданье делали. Голодом не сиживали. А только с постелями плохо бывало. Постели хозяин обирал. С русским купцом торговал. На чумы, на одежду ничего не оставалось. Только что было своих оленей у батьки — постели пошивали. Сколько их надо самоецкому человеку, так в три раза меньше бывало. Такой жись я недовольна стала. Как я вырос, по Колгую на промысел ходить стал. Песца бивал. А ты знаешь, какой промысел у нас бывал? Два десяти песца на одного охотника бивали. Только все едино ничево не бывало у нас с такого промысла. Купец Карпов в Бутрино зимовье построил. Товар возил. Менку делал. По десяти руб-

лев за песка назначал. Какой цена! Хороша цена. На десять рублей много товару брать можно. А купец как делал? Товару на сотню рублей дает, а других песцов на деньги забирает. Деньги, чиво они — ежели товару нету? Деньги лежат, пока самоедин водку пить не захотел. А как самоедин водку пить захотел, купец водку и дает. Сто рублей ведро назначает. Самоедин водку гораздо много пивает. Ведро пивает. Два пивает. Как пивать нечево, товар назад несет — на водку менку делает. А как без товару жить? Самоедину без товару жить не можно. Мука нужна. Сахар нужна. Соль нужна. Цай нужна. Масла нужна. Свинца нужна. Патрон нужна. Дробовка нужна. Без дробовки самоедин не может жить. А где возьмешь товар? Опять в купцову лавку самоедин пришел. На расписку товар забрал. А за расписку другой год десять песцов задаром купцу давать надо. Кридит прозывался. На кридит хуже всего и пропал — дал самоедин...

Вылка подумал. Поскреб под малицей.

— Такой кридит никуда не годицца. Жонка как золото¹ увидал — давай, хозяин, золота. Кридит. Сукна увидит — давай сукна. Кридит. Мало десяти песцов для такого кридита. Весь промыс на кридит купцу подпишешь. На другой год ничего нет. Весь товар в кридит брать надо. А подписка в два раза больше стала. За три года, что с купцом возился — на десять годов кридитку написал. Так жить не можно стало. Я с Колгуя ушла. Жонки у меня тогда не было. Один ушла. Вайгач пришла. Промысла нету. Купец есть. Кридит есь. Водка есь. Жизни нету. А тут поп пришла. Свой кридит делал. Купец на зиму на большую землю уходит, поп остается. Кушать самоеду нечего станит — поп кридит делает. Водка — кридит. Мука кридит. А самоедин попу песка давай. А поп песка купцу продает. А только поп хуже купца стала. Кридит не дает, коли молицца не станешь. Крестицца нада. Молицца нада. Церкову ходить нада. За все попу деньги платить нада. А какие у самоедина деньги? Снова кридит. Тоже и на Вайгаче жизни не стало. Деньга

¹ Медь (Прим. авт.).

нет, мука нет, только водка на кридит есь. Стала я с Вайгача в море ходить. Промыс сей год, как в моря ходил, плохой был. Опять кридит. Силы не стала. На сукову мать Вайгач послал. Пошла я на Новая земля. Сказывали, на Новая земля промыс хороша.

Пришла я на Новая земля, и ничего нету у мене. Кушать нету; постели нету; порох нету, свинец нет; все нету. Только винтовка есь. На промыс снова в кридит свинца и пороху набирал. Снова купец и поп кридит писал, пока моя жизнь до самого конца в книгу не записали. Трудно было.

Русак на промысу тоже бывал. Русаку легче жилось. Русак на попа плевал. Русак только купцу кланялся, и то купец русаку лучшие деньги за промыс давал, чем самоедину. Русак на купца по матери кричал, русак купцу морду бивал, русак, коли один купец плохой бывал, до другого купца ходил. А самоед куда пойдет? Большой начальник сегда говорил: «Самоед, тогда от купца уйдешь, когда тебя поп в землю копать станет». А мне что поп в землю, что купец поверх земли — одно дело.

Другой большой начальник на Новая земля наезжал. Суд делал. Наши самоетки промышленники этому начальнику говаривали. Начальник к матери наших промышленников послал — не стану, сказал, слушать вас, писать надо. Жалоба прозывается.... А какую жалобу самоедин писать мог: самоеды писать не знают...

Дурной я тадысь был — сам голодный, а жонку завел. Жонка с голоду померла. Я другую завел. Другая жонка сынка дала. Сынок маленький помер. Другой раз дочку дала. Дочка и сейчас жива. А почему жива? Купец добрый стал? Поп молицца бросил? Не, врешь, парень, — купец хуже моржа глядел на меня. Нет, парень, переменка вышла: вот чево. Один год параход с большой земли пришел. Водки нету. Товару нету. Промыс у купца на руках остался. Другой год параход не пришел. Мы промыс купцу сдавать не стали. Сказали купцу: «Товар давай — промыс сдадим. Товар не даваешь, промыс не даем». Купец к начальнику езжал. А начальник с острова убег. Мы ничего не пони-

мали. Тут норвецкий пароход пришел. Промыс скупать стал. Сколько раз на год приходил. Весь, говорит, промыс давай, все давай — товар несет. Мы промыс сдавали.

На другой год пришел наш пароход. А только купца нет. И начальник иной. Чудные штуки говаривать стал. Купца, кажит, николи не будя. Попов тоже не будя. Сами у себя промыс, кажит, скупайте — в артель собирайте. На артель все товары с большой земли посылать станем. Менку на промыс сделаем.

— Какую, кажим, цену давать станешь?

— Какую вам надо штоб кушать и жить, — кажит.

Такось чудной парень пришел. Кажит, начальник он. Большую бумагу с печаткой являет. Наши русаки бумагу читали, печатку обсмотрели — правильная, кажут, бумага.

Первый год ходил тот начальник, менку делал. Товар давал. Велел норведцам промыс не сдавать. Казал, на Руси другой год царя нету. На заместо царя кимитет сел. Какой человек этот кимитет — мы не понимали. Начальник казал, большевик-кимитет. Какой человек большевик — мы не знали. С большевиком менки николи не имели. Большевик на Новая земля николи не хаживал. Начальник, кажит, большевиков многа — я сам, кажит, большевик. Я казал начальнику — Илька большевик станет, коли без па жить можна. «Можна», — казит. «А кушать большевик дает?» — «Дает», — казит. «Кушать, — казит, — дает всяким, кто работать промыс хочет. Если работаешь, промыс сдаешь — кусай. Коли не работаешь — помирвай». Та чудной: начальник, а сам вроде как промыслом ходит.

Зачали мы артель делать. В артели одним самоедам не можно работать, есь работа, что самоедин делать не может. Стали русаков зазывать, а русаки свою артель делать хочут. Сперва кажный сам собою промыс делал. Потом все-таки русаки с самоединами работать стали. Дела лучше пошли. А тут в это время стали совет свой новоземельный делать. И Тыко Вылку председателем собирали. Он большой мужик. Даром што самоедин. Стал самоедин свой совет делать. Ницево, коли русаки помогали, выходило.

А тут в артели нашей председатель помер. Антошка Колпаков — русак был. Наси ребята русаки говорят: «Артель наша многа самоедского люду имеет. Новая земля тоже — самоедская земля. Нужно, чтобы председатель самоедской тоже был». Стали собирать председателя. Меня собирали. Боязно было по первому делу. А потом ничево — пошло. Сколько годов я, Михайло, ноне уже председателем-то?

— Я так располагаю, што верно третий пошел.

— Вот и я кажу, третий год пошел, как я председатель, — самодовольно улыбнулся Илья, — третий год все кажу своим ребятам: «Водку пить не надо, парни. Водка враг наш». Ребята помалу отвыкать стали. Только теперь надо председателя нашего Илью Вылку от водки отвадить. Сей есь самое трудное дело. Ты как думаешь, Михайло?

Михайло безнадежно махнул рукой.

— Ты, Илюшка, сей год пить бросить-то обещал, а вот все не бросаешь. Гляди-кось, сопьешься, парень. А вы, земляк, уж извиняйте, — повернулся он к Оленным.

Но, взглянув на земляка, сразу осекся. Радист сидел, обхватив голову руками, уставившись широко раскрытыми глазами в одну точку. Из-под набухших век по щеке растекалась капельками слеза. Михайло заерзал:

— Вы што ж это, землячок?

Оленных вздрогнул и поглядел на собеседников.

— Так, некоторая глупость... Впрочем, может, и не глупость. Какая уж это Рассея, ваша Новая земля, а ведь вот, глядите, какую мокрость развел. Свое дело все-таки это все, родное. Ведь ничегошеньки-то мы о Рассеи не знаем... А хочется знать, что ни скажете. Ведь не немцы же мы...

— Friedrich, wo bist du?! — раздалось за переборкой.

Оленных вскочил.

— Видите, Фридрих я, а хочу быть Федором.

— Ин ладна, Федя, — примирительно шепнул Михайло, — еще потолкуем. А сичас извиняйте, надо собачек поглядеть... Эй, Илья! Ишь, нагрузился, собачий сын... Эй, председатель, дойдем до собак поглядеть.

— Собак, как не смотреть, можно смотреть... — встрепенулся Вылка и вместе с Михайлой пошел в тускло освещен-

щенный проход, где к нависшим кружевам металлических балок были привязаны свернувшиеся калачиком и грудившиеся друг к другу собаки.

6.

ЗАГАДКА ЗАРСЕНА

В кабине сидели двое. Молодой хозяин кабины — второй штурман воздушного корабля — Освальд Мюллер и первый штурман Гисер-Зарсен. Дружеская беседа длилась уже почти час. Зарсен частенько вынимал из кармана бутылку и подливал в рюмки. Бутылка опустела; Зарсен сходил за второй. Мюллер быстро пьянел. Язык уже плохо слушался. Но он пил, стараясь не отставать от Зарсена, точно не замечая своего опьянения. Только на момент, когда он сделал было попытку встать со стула, в глазах его мелькнуло сознание. Но было уже поздно. Большие голубые глаза быстро соловели, и скоро Зарсен оказал собутельнику последнюю услугу, уложив его в койку. Коснеющим языком тот пытался протестовать. Уверял, что он должен отстоять свою вахту и чувствует себя хорошо. Но застыл на полуслове с открытым ртом.

Зарсен потушил свет и, заперев за собою дверь, вышел из кабины. Пройдя к себе, он долго поливал голову холодной водой и тер одеколоном виски. Сунул в карман старательно сложенную карту и пошел в главную гондолу. Здесь вахта уже сменилась. Только вахтенный штурман ждал еще не пришедшего ему на смену Мюллера.

— Зарсен, почему вы? Меня сменяет ведь Мюллер.

— Мюллеру очень нездоровится, и я обещал простоять за него эту вахту.

Штурману было все равно, кому сдавать вахту. Через пять минут, пожав руку Зарсену, он покинул рубку.

Зарсен прошел в карточную и быстро заменил разложенную на столе карту своей.

Заслышав деревянные шаги в проходе, Зарсен с неприкрытым видом уселся около стола и занялся вычислениями. В спину его кольнули строгие глаза Литке.

— Почему Мюллера нет на вахте?

— Он болен и просил его не тревожить.

— Об этом первым должен знать я. Без моего разрешения не может происходить замена вахтенных начальников

— Я принимаю на себя вину в том, что не поставил вас об этом в известность.

Литке, уходя, зло передернул плечами:

— Вы, господин Зарсен, не обязаны стоять за Мюллера, с половины вахты я вас сменю.

— Я обещал Мюллеру и простою за него всю вахту, пожалуйста? не беспокойтесь, — твердо отрубил Зарсен.

Переждав с четверть часа, он вышел в рубку. Медленно, как бы невзначай, подошел к рулевому, стоявшему на штурвале рулей направления. Проверил по компасу курс, справился со своей картой.

— У вас, Штокман, ошибка. Возьмите влево до пятнадцати градусов.

— Но ведь это на много к норду от курса.

— Нет, это будет верно, Штокман.

— Есть.

Штокман неохотно переложил рули.

Через полчаса Зарсен дал поправку еще на несколько градусов к норду.

Сидя за столом карточной, Зарсен внимательно изучал по приборной доске работу моторов. Машины работали, как и было заведено — на экономических оборотах. То есть треть мощности еще оставалась в резерве. Зарсену очень хотелось прибавить оборотов, чтобы быть уверенным в том, что за его вахту удастся достичь нужной ему точки. Он долго колебался. Однако, справившись со скоростью и направлением ветра, говоривших о наличии изрядного сноса с курса и значительном понижении действительной ско-

рости корабля, Зарсен решительно включился на аппарат главного вахтенного механика:

— Пустить пятый мотор.

— Есть пустить пятый мотор.

Через полминуты привычное ухо Зарсена уловило новую нотку, влившуюся в размеренную песню моторов.

То затихая, то делаясь громче, эта песня тянулась уже много десятков часов. Прислушиваясь к ровному голосу моторов, экипаж воздушного корабля проникался уверенностью в своей судьбе. Люди спокойно спали, убаюкиваемые шуршащим шопотом винтов. Вахтующие уверенно делали свое дело, когда из раскаленных глушителей непрерывным хлопучим рядом вылетали взрывы моторов — пяти неутомимых майбахов, честных немецких машин, исправно вертящих сверкающие круги винтов. Это не изящные французские испано-сюза и не стальная скульптура изотта-фраскини — это немного грубоватые немецкие тяжеловозы. За счет тяжеловесности — достигнута огромная прочность и выносливость. Зарсен знает, что на майбахов можно положиться. Если он и колебался в своем намерении пустить мотор на полные обороты, то отнюдь не из страха за выносливость, а только из боязни возбудить чье-либо ненужное внимание. Но, увидев, что единственно от скорости дирижабля зависит успех его предприятия, он решился и на последнюю меру. Механик получил приказание повысить обороты всех моторов до предельных. По расчету Зарсена максимально через три часа дирижабль должен будет достигнуть координат, данных в радиограмме Зулем.

Убедился по приборам, что его приказание исполнено. Все пять моторов идут на крейсерских оборотах, извлекающих из каждой машины ее полные четыреста пятьдесят сил. Скорость корабля относительно среды возросла до ста двадцати километров в час. Зарсен успокоился и все внимание сосредоточил на удержании курса. Он не отходил от рулевого. Не обратил никакого внимания на метеорологическую сводку, принесенную вахтенным радистом.

— Господин Зарсен, я десять минут вызывал вашу кабину, пришлось самому нести сводку, — удивленно доложил радист.

— Хорошо, идите, — отрезал Зарсен, засовывая сводку в карман.

Ему не было теперь никакого дела до сводки. Погода потеряла всякий интерес. Даже если бы он просмотрел длинные столбцы цифр, тревожно предупреждавшие «Графа Цеппелина» о надвигающемся с норд-норд-оста мощном циклоне, это не могло бы его остановить. Было уже поздно думать о страшных ветрах, сопровождаемых, как правило, сильным снегопадом, о последующем тумане, грозящим обледенением оболочки дирижабля. Ставка была сделана, и нужно было идти.

Вдруг за спиной Зарсена неожиданно появился молодой матрос. Дотронувшись до плеча вахтенного начальника:

— Капитан приказал спросить, почему изменен курс?

В мозгу Зарсена молнией пронесся образ седого человека, глядящего на проверочный компас в капитанской кабине. Фритьоф Хансен слишком опытен, чтобы не заметить сразу ошибки в курсе. Зарсен совершенно забыл про компас, вделанный в подволок капитанской кабины. В голове Зарсена теперь никак не укладывалась мысль, о том, что следует делать, чтобы парализовать неожиданное препятствие. Он даже забыл о матросе.

— Капитан приказал...

— Передайте доктору Хансену, что я сам сейчас доложу ему, в чем дело, — попытался Зарсен оттянуть время.

— Хорошо, я так доложу... Капитан приказал еще разбудить господина Литке.

«Длинный Литке, чортова кочерга, он испортит все дело», — замелькало, в голове Зарсена.

— Вы можете не ходить к старшему офицеру. Идите прямо к капитану.

— Есть.

Мысли Зарсена прыгали, как в былые годы, когда в школе строгий старый учитель ловил его на какой-нибудь

скверной шалости в классе. С Хансеном шутки плохи. Строгий и честный старик. Для него нужно придумать какое-нибудь очень серьезное оправдание изменению курса. Однако нужно сначала парализовать Литке.

Зарсен повернулся к выходу. Прямо перед ним выросла деревянная фигура старшего офицера. «Вот оно, главное препятствие», — подумал Зарсен.

— Зарсен, чем вызвано ненормальное повышение оборотов мотора? Я даже проснулся от непривычного шума.

Как внезапно открывшаяся дверь из западни, сверкнул выход.

— Пройдемте сейчас же со мной, — уверенно бросил Зарсен.

Литке удивленно поднял светлую бровь, шагая за быстро идущим по центральному проходу Зарсеном. По мере того, как Зарсен углублялся в проход к корме дирижабля, бровь Литке поднималась выше и выше. Широкий настил коридора перешел в узкий трап, проложенный между решетчатыми нагромождениями балок. По сторонам возвышались баки с бензином и водяным балластом. Точно поставленные на торец вагоны-цистерны. Освещение делалось все более тусклым от редко подвешенных лампочек. Минувя их, Зарсен поворачивал выключатели, и за спинами идущих вставала немая стена темноты. Бровям уже некуда было подниматься, но Литке считал ниже своего достоинства выказать заползавшее в него холодным червяком беспокойство.

Наконец Зарсен нагнулся и приподнял алюминиевую крышку люка в трапе. Перескочив через светлый круг отверстия, он повернулся к Литке.

— Вот смотрите, Литке.

Старший офицер согнул в поясице деревянный манекен своей фигуры. Внизу он ничего не увидел, кроме бегущей белизны ледяных полей, зайчиками перебегавшей по переплетам решетчатой трубы колодца.

Литке стал было уже поднимать голову, но затылок его встретился со стремительно опускающимся, тяжелым и твердым как кувалда кулаком Зарсена. Сразу обмякнув,

превратившись из деревянного манекена в трухлявую свернувшуюся тряпичную куклу, Литке нырнул в колодец.

Зарсен стремительно захлопнул крышку люка и быстро пошел по коридору навстречу гулкой темноте к носовой части корабля. По пути поворачивал выключатели, оставляя за собою тускло освещенное нагромождение ажурных ферм каркаса.

Добежав до главной гондолы, прошел прямо в кабину капитана. Доктор Фритьоф Хансен сидел, склонив седую голову над ворохом карт. Он заговорил с вошедшим по-норвежски.

— Почему вы так резко изменили курс к норду, Зарсен?

— Я получил радио о большой области барического минимума на нашем пути и решил ее обойти для того, чтобы не подвергаться всем неприятностям этой встречи.

Хансен с удивлением посмотрел на собеседника.

— Позвольте, Зарсен, или мне передали неверную копию метеорологической сводки и неправильно составленную синоптическую карту, или я говорю не с Гисер-Зарсеном.

— То есть, доктор?

— Ведь обходить-то этот циклон здравый разум велит с юга, а не севера. Не говоря уже о том, что вашим курсом мы идем в самый центр воронки. В чем дело, дорогой Зарсен?

Хансен встал и порывисто подошел к молчаливо стоящему Зарсену. Массивный, широкоплечий, всегда такой твердый и уверенный в каждом своем шаге, этот большой человек стоял теперь с видом провинившегося мальчишки. Пальцы нервно терзали совершенно измятую фуражку.

Хансен мягко положил руку на плечо великана. Отечески, почти нежно провел по рукаву.

— Перестаньте. Мы ли не старые друзья, чтобы понять невольную ошибку и простить ее друг другу? Давайте лучше подумаем, что теперь нужно предпринять для спасения положения.

Зарсен вскинул голову и неестественно засмеялся.

— В том-то и дело, херре, что ошибки никакой нет.

Хансен поднял палец к компасу. Курсовая черточка почти сошлась с острием колеблющейся стрелки.

— Тогда в чем же дело, Зарсен?

— Херре, я прежде всего норвежец.

— А разве миссия норвежцев заключается в том, чтобы губить международные экспедиции?

— Нет, херре, в том, чтобы использовать их так, как это нужно для Норвегии.

— Бросьте загадки, Зарсен, — резко сказал Хансен.

— Больше я ничего сказать не могу, херре... Если...

Но Хансен не дал Зарсену договорить. Глаза сверкнули из-под нависших седых бровей. Голос хлестнул крепким стальным прутком:

— Потрудитесь говорить!

Опрокидывая на ходу вещи, толкнув всем корпусом дверь, Зарсен выскочил из кабины.

Хансен стремительно бросился за ним.

7.

НАХОДКА ЗАРСЕНА

Зарсен опрометью промчался в рубку главной гондолы. Прежде чем вбежал Хансен, главному механику уже было отдано распоряжение:

— Выключить кормовой мотор. Самый малый газ на прочих.

Зарсен бурей ворвался в штурвальную. Отбросил стекло кабины.

— Штокман... видите, вон там по левому борту люди на льду? Мы должны продержаться над ними столько времени, сколько нужно, чтобы поднять их на борт.

Вбежавший в рубку Хансен слышал последние слова Зарсена. Оттолкнув его, старик крикнул:

— Отставить все!

И показал вниз:

— Кто там, Зарсен?

— Доцент Зуль, — спокойно ответил Зарсен, убежденный в том, что все будет так, как ему нужно. — Он нуждается в немедленной помощи.

И, действительно, после минутного колебания, Хансен приказал:

— Слушать распоряжения капитана Зарсена... а с вами, Зарсен, мы поговорим после.

— Зуль вам все объяснит, херре.

Под руководством Зарсена штурвальные манипулировали рулями. Делая широкие круги, дирижабль все суживал спираль над тем местом, где на белой поверхности льда сутились черные букашки людей. Тише и тише звучала песня моторов, пока, наконец, они не замолчали совсем, кроме двух, едва вращавших винты, чтобы удержать на месте дирижабль, поставленный против ветра.

Снизу неслышно открывали рты и радостно махали шапками.

Зарсен спокойно и отрывисто отдавал одно приказание за другим. Когда до изрытого оспой торосов льда оставалось около ста метров, Зарсен вызвал машинистов и бросился по килевому коридору в корму корабля. Нужно было приготовиться к спуску люльки.

Зарсен так торопился, что машинисты едва поспевали за ним.

— Приготовить все для спуска люльки, — крикнул Зарсен и, нагнувшись, сам откинул крышку люка.

— Странно, — пробормотал он, посмотрев вниз.

Вместо сверкающей белизны льда, видны были только отдельные светлые блики, сквозящие вокруг чего-то, что плотно забило люк темной массой.

Вдруг Зарсен с криком отпрянул. Там, внизу, заклинившись согнутым телом между решетчатых стенок колодца, сидел человек.

На крик подбежали механики.

8.

ХАНСЕН НЕ ХОЧЕТ СУДИТЬ

Извлечение из колодца Литке задержало спуск люльки за Зулем и его спутниками.

Зарсену стоило большого труда и всего напряжения воли, на какое он был способен, заставить себя руководить подъемом партии с «острова Пингвина». Мысли его кружились около кабины, в которой врач возился над приведением в чувство старшего офицера. Несмотря на то, что Зуль представлял собою истинную цель полета в эту часть Арктики, по крайней мере для него, Зарсена, теперь, когда цель была достигнута и доцент, отождествлявшийся в последние дни с солидным пакетом акций и последующим благополучием — был на борту, теперь Зарсен не мог даже сосредоточиться на том, чтобы ответить сколько-нибудь внятно на вопросы, которыми его закидали поднятые со льда люди.

Даже с самим Зулем он едва поздоровался, а вполне резонные требования разъяснения со стороны Йельсона, начинавшего, по-видимому, о чем-то догадываться, так и остались без удовлетворения.

Едва успев принять на борт новых пассажиров, Зарсен поспешно сдал вахту проспавшемуся Мюллеру и заперся у себя в кабине. Даже не решился заглянуть в кабину капитана, где происходила бурная беседа между Фритьофом Хансеном и Альфредом Зулем. Подошел было к двери с дощечкой «старший офицер», но алюминий ручки обжег пальцы.

Положение казалось Зарсену настолько безвыходным, что, несмотря на простоту и очевидность выводов, какие можно было сделать из всего случившегося, Зарсен никак

не мог собрать мыслей для самого последнего слова. Слово само приходило на кончик языка, но мозг не давал ему разрешения сорваться. Где-то в глубине долбила мысль о том, что вовсе еще не все кончено и должен быть найден какой-то выход. Но в тот самый момент, когда мысль должна была сформироваться в четкую и ясную фразу, в дверь постучали и вошел стюарт:

— Капитан просит вас к себе.

Тут-то вместо ясной формулировки протеста с языка сорвалось упорно сдерживаемое слово: «Конец».

Зарсен порывисто встал и провел широкой рукой по бритой голове. Ладонь стала влажной.

Через минуту он толкнул дверь капитанской кабины. Хансен сидел за столом, низко склонив голову на руки. Зуль, полулежа на диване, сосредоточенно щипал бородку. Зарсен внимательно посмотрел на короткие крепкие пальцы доцента. Но они были тверды, как всегда. В них нельзя было угадать волнения. А Зарсену казалось, что в волнении Зуля должен быть единственный залог его собственного спасения. Зарсену нужен союзник. Он не может отвечать один. Но пальцы Зуля своим спокойствием кричали о непричастности. Эти пальцы символизировали алиби доцента. И невольно все внимание летчика сосредоточилось на том, чтобы доказать, что он не один, что за ним стоит Норвегия и что, по существу, его защита вовсе не есть его собственное дело, а прежде всего — дело Зуля.

Зарсен молча стоял у двери. Хансен, не оборачиваясь, тихо спросил:

— Это вы, Зарсен?

Вопрос звучал так мягко, нерешительно, почти робко, что в первый момент Зарсен даже не узнал голоса своего капитана. И по необычности этого вопроса, и по тому, что всегда такой открытый, прямой старик даже не обернулся к нему, Зарсен понял, что то, что узнал Хансен, слишком тяжело для него. Старик пришел к какому-то решению, которое даже он, привыкший ко всему за десятки лет полярных скитаний, не может сказать, глядя в глаза. И именно то, что это происходило с ним, Зарсеном, которому

старик всегда беспредельно доверял, связывало. В голове был такой сумбур, что он даже забыл ответить на вопрос Хансена:

— Зарсен?

— Я, херре.

— Зарсен... я знаю все. Он был достаточно откровенен.

— Тем лучше для меня, херре.

— Зачем этот цинизм, Зарсен? Не нужно так говорить,— мягко сказал Хансен.

— Нет, херре, чем хуже, тем лучше.

— Зарсен... Вам придется достаточно серьезно отвечать, когда мы вернемся туда, где есть судьи. Тем более, что мне кажется — судьи эти не будут норвежцами.

— Поверьте, херре, я искренно сожалею в этот момент, что время слишком быстро бежит вперед и мы с вами не идем на лыжах, а летим на этом ковчеге. Тогда правосудие совершилось бы гораздо проще и скорее. И притом, херре, там на льду мне не пришлось бы отвечать перед вами одному.

Хансен поднял голову и встал. Подойдя к Зарсену, он взял его за руку:

— Я не собираюсь вас судить... Зарсен, мои глаза выгорели от сияния льдов. Те льды, что бегут теперь под нами, знают меня слишком давно, много раньше, чем вы. И если бы вы знали меня так же, как они, то поняли бы, что я не только не хочу, но и не могу вас судить. Мне горько только одно — то, что Европа впервые за всю долгую историю полярных путешествий сможет бросить камнем презрения в норвежца... Зарсен, мы с вами имеем счастье принадлежать к нации, никогда не искавшей на севере ничего, кроме чистого знания. Мой мальчик... да, для меня вы еще мальчик. Внимательно перелистайте историю полярных стран. Просмотрите карту всех экспедиций, проследите пути всех открытий. Что вы там найдете? Тернистый путь, политый настоящей кровью самоотверженных людей. Каждая вторая капля этой крови — норвежская... Вы, вы сами ведь можете гордиться тем, что делили тропу с таким железным и самоотверженным полярным волком, как наш

покойный Роальд. И разве вы могли бы простить тому, кто запачкал бы грязью ваши следы на девственном снегу полярных полей? Кровь, только кровь, свидетель самоотверженности и бескорыстия, могла оставаться на следах ваших ног. Пусть грязь остается на следах тех, кто пятнает эти льды лыжами, направленными к цели узкого практицизма. Нажива и завоевания...

— Но, херре.

— Не перебивайте, я знаю, что вы хотите сказать. Вы станете меня уверять в том, что большинство отправляющихся теперь по проложенной нами лыжнице проникнуты именно этими утилитарными тенденциями, что, может быть, даже вот эта самая экспедиция, которой я руковожу, вовсе уж не так безгрешна в этом смысле. Ведь так, Зарсен? Ну так что же, пусть они ищут здесь, чего хотят. Но мы-то не принадлежим к их поколению. Поймите, что мы должны уйти с этих льдов с такими же чистыми намерениями, с какими вступили на них первый раз. Вы вправе сказать, что история полярных блужданий имеет и темные страницы. Да, мой друг, такие страницы есть. Здесь, в этих пустынях, происходили иногда мрачные события, каких нет ни в какой истории. Но почему? Потому что именно здесь на льду царят законы, о которых вы только что говорили. Этих законов не создавал человек. Это ледяные законы. А тот, кто попадал на ледяную тропу, иногда должен был подчиняться и ее законам, как ни было в нем сильно пламя человеческого. Ведь не принято говорить о том, что люди покушались на жизнь себе подобных, даже если это происходило тогда, когда они перестали быть людьми. Когда вся жизнь сводилась к нескольким каплям горячей крови. Даже тогда, Зарсен, история жестоко судила тех, на кого могло упасть подобное подозрение. А что же сказать о норвежце, повинном в смерти товарищей не ради спасения своей собственной жизни, а только ради низменных интересов, пусть даже эти интересы будут интересами нашей прекрасной родины? И к этому искушению, Зарсен, причастны вы. Я не хочу судить никого из вас, но...

но, как мне ни тяжело такое признание, я не смогу сказать ни одного слова в вашу защиту.

Зарсен хотел сказать так много, что не сказал ничего. Вырвав руку из державшей ее руки Хансена, он стремительно вышел из кабины.

9.

ЗУЛЬ НЕ ПОНИМАЕТ, В ЧЕМ ВИНОВАТ ЗАРСЕН

Зарсен уже несколько раз доставал из чемодана бутылку. Лежа в койке, он бессмысленно смотрел в потолок. Мысли кружились все вокруг одного и того же: в такт песне моторов, вместе с неугладным блеском винтов. В первый раз в жизни Зарсена, повидавшего виды на своем веку, мысли кружились таким ведьминским хороводом.

Мысли были мучительны почти до физической боли; не хватало сил нарушить их бешеное кружение. Для того, чтобы не прервать их движения, Зарсен даже бутылку переложил из чемодана прямо под подушку.

В дверь постучали. Он не слышал и не откликнулся. В кабину вошел Зуль. Молча опустил в кресло. Покрутил бороду. Покосился на пустую бутылку.

— Как вы думаете, Зарсен, ведь в общем нам невероятно повезло? Надо же было умудриться отыскать меня здесь. Йельсон, тот даже издевался надо мной каждый день по поводу свиданья, назначенного вам на таком мало проезжем проспекте, как 83-я параллель.

Зарсен молчал.

— Вы спите, Зарсен? По меньшей мере так невежливо встречать гостей.

Зарсен повернулся на койке, но не встал.

— Садитесь, доцент, и рассказывайте все по порядку... не ожидая моих реверансов. Мне, право, сейчас меньше всего хочется думать о китайских церемониях.

— Вот уже поистине говорится, что друзья познаются в несчастьи. Стоило мне дать маху, и вы даже не считаете нужным быть со мной элементарно вежливы.

— Ну, уж если говорить о том, кто дал маху, то скорее всего следует подразумевать меня.

— К этому нет никаких оснований, мой дорогой. Что вы такое совершили? Спасли от верной смерти несколько человек. Велика ли беда в том, что вам для этого пришлось немного покривить душой...

«Ничего себе: покривить душой, — подумал Зарсен, — спустить человека с высоты пятисот метров — это называется кривить душой».

Он вспомнил сверкающие в темный зев люка льды и склонившуюся над отверстием деревянную фигуру Литке.

Зарсен нервно передернул плечом и криво усмехнулся. Не стесняясь, глотнул прямо из горлышка. Зуль покачал головой и ущипнул бороду.

— Сколько нервов из-за пустяков. По существу ведь ничего не случилось. За все придется отвечать мне, поскольку я уже откровенно рассказал обо всем Хансену... И во всем виноват этот самый старший офицер вашего дирижабля, как его, Литке или Липке? — что-то в этом роде.

Зарсен дернулся в койке и сел. Зуль продолжал спокойно теребить бородку.

— У меня даже не было времени подумать хорошенько о рамках, каких нужно было придерживаться в своем рассказе. Я боялся, что Хансен вот-вот уйдет к этому Липке, как только его приведут в чувство, а мне хотелось все-таки поговорить со стариком раньше всех... Ну, я немного поторопился. Кто же его знал, что Литке так и не придет в себя и Хансену некуда будет торопиться... Ну, ладно, сделанного не воротишь. Скажите лучше, нельзя ли у вас тут выпастись, а еще лучше хорошенько помыться? — повернулся Зуль к Зарсену.

Взгляд Зуля уперся в широко раскрытые немигающие глаза Зарсена. Летчик медленно поднялся и крепкими как клешни пальцами впился в плечо доцента.

— Повторите, что вы сказали...

— Ничего кроме того, что я хочу помыться и...

Слова застряли в горле доцента. Зарсен так тряхнул его, что старик с размаху уселся обратно в кресло.

— К черту балаган, доцент! Повторите, что вы сказали про Литке.

Зуль изумленно смотрел в широко открытые, блестящие глаза Зарсена. С трудом выдавил:

— Я сказал, что боялся упустить время для объяснения с доктором Хансеном... боялся, что в любой момент его могут позвать, как только придет в себя старший офицер, тот, что упал в люк... Я даже не думал, что врач найдет у немца такое сотрясение. Падение отбило у него способность говорить, а может быть, и вообще прийти в себя... — почти виновато проговорил доцент.

Зарсен не слышал того, что говорил Зуль. Он не слухом воспринимал его речь — напряженно фотографировал каждое движение губ доцента. Слова врезались ему в мозг как нарисованные, выштампованные, выжженные.

Прошло несколько секунд, покамест летчик смог проанализировать точный смысл услышанного. Он разжал пальцы, готовые передавить ключицу доцента. «О, тогда мы еще посмотрим», — подумал он.

10.

ВОЗДУШНЫЙ ДРЕЙФ

Хансен нервно барабанил по стеклу. Голубые контуры синоптических карт не внушали ничего кроме беспокойства. Отрывочные радиосводки, одна за другой принимаемые станцией дирижабля, давали возможность нарисовать

не совсем точную, но уже довольно ясную картину быстро надвигающегося циклона. Все быстрее и быстрее уменьшались числа на прихотливых зигзагах изобар, проходящих через район нахождения воздушного корабля.

Мутное молоко густого тумана уже не могло служить показателем устойчивости атмосферы. Ватные волны с переменной, но неизменно возрастающей скоростью терлись об окна главной гондолы, оставляя на них росистые капли. Капли быстро размазывались ветром по стеклу, обращаясь в плаксивые потоки. Температура упала. Ватные комья тумана сменились сначала нерешительными мелкими одиночными снежинками. Белая вуаль окутала дирижабль. Обволокла его мятущимся в беспорядочной пляске белых складок саваном. Снежинки превратились в крупные мокрые хлопья. Хлопья липли к стеклам, не отрываясь от них даже под действием мощного потока встречного воздуха. Снег угрожающе налипал на каждом выступе, каждой неровности корабля.

Хансен сумрачно посмотрел на примятые снежные подушки, прикрывшие окно его кабины. В зигзагах черных изобар Хансену слышалось нарастающие предостережения. Предостережения росли и ширились, как усиливающиеся аккорды сотен струн мощного оркестра. От тихого пианиссимо нежной струнки ласкового ветра до крепкого форте вихря, заставляющего корабль плавно раскачиваться в размеренной килевой качке. Медленны, почти нежны размахи, но в них уже чувствуется непреодолимая сила, что должна будет ураганом завертеть, закрутить корабль как ничтожную щепку, попавшую на волны разыгравшегося штормом океана.

Струны еще не грянули фортиссимо. Еще слышны нежные переливы скрипки и тягучие рулады виолончели. Но тонкое ухо привыкшего к песням Севера старика уже улавливает приближение девятого вала.

Хансен раскрыл толстую тетрадь дневника и записал:

Если бы существовал некто, кто мог бы сделать возможным невозможное, я попросил бы его поставить сейчас хотя бы на од-

ну минуту рядом со мной всех тех, с кем в годы борьбы с Севером мы полагались только на собственное мужество, поставленное на лыжи. Они могли бы так же, как я, упиться восторгом перед этим алюминиевым венцом человеческой мудрости...

— Мистер Хансен!

В дверях появился Йельсон. Отдохнувший, бодрый, почти веселый, он потряс руку старика.

— Я еще не имел возможности высказать вам, мистер Хансен, нашу признательность. Но, кажется, сейчас для этого не очень подходящий момент. Я обещал вахтенному штурману притащить вас в рубку.

Они шли, широко расставляя ноги, стучаясь плечами в переборку килевого прохода. Оставаясь постоянно вертикальными, портьеры, заменяющие двери в спальные кабины научного персонала, открывали уходящие из-под них в стороны входы. То по правому, то по левому борту представлялась обозрению проходящих внутренность кабин. Несмотря на дневной час, на койках видны были беспомощно распластанные фигуры изнемогающих в неравной борьбе с качкой профессоров.

В бывшей кают-компании, превращенной в рабочую комнату всякого рода исследователей, царил необычайный хаос. Застигнутые врасплох ученые побросали свое имущество на столах и на полках. С жалобным позвякиванием перекатывались в шкафах приборы. Амплитуда качания книг делалась все больше и больше, пока они с размаху не летели на палубу, устилая ее шелестящим ковром растерзанных листов. Толстой неповоротливый магнитолог, дольше других сопротивляющийся напору воздушной болезни, сидел теперь в кают-компании, плотно вклинившись в кресло. У него не было сил подняться и уйти к себе в кабину. Всегда розовое и оживленное лицо его глядело мутным, зеленоватым блеском. Толстяк крепко стиснул круглую голову широкими ладонями, точно боясь, что в один из плавных размахов корабля она может оторваться от намертво угнездившегося в кресле тела.

Увидев толстяка, Хансен улыбнулся:

— Никак, профессор, вы не поладили с воздушными богами? Главное, не сопротивляйтесь. Отдайте им то, чего они требуют. Первым же завтраком вы себя вознаградите сторицей.

Тот безнадежно махнул рукой:

— Я боюсь... доктор... что больше никогда не смогу есть. О, великий бог...

В главной рубке от налипшего на стеклах снега было так темно, что над приборами горели электрические лампочки. Вся рубка беспорядочно качалась около неподвижных стрелок креномера и уклономера, то с борта на борт, то забираясь носом на какую-то воздушную, набитую вихрящимся снегом гору, то ухая с горы в глубокие ухабы и пропасти, замеченные беснующимися хороводами снежинок. В приспущенное стекло гондолы врывается пронзительный колкий ветер. На лице вахтенного начальника таяли снежинки, блестящими полосками стекали за меховой воротник комбинезона. Прильнув к просвету окна, Зарсен пытался распознать что-то внизу. Но скоро безнадежно махнул рукой.

— Да тут даже не разберешь, что под тобою: лед, вода или земля, — подтвердил, подходя, Хансен. — А как вообще наши дела, Мюллер?

— Мы строго держимся зюд-остовского курса, доктор, но, по-моему, идем почти точно на ост. Мне еще не удалось это установить. Разница в координатах слишком мала, всего несколько минут. Но я думаю, что через полчаса смогу уже точно доложить, как велик снос.

Хансен, не дослушав, перегнулся через бортик окна:

— Мюллер!

— Есть?

— Туман проносит. Вероятно, ненадолго. Приготовьте дымовые бомбы.

— Есть дымовые бомбы.

Сквозь разреженные шмотья туманных полос, как кодовый дым, стелющийся над белыми полями, зачернели четкие полосы густо чадающих бомб. К коротким окулярам деривометров прилипли Зарсен и Йельсон.

Дирижабль шел в направлении, на сорок пять градусов отклоняющемся к норду от взятого курса. Истинная скорость корабля оказалась необычайно большой по сравнению с его технической скоростью. Тут же, получив из построенного параллелограмма скоростей величину скорости ветра, Зарсен недовольно провозгласил:

— А вы знаете, что задувает уже со скоростью двадцати метров в секунду? Этак мы не далеко уедем.

И действительно, поставленный к ветру, то есть почти под углом сорока пяти градусов к прежнему корпусу, дирижабль показал истинную скорость всего около сорока километров в час.

Усиливающиеся порывы все крепче и увереннее подхватывали воздушный корабль. Сквозь врывающийся в открытые иллюминаторы свист почти не было слышно мощного голоса моторов. Только изредка в перерыв между вскриками беснующегося шторма приходило монотонное пение майбахов. Их ровное, бесперебойное гудение вселяло уверенность и спокойствие.

Йельсон, крепко вцепившийся в поручень, чтобы удержаться от падения при сильных взмахх палубы, восторженно заявил:

— Я никогда не мог проникнуться уважением к дирижаблю, а вот теперь приходится согласиться, что эта штука, пожалуй, надежнее наших самолетов. Небось, в этой болтовне нам давно пришлось бы пасовать даже на такой доброй машине, как мой «Пингвин».

— Sic transit... — с усмешкой сказал Хансен. — А насчет неприятностей, погодите загадывать, я думаю, что это еще не предел того, что нам предстоит. Ветер все усиливается.

Точно в подтверждение слов старика, на смену редким быстро бегущим под дирижаблем валам тумана — снова ниспала плотная завеса снежинок. Снежинки сбивались в тугие закрутки белых мятущихся полотнищ. Неистово плескались вокруг корабля. Налипали на окнах и на оболочке.

Через час альтиметр стал показывать медленное, но неуклонное уменьшение высоты. Отягощенный налипающим на оболочку мокрым снегом, дирижабль шел на снижение.

Пришлось манипулировать рулями глубины, чтобы использовать динамическую способность корабля к набору высоты. Однако этого хватило ненадолго. Скоро был отдан первый балласт. В тот же момент с носовых моторных гондол поступило донесение вахтенных механиков о том, что пропеллеры покрылись налетом инея, непрерывно утолщающимся. Появилась опасность отрыва кусков льда с лопастей пропеллеров.

Снова снег ненадолго прекратился. Воспользовались этим, чтобы еще раз засечь скорость. Сноса не было, зато скорость упала до двадцати километров. Значит, ветер усилился до девяноста километров в час.

Хансен молча покачивал головой, глядя, как непрерывно работают штурвалы горизонтальных рулей. Вахтенный начальник вопреки усилиям беснующегося ветра стремился удержать дирижабль от резких бросков. Из этого мало что выходило. Едва удерживаясь на широко расставленных ногах, Хансен то почти упирался лицом в стекла рубки, то едва дотягивался до рамы рукой, чтобы удержаться от падения навзничь.

Зарсен не снимал с головы наушников внутреннего телефона. Скоро по его репликам Хансен понял, что ледышки с пропеллеров сделали свое. Зарсен кричал в глухую трубку:

— Мюллер... Мюллер, возьмите людей и немедленно к оболочке против носового правого мотора... Да, из гондолы там видят прорыв.

А сам обернулся к Хансену:

— Херре, я думаю, бесполезно тратить бензин и рисковать всеми моторами. Мы их запрем. Все равно едва держимся против ветра. Вперед продвигаемся черепахой.

— Что вы предлагаете, Зарсен?

— Дрейфовать.

Хансен нерешительно посмотрел на окружающих. Всегда такие спокойные, мерные мысли пошли быстро. В воспоминаниях о старых дрейфах старик старался найти решение. Но не было ничего, что дало бы возможность построить аналогию между старыми медлительными дрей-

фами крепко сшитого «Фрама» среди хрустящих спокойных льдин и стремительно несущимся дирижаблем, мчущимся в невидимых беснующихся глыбах напирającego со всех сторон ветра.

Хансен на минуту прикрыл глаза.

— Давайте дрейфовать. Так мы, вероятно, скорее всего придем к краю циклона. Весь вопрос в том, где мы окажемся.

— Ну, это уж не так важно в конце концов, — спокойно сказал Зарсен.

Он повернулся к рулевым, чтобы отдать приказание об изменении курса, и подошел к компасу. Мимоходом он бросил взгляд на альтиметр. Стрелка снова быстро падала. Зарсен, как вкопанный, остановился перед прибором.

— Посмотрите, — показал он на падающую стрелку альтиметра, — что бы это могло значить?

Ответ пришел с другой стороны. Запищал телефон. Мюллер сообщал, что поминутно срывающиеся с пропеллеров осколки льда продырявили еще в нескольких местах внешнюю оболочку. В одном из газовых баллонов также оказалась пробоина. Баллонные мастера в масках уже пытались проникнуть к повреждению, сам же Мюллер в сопровождении главного инженера-механика отправился по вертикальному трапу, проложенному в узкой шахте, ведущей от килевого прохода дирижабля. Таким же узким горизонтальным трапом, лежащим на высоте середины шпангоута, они поспешно пробирались к наружному каркасу. Выхватываемые из темноты узкой фосфорической линейкой карманного фонаря, поблескивали металлические ребра решетчатых ферм шпангоута. Под каблуками глухо звенел тонкий дураль трапа. Здесь в темном проходе, сжатом с боков напружившимися, выпирающими из ячеек сетки мешками баллонов, было почти совершенно тихо. Никакие шумы не проникали снаружи. В приглушенной тишине звуки тонули, как в вате.

По мере приближения к поверхности оболочки становится все более отчетливо слышно шуршание ветра. Воздух трется и скрипит по материи, точно песок. Через ми-

нута Мюллер оказался между упругой надувшейся стенкой баллона и внешней обтяжкой. Полоса света, врывающегося в давящий мрак, разбросала во все стороны неровные сгустки теней от переплетов каркаса. Свет резанул глаза Мюллера и механика, привыкшие к слабым беспомощным бликам ручного фонарика. В наружной обтяжке корабля зиял большой разрыв, окруженный целым созвездием более мелких отверстий.

Мюллер подошел и внимательно осмотрел кран. Главный механик — грузный, неповоротливый человек, опасно передвигая ноги по зыбкому трапу, осторожно цеплялся руками за переплеты фермы. Мюллер высунулся из дыры, ловя концы полыхающей на ветру оболочки. Материя крепко хлестнула его по руке и отбросила обратно внутрь каркаса.

— Осторожнее, осторожнее, Мюллер, — предупреждающе прохрипел, задыхаясь холодным снежным ветром, механик.

Мюллер, не доставая рукой до разрыва, полез по тонким переплетам шпангоута. Ему удалось, наконец, ухватить мотающийся конец.

— Помогите же мне, — злобно позвал он стоящего внизу механика.

Тот нерешительно подошел к концу трапа. Опершись на подавшуюся под тяжестью его грузного тела ткань оболочки, потянулся к Мюллеру.

— Да нет же, поднимитесь ко мне! — крикнул Мюллер.

Механик нерешительно поставил ногу на тонкий переплет каркаса. Сделал еще шаг. Несколько увереннее стал подниматься. Вдруг нога его соскользнула с металлической балки и с размаху ткнулась в ткань оболочки, почти у самого края разрыва. Ткань треснула и надорвалась дальше. Механик вцепился обеими руками в край полотнища. Большое тяжелое тело повисло на полоске материи, ногами наружу.

Механик издал дикий вопль.

— Держитесь крепче! — закричал Мюллер, спеша на помощь.

Механик судорожно цеплялся за края дыры. Ткань трещала, медленно поддаваясь под тяжестью тела. Болтая ногами над вихрящейся снежными хлопьями бездной, механик старался достать до дуралевых переплетов каркаса. Мюллер, держась одной рукой за ферму шпангоута, пытался дотянуться к несчастному. Однако тот все дальше и дальше провисал в пространстве.

В главной гондоле Зарсен и Хансен, не подозревая о происходящем, с нетерпением ждали донесения Мюллера о результатах осмотра оболочки. Вместо того телефон принес из левой и правой кормовых гондол почти одновременно уведомление, о том, что из-за выросшего на винтах льда валы стали очень сильно вибрировать. Появилась опасность, что коренные подшипники придут в совершенную негодность, если не остановить моторы.

Это было последним доводом, чтобы заставить Хансена повернуть по ветру и лечь в дрейф.

IV.

**«ЦЕППЕЛИН», «ПИНГВИН»
И «НАУТИЛУС»**

1.

САРДИНКИ

Билькинс вполне оправился только на вторые сутки после катастрофы. Целый день он лежал у себя в койке, не будучи в состоянии проанализировать случившееся. Отчаянная боль в ушибленной голове не давала возможности сосредоточиться. Лишь по мере того, как он приходил в себя, Билькинс стал все более и более сознательно воспринимать сообщения то и дело забежавших к нему членов экипажа. Однако сознание происходящего приносило ему мало радости. Было совершенно ясно, что лодка повреждена. В бортах появились сильные вмятины. В нескольких местах по клепке обнаружилась течь. Правда, небольшая, но все же достаточно показательная для суждения об общем состоянии лодки.

После совершенно необъяснимого стремительного погружения «Наутилуса», во время стоянки около айсберга, лодка так же стремительно всплыла, по счастливой случайности не ударившись о лед. Сам Билькинс этого уже не помнил, так как во время падения лодки, получив удар в голову, лежал без сознания. Счастливой случайностью следует считать и то, что лодка сохранила при всплытии правильное положение. По словам тех немногих, кто не потерял сознания и способности воспринимать и сознавать происходящее, прежде чем начать свое необъяснимое погружение, лодка с неописуемым грохотом беспорядочно металась из стороны в сторону, точно она сползала по каменистому скату горы. Когда лодка всплыла, бросившиеся в панике к главному люку люди не смогли его открыть. Самым необъяснимым было то, что ни одна из задраек изнутри не была затянута. Вероятнее всего, что при всплытии лодка уперлась рубкой о лед. Совершенно невозможно было предположить, чтобы наружные задрайки главного люка, применявшиеся лишь на стоянке лодки в ремонте,

когда на ней не было людей, — могли быть закрыты. Все люди команды были налицо. Нельзя же было допустить, чтобы люк задрался сам собою.

Однако, как только штурман закончил свой доклад отрицанием такого рода возможности, Билькинс рванулся в койке. Мозг пронизала мысль, помимо воли вылившаяся в крик:

— Зуль?

Глаза штурмана широко раскрылись, он испуганно оглянулся, хотя за ним никого не было. Потер лоб ладонью. Не сказав ни слова, выбежал вон.

Через открытую дверь каюты Билькинс слышал поднимающуюся по судну беготню.

Возбужденные голоса команды, шарканье суетливо бегających ног, стук и хлопанье дверей были для Билькинса более ясным ответом, чем тот, что через несколько минут пытался выдавить сквозь беззвучно шевелящиеся губы бледный штурман.

— Я так и знал, Кроппс... Почему люди так подлы? Хотя вам едва ли приходилось задумываться над такими вещами. Но вы не горюйте, это к лучшему. Иначе вы, так же как и я, уже пять минут тому назад пришли бы к выводу, что Зуль должен был, понимаете, Кроппс, должен был совершить эту подлость. Весьма возможно даже, что, когда он приносил в жертву своему спасению всех нас, это казалось ему своего рода подвигом. Вероятно, он думал при этом, что для его страны неизмеримо важны те эфемерные тонны угля, которые он рассчитывает получить из не менее эфемерных копей Земли Недоступности. Во всяком случае, гораздо важнее, чем для нашего почтенного отечества жизнь нескольких отчаянных молодцов... Что вы мотаете головой, Кроппс? У вас в черепе не укладываются такие вещи? Да, это вам не астрономия, дорогой мой... Но, впрочем, давайте-ка оставим это. Скажите мне лучше — почему до сих пор не спустили водолаза, чтобы исследовать повреждение главного люка?

— В пневматическом колоколе появился большой перекос у самого основания, и не представляется воз...

— Ладно, все понятно... Значит, мы закупорены в этой коробке, как сардинки... А как вы думаете, Кроппс, можем мы спокойно начать погружение? Пожалуй, ведь нам ничего другого не остается.

— Да, или погружаться, или взламывать люк, но... тогда мы не сможем уже его задрать в случае погружения.

— Давайте рискнем, старина. Тем более, что по вашей кислой физиономии можно с достаточной уверенностью сказать, что выбора у нас все равно нет.

Кроппс судорожно мял в кулаке фуражку, глядя через голову капитана. Видя нерешительность штурмана, Билькинс привстал, закусив от боли губу. Он тряхнул штурмана за плечо:

— Бросьте раздумье, Кроппс, не впервой... Что мы с вами, по существу, теряем?

Штурман мотнул головой и, напавив фуражку, выбежал из каюты.

Билькинс устало откинулся на койке. Голова кружилась от слабости. Горячий туман полусознания бредила мысль: «А если насосы не действуют... если не удастся потом продуть цистерны... Ведь даже нет возможности проверить... Не лучше ли сперва попробовать исправность механизмов?»

Билькинс потянулся к звонку. Но рука его повисла в воздухе. Железная палуба уже глухо резонировала, отдаваясь звоном воды,рывающейся в цистерны.

2.

ВСЕРЬЕЗ И НАДОЛГО

Михайло перестал хохотать и бросился на выручку Илье, окончательно запутавшемуся в ремнях и цепочках, служивших привязью для собак. Вылка катался по палубе вместе с воющими, лязгающими в звонкую пустоту соба-

ками. Иногда в оскаленный зев пастей попадали мохнатые ляжки и бока соседних собак или полы вылкиной малицы. Укушенные псы отвечали визгом и в свою очередь зло лязгали зубами. Полы вылкиной малицы рябели вывернутыми наружу сквозь продранные прорехи ключьями грязного меха.

Наконец Вылка поднялся на ноги. Ежась, потер расшибленную голову. Но тут же его снова свалило с ног сильным размахом дирижабля. Илья сгреб широко распахнутыми руками воздух и, падая, проехался ладонью по оскаленным клыкам. Из вскрытой, как гвоздем, ладони обильно стекала по пальцам кровь. Высасывая рану, Вылка озлобленно раскидывал ногой обезумевших от качки, совершенно перепутавшихся в привязи, свалившихся в одну неразделимую кучу псов. Бил до тех пор, пока не заболели пальцы ноги. Тогда, отдуваясь, заклинился между двух решетчатых алюминиевых балок.

Самоедину было не по себе. Размеренная глубокая качка воздушного корабля была совсем непохожа на то, что Илье доводилось испытывать на карбасе во время промысловых походов. Дирижабль долгими, глубокими взмахами проваливался в пропасти, увлекая за собой судорожно вцепившегося в холодный алюминий Вылку. При этом содержимое вылкиного желудка явно отставало от пищевода в его стремительном движении вниз. Пища поднималась к самому горлу, грозя вот-вот быть вытолкнутой наружу. Вылке еще никогда не приходилось переживать подобного состояния. Он с ужасом хватался за горло, желая удержать выскакивающие кишки.

Вылка умоляюще поглядел (на Михайлу.

— Михайла... сярку давай... помирать буду... — выдавил он из себя между двумя приступами болезни.

Михайло сунул Илье флягу.

— Смотри не набодайся, председатель, хуже будет.

Держась за балку, постоял над качающимся Вылкой и пошел к кубику.

Маленькие круглые иллюминаторы были сплошь залеплены снегом. Михайло откинул стекло. Хлестнуло крутя-

щейся струей мокрого снега. Залепило глаза. Большие хлопья, налипая на мятущуюся бороду, таяли. Стекали на грудь малицы и неприлипающими шариками катились по засаленной замше.

Михайло покрутил головой в иллюминаторе. Попытался вглядеться в то, что делается под кораблем, но сквозь щели сомкнутых век не увидел ничего, кроме такой же мятущейся свистопляски снежных смерчей.

— Это всерьез и надолго, — буркнул Михайло, захлопывая иллюминатор.

По кубрику пронеслась резкая трель звонка. Плотнo втиснутые в койки бледные люди вскакивали и, хватаясь за стенки и поручни, поспешно топали по металлическому настилу коридора.

3.

БИЛЬКИНС И МАЙКЛ АРЕСТУЮТ ДРУГ ДРУГА

Билькинс все еще был болен. Не только трудно было двигаться, но даже, когда ему приходилось немного напрячь мысли, в голове начинало гудеть. Стучало в висках.

И все-таки оставаться в койке еще и третьи сутки не было никакой возможности. Происходило самое скверное, что может случиться на корабле в море — команда перестала верить командиру и перестала полагаться на судно. Даже старший штурман — испытанный старый подводник — и тот отводит глаза на все доводы и увещания Билькинса, настойчиво твердящего одно и то же — к северу, только к северу.

Кроппс передает Билькинсу все разговоры, происходящие в кубриках и в кают-компании. А разговоры неутешительны — люди не хотят больше севера. Никто не верит тому, что судну удастся благополучно выбраться из похода, если сейчас же не повернуть на юг.

Билькинсу так трудно думать. Каждая мысль вызывает боль в голове и звон в ушах. Однако думать надо. Нет ничего хуже, нежели разлад между людьми и капитаном в таком плавании.

«Неужели я должен вернуть доверие команды ценой отказа от того, над чем мы уже потеряли столько времени и сил?» Мысли доходили до этого места и останавливались. Билькинс все никак не мог заставить себя перескочить через этот барьер — не мог он вплотную подумать над тем, куда итти. В дилемме — север или юг — все было так ясно, так давно и детально решено, что теперь передумать все сначала больной головой было не под силу.

Двое суток он упорно выискивал доводы, могущие убедить Кроппса, и с ним весь экипаж — в необходимости держаться северных румбов. Но доводы были неважными, это отлично сознавал и сам Билькинс.

В последний день Билькинс сделал и еще одно открытие. Несмотря на то, что, по докладу всех вахтенных начальников и всех штурвальных курс держался все время совершенно строго в предписанном капитаном направлении, определения пеленгацией, делаемые несколько раз в сутки, совершенно сбивали с толку. Если верить пеленгам, получаемым с береговых радиостанций, выходило, что «Наутилус» идет, как пьяный, все время отклоняясь на значительные величины от нужного курса. Однако основное направление оставалось все же верным. Сначала Билькинс готов был допустить небрежность штурманов в ведении судна; но не могли же все ошибаться — и притом с неизменной закономерностью в отклонениях. Оставалось допустить, что испортился гониометр. Это было очень маловероятно, но Билькинс допускал такую возможность. Наконец, была еще возможная и самая неприятная причина отклонений — повреждения компасов или, по крайней мере, нарушения в девиационной компенсации, тщательно произведенной перед выходом судна в поход. Такие нарушения могли произойти в результате беспорядочного падения лодки и сильных сотрясений. Но это было отчаянно плохо. Билькинс до последней возможности гнал

от себя подобные мысли. Это было бы еще хуже, нежели порча пеленгатора. Лишившись компасов, «Наутилус» превращался в слепого котенка. Отсутствие уверенности в исправности гониометра лишало надежды найти дорогу домой.

Однажды Билькинс уже готов был прийти к выводу, которому так долго сопротивлялся — повернуть на юг, когда к нему, не постучавшись, осторожно вошел Майкл Труднхайн — молодой белобрысый помощник электрика. Майкл нерешительно остановился в дверях. С испитого, измазанного маслом лица на Билькинса колко уставились большие голубые глаза. В сосредоточенности ввалившихся глаз сквозила такая строгость, что Билькинс проглотил слетевшую было с губ шутку. Его поразило лицо Майкла. Бледная кожа одряблевших щек обтянула острые скулы. Изпод масляных разводов глядела глубокая синева подглазий. Это уже не был молодой, жизнерадостный Майкл, балагуривший по всякому поводу. Прежде Майкл был даже слишком весел. Его молодая развязность возбуждала косые взгляды офицеров, не любивших матросов и машинистов, отвечающих на каждое распоряжение каким-нибудь замечанием и огрызающихся на слишком резкий тон начальников.

Ничего не осталось от этой развязности в Майкле. Хмуро глядя на капитана, он нервно мял фуражку, до того зажав ее козырек, что на костяшках кулака появилась гладкая, натянутая белизна.

С минуту капитан и электрик молча смотрели друг на друга. Под пристальным взглядом голубых глаз Билькинс почувствовал необходимость встать с койки и сделать вид, что он совершенно здоров. Он еще не сознавал хорошо, зачем это нужно. Майкл ни одним звуком, ни одним движением не проявил своих намерений и настроений. Только глаза говорили с полной ясностью о том, что перед Билькиесом стоит если не враг, то, во всяком случае, не друг и не просто собеседник.

Но Билькинс оставался в койке. Вставать не было сил. И его мучило сознание, что он должен лежа встретить го-

товящийся удар. Впрочем, прикрыв глаза, он напряжением воли взял себя в руки. Подняв веки, он уже снисходительно улыбался, как всегда, когда разговаривал с младшей частью своего экипажа.

— Что скажете, Трудхайн?

Майкл вместо ответа повернулся к двери и плотно притворил ее. Это заставило Билькинса, несмотря на резнущую в затылке отчаянную боль, улыбнуться еще непринужденнее.

— Вы должны повернуть, каптэйн... домой.

— Это кто же сказал, Трудхайн? — с усмешкой процедил Билькинс.

— Мы сказали, сэр.

Майкл поднял голову и уверенно посмотрел в прищуренные глаза Билькинса.

Билькинс с трудом удерживал глаза открытыми. Лицо Майкла скрылось за огненными кругами. Билькинс бессильно опустил на подушку.

Майкл терпеливо ждал. Он решил, что капитан обдумывает ответ. А капитан едва сознавал, о чем идет речь.

Сырое полотно подушки освежило горячую голову Билькинса. Мысли немного прояснились. Он вспомнил про электрика. Открыл глаза — мутные, серые.

В командирской каюте воцарилась гулкая железная тишина. За сталью переборки заунывно гудели моторы. Мысли с трудом идут в больной голове Билькинса. Билькинсу снова захотелось встать. На этот раз он уже отчетливо понимал, что перед ним — враг. И притом гораздо более серьезный, чем старший штурман. В голове капитана нет разумных доводов, которыми можно было бы убедить команду в необходимости продолжать движение на север. Нужна хитрость. Но на хитрость Билькинс не был теперь способен. Прежде чем ответить, снова прикрыл глаза.

Майкл переступил с ноги на ногу. Билькинс устало поднял голову.

В звонкой тишине раздался напряженный голос капитана. Слова вылетали короткими, отрывистыми бросками.

Голос был злым, совершенно не тем, какой привык слышать Майкл от добродушного капитана:

— Кто эти «вы», что решили, будто нам необходимо возвращаться?

— Мы?.. Команда! — поднял брови Майкл.

— А кто вам сказал, что команда выносит решения при наличии на судне командира?

— На этот раз, сэр, по-видимому, придется вам немного изменить своей привычке только приказывать... Мы не желаем больше идти на север, потому что считаем это направление совершенно бессмысленным.

— А какое же направление вы считаете осмысленным?

— На Берингов пролив! — быстро выбросил Майкл.

Билькинс сделал вид, что задумался. Поворачиваясь на бок, носом к переборке, он точно нехотя процедил:

— Передайте тем, кто решил, что северное направление является совершенно бессмысленным... Мы пойдём... именно на север.

Майкл сделал шаг к койке.

— Вы это бросьте, сэр... Лодка не пойдет на север, — негромко, но уверенно произнес он. — Мы арестуем вас.

Билькинс быстро повернулся. Лицо было до прозрачности бледно. Налившимися кровью глазами он смотрел на Майкла. Пошарив рукой под подушкой, он выпростал запутавшийся в складках постели револьвер.

Майкл попятился к двери. Машинально напятил фуражку. Но из каюты не вышел.

Свободной рукой Билькинс дотянулся к звонку. На раздавшийся стук в дверь крикнул:

— Позовите ко мне старшего офицера!

Майкл оперся плечом на клепанный скос кницы¹ и заложил руки в карманы.

Через минуту Билькинс прохрипел в сторону прибежавшего Кроппса:

— Этот молодец арестован. Изолировать его.

¹ Кница — пластина, соединяющая находящиеся под углом друг к другу элементы корпуса судна.

БИЛЬКИНС СДАЕТСЯ

Последним, резюмируя все, что говорилось до него, выступил боцман:

— Что же, ребята, конечно, никто не против того, чтобы домой, но только на этом давайте и кончим. Не должно быть у нас такого разговора, чтобы беспорядок. Я ни одним моментом не против того, чтобы при старшем штурмане, коли он за командира, приставить Майкла. Пусть глядит. А только я так думаю, что ежели захочет мистер Кроппс, то Майкл и не углядит. Ты как думаешь, Майкл?

Майкл пожал плечами и ухмыльнулся. Боцман шлепнул его по плечу. Вполголоса продолжал:

— Дело, конечно, в том, что все офицеры на этот раз с нами... Не правда ли, редкий случай, ребята, никаких разногласий.

Среди присутствующих послышался смех.

— А раз так, ребята, значит, все в порядке. Мы можем быть уверены в том, что судно будет идти к югу. Но только вот что я теперь думаю. Дело, пожалуй, не столько в курсе, сколько в воздухе. Аккумуляторов хватит еще до черта, моторы протреплются еще по меньшей мере двое суток. А вот как быть с нашими легкими, я ей-богу не знаю. — Боцман почесал под фуражкой. — Небось вон машинная команда уже сейчас дышит, как рыба на песке... И понятно, конечно, вниз и вовсе воздуху нет.

Боцмана перебил старший механик:

— По-моему, дело даже не в этом. Как-нибудь с недостатком кислорода мы еще протянем сутки, другие. Пострадать, конечно, придется. А вот гораздо хуже то, что в трюмах вода прибывает. Видно, по доньевой части где-то заделки сдали. Во-первых, это может нас заставить все больше и больше погружаться. Если и дойдем до мелкой воды, то и просто не выгребем. А, кроме того, как только вода по-

дойдет к аккумуляторам... сами понимаете, что получится. Передушит как котят.

— Насчет глубины это пустяки — пойдем мористей, — послышался голос сзади.

— Брось насчет мористей. В Восточно-Сибирском тебе такое мористей даст, — перебил густой бас.

— Ладно, будет, ребята, — прорезался резкий голос Трудхайна. — Боцман, разгоняй по местам. Будет, потолковали...

— Постой, ребята. Потолковали, да не обо всем. А как же с капитаном-то быть?

— Чего там как? Арестован и баста.

— Арестован... Вот приедем в Америку, он те покажет, где раки зимуют.

— Ну, а что же с ним делать? Ведь не душить же.

— А...

Боцман поднял руку.

— Ребята, расходись по местам. А то через пять минут вы настоящими большевиками сделаетесь... А ну, расходись.

Люди, вялые, с испитыми, небритыми лицами, неохотно разбрелись по своим углам. Во всех помещениях лодки царила полутьма. С момента последнего погружения соблюдалась строжайшая экономия в расходовании электрической энергии. Горели только лампочки, необходимые для работы вахты, в жилых помещениях было почти темно.

Темнота действовала угнетающе. Вместе с необычайной вялостью из-за длительного пребывания в лишенных свежего воздуха помещениях, темнота порождала сонливость. Все, кто не был занят на вахте, неизменно спали. Перестали мыться. О бритье никто и не думал. С потерей аппетита большинство перестало даже выходить в кают-компанию.

Так прошли еще одни сутки. Четвертые сутки со времени катастрофы. Двое машинистов и один рулевой не вышли на вахту. Их так и не добудились. Тяжелая одурь свинцом налиwała головы. В ушах стучало. При каждом резком

движении шли круги перед глазами. К концу этого дня Кроппс пошел за советом к Билькинсу.

Штурман долго стоял перед дверью капитанской каюты прежде, чем постучаться. При его входе Билькинс поднял голову от стола. Несмотря на ужасные условия, губительно действовавшие на всю команду, Билькинс чувствовал себя лучше и лучше. Последний день он уже почти не отрываясь сидел за дневником.

Страницу за страницей Билькинс покрывал размашистым твердым почерком. В столбцы тесно нагромождающихся строчек он стремился вылить всю накипевшую за дни невольного бездействия досаду, тупую боль, переходящую в злобу. Он скрипел зубами, вспоминая белобрысого электрика. При одной мысли о Кроппсе — ему хотелось стучать кулаками и кричать. Но он не кричал и не стучал кулаками. Со стиснутыми зубами он выводил твердые широкие буквы. И никто, кроме дневника, не узнал о страданиях, причиненных Билькинсу разрушенными планами.

Казалось, столкнусь он с кем бы то ни было из своего экипажа — и не удержаться от того, чтобы избить его; избить со всей силой и искусством первоклассного боксера.

Но Кроппс стоял перед капитаном, и Билькинс молча с бесстрастным видом оглядел его с ног до головы. Снова принялся писать. Потом, передумав, поднял голову.

— Чему я обязан честью?

Кроппс нерешительно оглянулся на дверь. Плотно приотворив ее, подошел к капитану.

— Я вижу, сэр, что вы так же, как и они, — кивнул он в сторону двери, — поверили, будто я действительно с ними.

— Давайте оставим это, мистер Кроппс.

— Сэр, именно в этом все дело. Если вы сомневаетесь во мне, то нам вообще не о чем говорить.

— Хорошо, говорите в предположении, что я вам доверяю, — снисходительно протянул капитан.

— Видите ли, сэр, я боюсь, что сейчас не до шуток. Я пришел сообщить, что, вопреки общему желанию, в том

числе и моему, я этого скрывать не намерен, судно идет все-таки на север...

Билькинс выронил карандаш и вскочил из-за стола. Жесткие серые глаза настойчиво впились в запавшие мутные глаза штурмана.

— Кроппс, говорите... да говорите же, черт вас побери! — затряс Билькис умолкнувшего было штурмана.

— Да, сэр, к сожалению, это так. Лодка идет на север, несмотря на то, что мы неуклонно держим курс на восток.

— Так в чем же дело, Кроппс?

— Не знаю, сэр. Могу сказать только одно — судно идет точно так же, как шло и два дня назад. Но виляет из стороны в сторону, придерживаясь одного основного направления. Оно почти совершенно не слушает рулей.

Билькинс усиленно тер себе лоб. Быстро подошел к стенному шкафу. Выкинул на стол несколько книг. Пачку растрепанных карт. Не обращая внимания на Кроппса, принялся быстро перелистывать книги. Перешел на карты.

— Кроппс... подойдите сюда.

Они склонились над картой течений.

— Вы понимаете, Кроппс, что происходит... Если мы действительно потеряли управление и продолжаем неуклонно двигаться северными румбами, это может означать только одно — мы идем вот с этим течением... Посмотрим, если через некоторое время мы отклонимся на северо-северо-запад, значит, мое предположение верно.

Штурман изумленно посмотрел на капитана.

— Вы хотите сказать, сэр, что мы еще долго будем оставаться под водой... Но это совершенно немыслимо. Люди уже доведены до крайности отсутствием воздуха.

— Дорогой мой, выбирать тут, к сожалению, не из чего. Либо немножко потерпеть, либо всплывать куда попало. В таком случае перспектива только одна — путешествие по льду, без тени надежды на достижение земли. Об этом сразу нужно сказать совершенно откровенно. Что же касается этого течения, то вероятнее всего, что нам предстоит проделать путь, пройденный обломками «Жанетты» Де-Лонга, а, может быть, брусиловской «Святой Анной».

Короче говоря, мы окажемся в конце концов у берегов Гренландии...

— Ну, это еще не так плохо. Все-таки ближе к дому, — задумчиво сказал штурман.

— Было бы неплохо, если бы такой дрейф не тянулся больше трех лет, — насмешливо заметил Билькинс.

Кроппс поднял бледное лицо. Но он не успел подать своей реплики. Билькинс оживленно сказал:

— Знаете что, старина? Отправляйтесь-ка вы сейчас в качестве парламентаря к вашим бунтовщикам и скажите им, что я сдаюсь на милость победителя... Я согласен вести судно, куда мне велит команда.

— Представляю себе, сэр, во что ей впоследствии это обойдется, — хихикнув, заметил Кроппс.

— Потому что вы это представляете себе яснее других, вы и стараетесь на всякий случай перестраховаться, — рассмеялся Билькинс.

— О, сэр!

— Ладно, не буду. Идите, мистер Кроппс, и скорее возвращайтесь. Я думаю, что теперь-то они понимают, как дорога каждая минута, и не станут слишком долго совещаться... Да хорошенько убедите их в том, что теперь я совершенно здоров.

— Есть, сэр.

5.

ПЛОВУЧИЙ БЕДЛАМ

В помещениях «Наутилуса» не было слышно ничего, кроме гула моторов. Изредка сквозь звонкую тишину прорезался острый писк радиоискры. Жалобно вскрикивал несколько раз и потухал. Это Вебстер давал квитанцию в принятой засечке. После этого, путаясь ватными ногами, как пьяница, радист плелся к штурману и, склонившись

над его плечом, жадно ждал момента, когда скрестятся пеленги, проведенные от береговых станций.

Вебстер видел только вздрагивающие пальцы штурмана. По мере того, как все больше и больше к северу отходила точка пересечения тонких карандашных линий, пальцы дрожали сильнее.

Сегодня на своей — третьей по счету — вахте Кроппс получил скрещение линий на $147^{\circ} 25'$ восточной долготы и $84^{\circ} 30' 22''$ северной широты. Это было на два градуса севернее и на три с половиной градуса западнее, чем в первую вахту вчера, и в то же время на двадцать секунд южнее и на двадцать три с половиной минуты восточнее, чем сегодня же в первую вахту. Штурман безнадежно махнул рукой. Вебстер, шатаясь, побрел к себе в рубку. Его шаркающие шаги гулко разносились в железной тишине прохода. Со стороны рундуков доносилось тяжкое сопение. Иногда чей-то хриплый голос затягивал неразборчивую фразу.

Кроппс постарался скорее миновать темное пространство, занятое рундуками. Он шел по нему, оглядываясь по сторонам и шарахаясь от сопящих людей, как ребенок, путешествующий по страшным и таинственным дебрям темной комнаты.

В центральном посту Билькинса не было. Штурман застал его в каюте. Занятый упаковкой приборов, капитан не заметил Кроппса.

— Сэр... очередная засечка.

— И как? — не отрываясь от работы, спросил Билькинс.

— Взгляните сами.

Билькинс мельком глянул на карту и засмеялся.

— А вы что же, мой милый, разве ждете еще чего-нибудь утешительного?

— Как вас понимать, сэр?

— А так, мой дорогой, что, по-моему, если следует теперь о чем-либо позаботиться, так это о том, чтобы потомство получило возможно более подробные сведения о нашей гибели.

Билькинс принялся спокойно за дальнейшую работу. Он заботливо укладывал в футляры секстанты. Оборачи-

вал ящики хронометров мягкими тряпками. Не обращал на Кроппса больше никакого внимания. Тот понуро сел в кресло.

Так продолжалось с четверть часа. Билькинсу надоело.

— Послушайте, мистер Кроппс, вы бы пошли занялись своим делом. А?

— У меня нет никакого желания тратить энергию на выбор пути на тот свет. По-видимому, «Наутилус» с полной гарантией довезет меня туда и без всякого участия в навигации.

— Психологи утверждают, что астеники склонны к философии на том основании, что большинство философов были именно астениками, но на вас, мой дорогой, это правило, по-видимому, не оправдывается... Имейте в виду, что самый интересный путь на тот свет — это тот, который медленнее всего ведет к цели. Здесь выгодно идти окольными путями. Поэтому я и вам рекомендую подумать над изысканием именно такого пути к собственной смерти. Практически это сводится к тому, чтобы предусмотреть все, что нужно, на случай, если бы судьба самым неожиданным образом выкинула нас на лед в непосредственном соседстве с северным полюсом.

— Я вас не совсем понимаю, сэр.

— Сейчас все станет вам ясно. Буду вам очень признателен, если вы не в службу, а в дружбу разыщите мне этого предводителя бунтовщиков и теперь же притащите его ко мне. Я при вас сообщу ему свои соображения, и мы совместно с ним решим, что делать.

— Есть, сэр. Я вам сейчас его притащу.

Хлопнув дверью, Кроппс вышел. Билькинс принялся отбирать из рундука под койкой теплое платье и шерстяное белье. Он не заметил, как тихонько приоткрылась дверь и в щель проскользнул судовой кок — негр Джонсон. Джонсон опасливо осмотрелся. Приставив руки рупором ко рту, прошептал:

— Сэр...

Билькинс вздрогнул от неожиданности.

— В чем дело, Джонсон?

Вокруг белого оскала крупных зубов дрожали толстые синие губы. Лицо Джонсона было совершенно серого цвета.

Негр с трудом выдавливал слова.

— Сэр... О сэр...

Раздавшиеся за дверью голоса заставили его свернуться. Он шарил глазами по каюте, как будто искал места, чтобы спрятаться от преследователей. Билькинс схватил его за руку. Огромная, как кузнечный молот, кисть беспомощно болтнулась. Негр качнулся и упал на корточки.

— Да говорите же, в чем дело, черт вас подери! — закричал изумленный Билькинс.

У Джонсона нижняя челюсть бессильно отвисла. Он шамкал едва слышно, непонятно.

Билькинс нагнулся и, шипя в ухо негру, потряс его за воротник:

— Если вы сейчас же не скажете толком, в чем дело, я выкину вас к чертовой матери!

Джонсон вцепился в рукав капитана.

— Сэр... сэр... подождите... они убили Абрама... и сейчас убьют меня...

— Кто убил, какого Абрама? Что за чушь вы несете?

— Это не чушь... Я клянусь вам — они убили... Абрама, Абрама Тауни, негра... третьего механика...

Билькинс выпустил воротник Джонсона. Повар сел, упираясь широкими ладонями в палубу.

— Расскажите толком, что еще там случилось? Из-за чего они подрались?

— Нет, сэр, никто не дрался... Это рулевой Филиппс... Он говорит, что воздуху мало, нечем дышать. Нужно убрать всех, кто лишний на судне. Он говорит, что нужно убить больных, чтобы они не тратили напрасно воздух на свои легкие. За счет каждого убитого один живой сможет дышать вдвое дольше.

Джонсон, задыхаясь, полз по полу за подбежавшим к двери Билькинсом.

— Сэр... подождите... я расскажу вам... Филиппс сказал, что так же, как больных, нужно убить и негров, чтобы они

не расходовали воздуха... И он убил Абрама... Абрам спал... Я слышал все, сэр... Он хотел убить и меня... но меня не было на месте... Я лежал на чужом рундуке, и Филиппе не нашел меня в темноте... Я убежал сюда к вам... Спасите меня, каптэйн.

Негр поймал руку Билькинса, но тот вырвался и, выскочив в коридор, запер за собою дверь. Он не успел сделать и двух шагов по полутемному проходу, как его чуть не сбили с ног. В потемках он ничего не мог разобрать. Рядом усиленно сопели. Слышались гулкие удары тел по переборкам. Происходила борьба. Билькинс отскочил в сторону. Чтобы не попасть под сыпавшиеся с двух сторон удары, Билькинсу пришлось плотно прижаться к переборке. Перед ним мелькали кулаки и лица. Не сразу узнал он по широкому выдававшемуся подбородку и копне рыжих вьющихся волос рулевого Филиппса.

Борьба делалась все более слабой. По-видимому, один из борющихся ослабевал. Скоро оба клубком покатались по грохочущей палубе, и Билькинс увидел, что Филиппе лежит на противнике, плотно прижав его к палубе. Только здесь Билькинс узнал в лежащем внизу маленького трюмного машиниста, одного из самых слабых людей команды. В первый момент Билькинс хотел выйти из своего угла и разнять дерущихся, но, вспомнив бестолковый рассказ негра, остановился.

Сквернословя, Филиппс шарил по палубе. Свободной рукой он нажимал на шею машиниста, машинист хрипел и слабо отбивался. Наконец, по-видимому, не найдя того, что искал, Филиппс напнул к машинисту. Заговорил шипящим шопотом:

— Послушай, Билль, я ведь могу задушить тебя так, что ты и не пикнешь. Ты должен понимать, что все равно тебе не удастся выскочить из этого дела. Так или иначе ты подохнешь. Лучше не шуми. Чем меньше шуму ты будешь делать, тем лучше для тебя. Тем проще и легче я это дело кончу...

Машинист сделал несколько конвульсивных движений и затих. Филиппе снова пошарил вокруг и еще раз нагнулся к поваленному:

— Билль, лежи спокойно одну минутку, я принесу нож поострее... Ты же понимаешь, Билль, что я хочу причинить тебе как можно меньше страданий, поэтому я постараюсь перехватить тебе глотку, как хороший хирург... Поверь, дружище, что это ровно один миг, — точно порезался во время бритья, — Филиппс захихикал.

Машинист лежал без движения.

— Правда, Билль, ты будешь умником?

Филиппс слез с него и стал шарить растопыренными руками по палубе парохода. Тут он наткнулся на ноги капитана. На один момент застыл в полном недоумении, затем вскочил, как под ударом тока. Уставившись на капитана широко открытыми глазами, видимо, силился осознать происшедшее.

— Каптэйн... вы?

Билькинс ничего не ответил. Филиппс приблизил лицо к Билькинсу и, приложив палец к губам, оглянулся во все стороны. Он показал в сторону лежащего без чувств машиниста.

— Скорее, сэр... время дорого, мне нужно покончить еще с девятью... Ведь я вам говорил уже, что они обречены... Они не должны были отнимать у меня столько времени своим дурацким сопротивлением. Я успел покончить только с одним черным... Дураки, они не понимают того, что, умирая на несколько часов раньше, они спасают жизнь всем нам... Подождите, сэр, здесь, покараульте Билля... Я потерял в драке нож... Сейчас я принесу другой, и мы с ним покончим. Я уступлю вам его кровь... Вы знаете, что я слышал сегодня — унция свежей крови способна заменить для человеческого организма кубический фут чистого воздуха... Подумайте, сэр, сколько крови нам нужно достать, чтобы продержаться до земли... А потом мы с вами отыщем этого проклятого Джонсона... Он улизнул от меня... Только не поднимайте шума, если Билль вздумает ворочаться, нажмите ему на горло. Только, бога ради, не заду-

шите его — нам нужно сначала получить от него живую кровь...

Билькинс все яснее видел, что имеет дело с сумасшедшим. Он решил было последовать за Филиппсом, когда тот пойдет искать нож, и, позвав на помощь людей, связать больного. Однако, сделав два шага, Филиппс наступил на нож. Он быстро поднял его и с торжествующим видом повернулся, вытягивая руку, вооруженную коротким толстым клинком.

В первый момент Билькинс опешил. Филиппс осторожно приблизился к лежащему и опустил перед ним на колени. Хихикнув тем же булькающим смехом и подмигнув в сторону капитана, он широким взмахом отвел руку, нацеливаясь на выпячивающееся из разорванного ворота горло машиниста.

Напрягая все силы, чтобы сделать свои движения быстрыми и точными, Билькинс схватил руку Филиппса. В тот же момент он увидел перед собой широко открытые, почти выкаченные глаза сумасшедшего. Булькающий смех перешел в звериное рычание.

— Как ты смеешь?.. Тля, сволочь... Не мешай мне... Я уничтожу тебя вместе с больными и неграми!

Рыжий сделал попытку освободить руку. Не успел Билькинс сообразить, как тот перехватил свободной рукой нож. Не помня себя от бешенства, Билькинс навалился всем телом на противника. Он уже думал, что овладел им — и вдруг почувствовал в боку мгновенную колющую боль и широко разливающуюся от нее струю ожога.

6.

ПОСЛЕДНИЕ МИНУТЫ «НАУТИЛУСА»

Даже Билькинс, чувствовавший себя лучше всех на судне, испытывал страшную головную боль. Конечности на-

лились свинцом. Он едва находил в себе силы сопротивляться желанию команды немедленно всплыть, не считаясь ни с чем. По настроению экипажа, даже офицеров, капитан чувствовал, что, если бы люди не были до такой степени утомлены и почти поголовно больны, они, вероятно, давно поступили бы по-своему и заставили бы судно выйти на поверхность. Никакие доводы на них уже не действовали. Билькинс видел, что его слова даже не доходят до сознания слушателей.

Но Билькинс все же говорил:

— ...Нет и нет. Я не соглашусь очертя голову переть на лед. Я вам уже доказал, что мы лишились зонда. Из-за этого мы не можем определить момента приближения к поверхности льда. Мы рискуем разбиться при малейшей неосторожности. Поверьте мне, в данном положении у нас очень мало надежды на благополучный исход предприятия, но если лодка будет затоплена, мы и вовсе будем лишены надежды когда-нибудь выбраться отсюда.

В кубрике царил тишина. Сквозь заунывное бормотанье вала, доносившееся из-под металла палубы, с дальнего конца лодки, врывался вой связанного Филиппса. Временами ему вторил забившийся в угол маленький машинист, едва не сделавшийся жертвой рулевого. Сидящие на рундуках участники совещания в ужасе хватались за головы, стараясь защитить уши от криков сумасшедших.

Билькинс медленно обвел глазами слушателей:

— Слушайте, ребята... Я могу предложить только одно. У меня нет никакой надежды на то, что наш алмазный бур в исправности. И самое опасное, если повреждена еще труба. Тогда, выпуская этот бур, мы можем открыть доступ в лодку воде. И едва ли нам в таком случае удастся уже что-нибудь сделать, чтобы от нее избавиться. Но все-таки я считаю бурение единственным средством, если не выбраться на поверхность льда, то, во всяком случае, получить свежий воздух и для дизелей и для наших легких. Поэтому, ребята, я предлагаю — сделать попытку бурить лед... Кто не возражает, пусть поднимет руку.

Билькинс окинул взглядом голосующих. Уже самый вид этих апатично приподнятых рук говорил о полном упадке физических сил и об отсутствии энергии у подавляющего большинства его спутников.

Билькинс тут же мысленно выбирал себе помощников в предпринимаемой попытке. Задача не ограничивалась приведением в действие буровой машины. Нужно было приготовить все для возможного устранения течи, если бы таковая открылась. А на случай, если бы удалось пробить лед, нужно было привести в готовность дизеля, чтобы воспользоваться возможностью зарядить аккумуляторы,

Билькинс сделал попытку нарисовать план действий экипажу. Но никто и слушать не хотел про то, что может встать вопрос о новом погружении. Мысли и желания всех были направлены на одно: всплыть и пробиться сквозь лед для того, чтобы выйти на его поверхность.

— Ну, хорошо, ребята, а если нам все-таки не удастся пробиться? Ведь мы же должны быть готовы к необходимости продолжать плавание. В этом, по существу, не будет даже ничего опасного, коль скоро мы получим запас свежего воздуха на несколько суток. Срок вполне достаточный...

— ...для того, чтобы еще раз обойти вокруг полюса? Нет уж, каптэйн, это вы оставьте себе.

— С нас довольно. Нам нужен воздух — и больше ничего. Никаких подвигов и никаких открытий!

— Ко всем чертям новые земли и славу... Не правда ли, ребята?

— Правильно... К дьяволу все открытия... Гони домой! Выпустите нас наружу и мы уж найдем дорогу!

— Хорошо, — покачав головой, сказал Билькинс, — я постараюсь выпустить вас на лед. Только потом на меня не пенять. А теперь довольно разговоров. За работу.

Билькинс вызвал несколько человек и ушел в центральный пост. Скоро придушенную тишину лодки коротко резанул звонок.

— Приготовиться к всплытию!

Голос Билькинса звучал, как всегда. Каждое слово было твердым и четким. Ясно доходило до сознания экипажа.

Яркие лампы разбросали темноту машинного. Люди схватились за глаза. Но резкий настойчивый звонок заставил всех устремиться к своим местам. Многие брели, едва волоча ноги. Люди, как пьяные, держались за поручни и переборки.

И снова заставил всех встрепенуться приказ с центрального поста:

— Продуть носовую!

Никто не подозревал в этот момент о том, с каким внутренним трепетом прислушивался Билькинс к стону выгоняемой из цистерны воды. Малейшая заминка в продувке означала бы, что последняя надежда на спасение рушится, как карточный домик.

Но все шло как следует. Увлеченные обычной работой и привычной обстановкой напряженного ожидания беспрекословных приказаний, над которыми не нужно и нельзя раздумывать, приказаний, требующих немедленного и самого тщательного исполнения, — люди напрягали все внимание и силы, чтобы не пропустить ни единого звука, доносящегося по переговорным трубам с главного поста.

На эти слова была теперь вся ставка. Ничто не отличалось от повседневной обстановки всплытия, какие сотни раз совершил каждый из членов экипажа, но никто и никогда не сознавал так отчетливо, что от точности движений, от быстроты реакции зависит то, на чем были сосредоточены все помыслы и что свинцовой тяжестью в висках напоминало о себе при каждом движении — возможность глотнуть чистого воздуха.

Стоя на своем месте, Билькинс впился в приборы. Он готов был пальцами подгонять стрелку глубомера. Но вот осталось несколько метров. Билькинс выровнял лодку. Медленно, на одних рулях подходил «Наутилус» к поверхности льда, закрывшего его от солнца и воздуха. Поколебавшись минуту, Билькинс прильнул к телефону и передал во все отделения:

— Мы подходим к самому льду. Приготовьтесь к возможному толчку.

На всем судне воцарилась тишина почти непереносимая. Моторы вращались на самых малых оборотах. Едва слышным звоном отвечал гребной вал.. Никто не знал, как даст о себе знать лед. И вдруг настороженность лодки прорезал пронзительный животный вой. Кричал извивающийся в своем углу связанный Филиппс. Ему ответил из-под трапа главного поста взрыв выстрела, потрясший неподвижный воздух лодки. Люди шарахнулись от своих машин. Но раздавшийся спокойный голос командира вернул их на места:

— Все по местам... Эванс покончил с собой... Мир его праху. Все по местам! Сейчас лед.

Билькинс бросил эти слова наобум. Только для того, чтобы заставить людей вернуться к машинам. Но точно в подтверждение над главным постом раздался оглушительный скрежет железа, эхом разнесшийся по всему корпусу. Лодка задрожала и остановилась. Качнувшись несколько раз в раздумьи, «Наутилус» сделал еще небольшой скачок вперед и вверх и замер.

Теперь Билькинс не успевал подавать команду. Люди работали, как бешеные. Обливаясь потом, при каждом движении хватаясь руками за все, что попало — только бы удержаться на ногах — команда выполняла все указания командира, как на образцовом учении. Не прошло и трех минут, — труба бура была поднята на высоту рубки. Через несколько сантиметров она должна была встретиться со льдом.

Вцепившись ногтями в ладони, Билькинс отдал приказание выдвинуть бур.

— Есть бур! — донеслось в ответ.

— Открыть клапан! Включить мотор! — резко бросал одну за другой команды Билькинс.

Вода хлынула в отверстие трубы. Поднимаемый бур не встречал никаких препятствий. Струя воды делалась все сильнее. Люди бросились врассыпную от трубы. Билькинс чувствовал, как по втиснутым в ладони ногтям стекает теп-

лая кровь. Спокойно и резко, овладевая окружающими легче, чем самим собою, он чеканно бросил:

— Ни одного движения. Все по местам. Я буду стрелять.

Люди застыли. Никому не пришло даже в голову подумать над тем, из чего собирается стрелять командир.

Прикрыв на минуту глаза, Билькинс решительно повернулся к перископу и стал его быстро поднимать. Через минуту он прильнул к окуляру. По легкому потрясению он почувствовал, что труба перископа преодолела какое-то легкое препятствие. И сейчас же в глаза ему брызнул ослепительный свет. Медленно поворачивая перископ, он увидел, что «Наутилус» стоит у края широкой полыньи. В нескольких метрах от рубки начинается изрытая торосами поверхность ледяного поля. Билькинс оторвался от окуляра. Он знал, что если он сейчас же не возьмет себя в руки, то не выдержит и должен будет закричать от дикой радости. Но никто из экипажа об этом так и не узнал. Вместо того командир вынул из кармана револьвер и, спокойно глядя на стоящих перед ним людей, скомандовал:

— Старший механик. Прикажите приготовить горелку сварочного аппарата.

И, видя движение команды:

— Кто не нужен механику, должен занять свои места у машин.

Белые брызги расплавленного металла лились из-под главного люка. Стекая по ступенькам трапа, капли металла краснели. Потом делались совсем тусклыми и застывали на холодном железе палубы. Билькинс, казалось, с интересом наблюдал за этим огненным дождем.

Работавший сварочным аппаратом машинист, упершись спиной в люк, отбросил наверх его крышку.

Поток парного воздуха, как в баню, устремился внутрь лодки. Никто и ничем не мог теперь удержать на месте людей, с криком и нечеловеческим диким смехом устремившихся к струе.

Билькинс мутными глазами обвел мечущихся людей. Револьвер выпал у него из бессильно повисшей руки. И

капитан, подогнув обмякшие, как ватные мешки, ноги, грузно рухнул на жалобно зазвеневшую под ударом его грузного тела палубу.

7.

РЕШЕНИЕ КОРОЛЯ, ЗАВИСЯЩЕЕ ОТ ПОВАРА

Хармон остался один на веранде. Он придвинул кресло к баллюстраде и устало откинулся на спинку. Прямо перед ним расстилалась темная гладь Луганского озера. Едва заметно дрожали на зеркале воды длинные мечи огненных бликов. Разрезая их, не спеша, попыхивая искристой трубой, к набережной подошел небольшой белый пароходик. Густая толпа людей в тирольских шляпах, с рюкзаками за спиной потекла по сходне. Хармон скривил губы и отвернулся. Взгляд его упал на мощный массив Сан-Сальвадора. Редкой ниткой огненных бусин намечалась от подножия к вершине трасса фуникулера. С острой шапки горы светлой полоской глядела веранда ресторана. И там люди. Хармон не видел их, но уже самый блеск веранды был ему противен. Он отвернулся. Долго и внимательно глядел он теперь в сторону едва намеченных на синем бархате неба вершин противоположного берега озера. Изогнутый Брэ почти сливался с рассеченной надвое горбатой спиной Боголио. Там не было огней. Может быть, там не было даже и людей. Хармон старался в темных складках гор угадать тишину и безлюдье, царящие на зеленых лесистых склонах. Ему захотелось под защиту раскидистых лап альпийских сосен. Он еще ни разу не видел их вблизи. Ни разу его нога не попирала каменистую грудь Альп. Ни разу не поднимался он к их снеговым шапкам иначе, как в автомобиле. Хотя бывал в итальянских Альпах каждый год с тех пор, как стал антрацитовым королем. И даже несколько раньше. Когда еще никто не замечал сияния угольной короны

на его седой голове, хотя кое-кто уже и склонялся перед величием его текущего счета.

Хармон закрыл глаза изадумался.

Но в самом начале воспоминаний, когда он даже еще не успел выбраться за порог прокопченной угольной лавки своего первого патрона, старого скупого Леона Абрамсона, когда он только собирался предложить Абрамсону новый способ развески и доставки угля, нить воспоминаний разорвали. Разорвали очень деликатно, почти нежно, но достаточно не вовремя, чтобы Хармон недовольно дернул головой и, сразу забыв развозчика угля Натана, снова превратился в антрацитового короля. Не знающего ничего, кроме собственных желаний, не считающегося ни с чем, кроме своих решений, и не рассчитывающего ни на что, кроме своей чековой книжки.

Сквозь лениво приподнятые веки Хармон недовольно смотрел на стоящего в выжидательной позе секретаря. Наконец он мыкнул сквозь зубы:

— Н-ну?

— Телеграмма, сэр.

Голова Хармона снова дернулась.

— Меня нет в Лугано.

— Но это особенно срочно, сэр. Дело, которое требует вашего личного вмешательства.

Хармон встал с кресла и, пройдя в дальний конец веранды, оперся на баллюстраду.

Секретарь терпеливо пошел за ним. Он шел так тихо, что Хармон мог и вовсе не заметить его присутствия. Подергав головой, король резко повернулся и крикнул вздрогнувшему секретарю:

— Ну же, скорее, в чем дело... Вы заставляете ждать.

— Первая телеграмма передана нам через радиостанции морского министерства и принадлежит капитану Билькинсу. Он сообщает о происшедшем на подводной лодке «Наутилус» бунте команды.

— Чушь! — вспльчиво крикнул Хармон. — Не понимаю.

— Позвольте закончить, сэр. Телеграмма очень неясна. Она состоит из двух отрывочных фраз. Можно понять только то, что я вам уже сообщил.

— Немедленно снестись с морским министерством. Предложить принять меры к немедленному подавлению этого дурацкого бунта.

— Но, сэр... никто не знает местонахождения «Наутилуса». Единственное, что можно сказать, это то, что он за восьмидесятой параллелью и притом в секторе, принадлежащем советской России.

— Какая чушь! Что же, разве даже воды Ледовитого океана в той части, где они соприкасаются с берегами России, заражены бациллой большевизма? Не из-за этого ли и команда «Наутилуса» сошла с ума?

Секретарь сдержанно хихикнул, не будучи уверен в том, как следует реагировать на шутку короля. Но Хармон, замолчавший было, резко закончил:

— Во всяком случае, я уже сказал вам, что нужно сделать. Когда составите телеграмму в морское министерство...

— Простите, я перебью вас, сэр.

Хармон изумленно поднял брови.

— Эта телеграмма, по-видимому, была очень задержана передачей. Одновременно мы получили подробнейшее донесение от капитана Билькинса, но переданное уже не с борта «Наутилуса»...

— Откуда же, не с того ли света? — ухмыльнулся Хармон.

— Нет, сэр. Со льда.

— Почему со льда?

— С «Наутилусом» случилась непоправимая авария. Экипажу пришлось покинуть судно и высадиться на лед. Они находятся сейчас на дрейфующей льдине на координатах... простите, я забыл, какие координаты, — секретарь заглянул в блокнот, — да... на координатах норд 84 градуса 15 минут 30 секунд... сию минуту, тут так темно... да, ост 141 градус и 18 минут. Да, совершенно верно, именно так.

По мере того, как секретарь говорил, лицо Хармона все больше разглаживалось. Он, не перебивая, слушал дальнейший доклад.

Узнав о том, что партия Билькинса снабжена необходимым теплым платьем и продуктами питания на шесть месяцев, Хармон жестом остановил секретаря:

— Послушайте, а у них там есть на чем ехать?

— То есть, сэр?

— Черт знает, до чего вы бестолковы! Ну, я говорю, есть ли там у них лошади или олени?

— Там, сэр, нельзя ездить ни на лошадях, ни на оленях. Там люди ходят только на лыжах. А груз могут тянуть собаки. Но при снаряжении экспедиции Билькинса собак ему не давали. Так что практически...

— Практически помолчите, когда я спрашиваю... Значит, они должны сидеть на месте или идти пешком, таща на себе все продовольствие на полгода?

— Да, сэр. Я это и хотел...

— Хотите вы будете, когда закончите дежурство... А вы не можете мне сказать, сколько нужно человеку на полгода еды, ну, в тоннах, что ли там?

— Не знаю точно, сэр, но думаю, что во всяком случае...

— Раз не знаете, не стоит и думать.

Хармон замолчал, барабанил пальцами по мрамору балюстрады. Секретарь удовлетворенно улыбался. По-видимому, сообщение доставило патрону удовольствие. Реплики короля означали отличное настроение.

Хармон засмеялся и отрывисто кивнул секретарю:

— Можете идти.

— Но, сэр...

Хармон больше не слушал. Заложив руки за спину, он пошел к широкой мраморной лестнице, сбегавшей пологими ступенями в сад. На краю лестницы Хармон вдруг остановился и окликнул уходившего секретаря:

— Послушайте... А эти двое, как их... ну, в общем, наши геологи, они ведь, кажется, не были с Билькинсом?

— Никак нет.

— Значит, практический смысл экспедиции Билькинса нуль?.. Хорошо, идите... Ага, еще: скажите, там, где Билькинс сейчас находится, очень холодно?

— Право, не знаю, сэр, но судя по тому, что они высадились на лед...

— Ну, ладно, идите; вы никогда ничего не знаете, сколько раз я вам говорил — читайте перед сном энциклопедию.

Хармон медленно спустился в сад. Тепло упругого песка, впитавшего в себя за день пылающее золото альпийского солнца, приятно нежило ногу сквозь тонкую подошву туфли. Хармон даже приостановился и зажмурил глаза. Мысли весело бежали под длинным голым черепом: «А интересно, какое ощущение может быть в ногах ото льда?»

Хармон медленно шел по светлеющей между деревьями песчаной дорожке. Снизу поднимался теплый, густой аромат засыпающих роз. Дорожка оборвалась, резко поворачивая вдоль ограды. В нос королю ударил сладкий аромат зреющего лимона. Сквозь просветы деревьев, залитое яркой луной, глядело скользкое, как старинное зеркало, серебро Лаго-ди-Лугано. С далекой набережной едва доносились нежные звуки Штрауса.

Хармон улыбнулся и повернул к дому.

У самой лестницы он столкнулся с разыскивающим его камердинером. Пропустив мимо ушей приглашение к ужину, король непривычно весело сказал:

— Послушайте, Джим, спросите, пожалуйста, повара: сколько я съедаю в полгода... но не в долларах, а в тоннах.

Насвистывая только что слышанный вальс Штрауса, Хармон стал подниматься по лестнице.

8.

РАДИСТ ВЕБСТЕР ГОВОРИТ

Повар Джонсон встал раньше всех. Его широкое черное лицо, как нарисованная святочная маска, глядело из

белой опушки капюшона. Джонсон с трудом приподнял воспаленные веки и сейчас же почувствовал резь в глазах.

— Ага, теперь и у меня, — пробормотал он, стиснув зубы и зажимая глаза ладонями.

Боль от этого не только не утихла, но сделалась еще более острой. От глаз она шла в глубь черепа. Как казалось Джонсону — боль прожигала ему всю голову. Не отрывая рук, он приподнялся и крикнул в сторону, где, по его расчету, лежали другие:

— Эй, Том, капитан велел вчерашний день поднять его пораньше для наблюдений... И скажи ему, пожалуйста, что у меня с глазами то же самое, что было вчера у Билля.

Том, кряхтя и ругаясь, вылез из-под брезента, заменявшего ему спальный мешок, и пошел будить капитана.

Через пять минут Билькинс вместе с Кроппсом уже производили астрономические наблюдения для определения места. Дрейф делался все более беспорядочным; основное направление с северо-северо-западного переменилось на северо-северо-восточное.

Закончив наблюдения, Билькинс прошел в палатку Вебстера. Радист был единственным членом экипажа, получившим настоящую крышу. Не столько в заботе об его персоне, сколько ради того, чтобы уберечь от действия сырости радиоаппаратуру. Вообще эта радиоаппаратура обошлась экспедиции более чем дорого. Увлеченные переноской на лед всего имущества, необходимого для установки надежной радиостанции, члены экспедиции пропустили момент, когда вода, быстро затоплявшая лодку через рукав буровой трубы, залила отсеки, где хранились съестные припасы. Из съестного удалось спасти немного консервов и печеного хлеба. В общем, не больше, чем на шесть дней урезанного пайка.

Зато Вебстер теперь почти не отходил от своей станции. Если он не вел передачу, извещающую мир о бедственном положении экипажа «Наутилуса», то, не снимая наушников, ловил малейший писк, который мог бы сулить надежду на спасение.

Билькинс застал его за попыткой поймать неясные сигналы какой-то слабой станции. Однако сигналы не давались. Их забивали более мощные звуки метеорологической сводки, не представляющей интереса. Вебстер безнадежно махнул рукой и сбросил наушники. Он поднял к Билькинсу бледное, осунувшееся от бессонницы лицо:

— Я не хотел вас будить, сэр, по-моему, депеша не стоит того. Вот она.

Вебстер передал капитану листок.

Капитану Билькинсу.

Меры для подачи вам помощи будут детально разработаны в ближайшее время. Запас продовольствия на шесть месяцев вселяет уверенность в вашей полной безопасности. Сообщите фамилии зачинщиков бунта. По поручению компании «Натан Хармон» подписал Джек Уидсли.

Билькинс перечел телеграмму дважды. Тщательно свернул клочок и спрятал его в карман.

— Этот замечательный документ нужно сохранить... Послушайте-ка, Вебстер, как это вышло, что у нас продовольствия на полгода?

— Вероятно, переврали, как водится, текст на материке, — уныло ответил радист.

Билькинс неожиданно расхохотался.

— Этих идиотов интересуют фамилии бунтовщиков. Можно подумать, что они вместо спасательной экспедиции собираются послать сюда полицейский отряд... Впрочем, это, пожалуй, и не так смешно. С них станется — они скорее заинтересуются именно этим, чем подачей нам быстрой и надежной помощи... Давайте, Вебстер, составим им толковый ответ... Налаживайте-ка ваше хозяйство.

Билькинс уселся прямо на снег и, примостив на коленях записную книжку, принялся за составление радиogramмы. Тем временем Вебстер налаживал передатчик.

Получив от капитана бланк с депешей, Вебстер принялся старательно выстукивать ее ключом.

Скоро около радиостанции собралась вся команда. Это было единственным местом на льдине, где люди чувствовали еще какую-то связь с далекой землей. Высокие, иногда такие тихие, что за шумом ветра их едва улавливало ухо, певучие звуки радиопередачи были единственными звуками, напоминавшими об эфемерной возможности спасения. Ни спокойная уверенность и знания Билькинса, ни вкрадчивые движения Кроппса, ловко оперировавшего с секстантами, ни искусство механиков, возившихся над постройкой саней и над усовершенствованием походной кухни — ничто не внушало к себе теперь такого уважения, как радиостанция. И если бы аппараты, аккумуляторы или мачта нуждались в питании — все эти люди, жадно пожиравшие свой скудный паек и старательно подбиравшие в горсть сыплющиеся с губ крошки, все они безропотно отдали бы половину пищи. Но станция не просила есть, и они старались проявить свое внимание к ней через Вебстера.

Вебстер спал в построенной из всего, что было для этого пригодно, палатке, в то время как все остальные валялись прямо на брошенной на лед подстилке, корчась по ночам под пронизывающими ударами холодного ветра. Вебстер не принимал никакого участия в хозяйственных работах, в то время как вся команда с утра до вечера возилась над использованием немногого, что удалось спасти с «Наутилуса»; Вебстер не ходил на охоту, тогда как все по очереди, вооружаясь тремя имевшимися в распоряжении группы винтовками, отправлялись на безнадежные поиски живности. Охотники долгие часы просиживали в напрасном ожидании над полыньями, сторожа появление какого-нибудь заблудившегося морского зайца. До рези в глазах вглядывались в отгородившие их от всего мира гряды торосистых утесов в надежде увидеть медведей.

Вебстер жил барином. Впрочем, так только думали. Никому не приходило в голову поинтересоваться причиной изможденного вида радиста. Вероятно, потому, что он немногим отличался по виду от своих товарищей — разве что кожа его была еще более натянута на выступивших скулах,

глубже, чем у других, запали в синие круги воспаленные глаза. Да может быть, еще тем, что, несмотря на тридцать лет, в такой же, как у всех, неопрятной жесткой щетине, покрывшей подбородок и щеки Вебстера, можно было заметить серебряный отлив седины.

О причинах всего этого мог бы рассказать только сам Вебстер. Но, во-первых, он не знал, что внешний вид его еще хуже, чем у товарищей, потому что ему не приходило в голову посмотреться в зеркало, да едва ли таковое и имелось у кого-нибудь на льдине. А, во-вторых, он вовсе не был расположен рассказывать кому бы то ни было о том, над чем думал он и чем мучился в долгие ночи томительного бдения над приемником.

Томясь сомнениями в исправности работы своей станции, он по три и четыре раза выстукивал одну и ту же фразу. До звона в ушах вслушивался в едва слышные пiski ответных зовов. Если не было квитанции, Вебстер не мог найти покоя всю длинную ночь. Упругая пружина наушников огненными клещами сжимала голову. Но стоило ему в изнеможении сбросить с головы тиски, как сейчас же начинало казаться, что от лежащих на полу черных кружков доносятся отчетливые тонкие пiski и тире.

Вслушиваясь, Вебстер даже составлял целые фразы. С лихорадочной поспешностью земля сообщала о направляющихся со всех сторон спасательных экспедициях, о кораблях, дирижаблях и аэропланах, стремящихся к восьмидесяти пятому градусу северной широты... Вебстер лихорадочно хватал наушники. Прижимая их плотнее к ушам, с закрытыми глазами ловил разноразличной беспорядочных звуков. Сталкиваясь в эфире, зовы различных станций образовывали неразборчивую кашу. Едва уловимая разница в тонах протяжных и коротких жужжаний позволяла иногда разобрать отдельные фразы. Но никогда ничего такого, что бы могло вселить какую-нибудь надежду.

Вебстер срывал наушники и, схватившись за голову, уныло глядел воспаленными, красными глазами туда, где белая мутная даль волнистой поверхностью ледяных полей сходилась с белесой неприветливой прозрачностью нетем-

неющего неба. И тогда сквозь тяжелый гул приливающей к вискам крови снова и снова всплывала все одна и та же вереница точек и тире. Мозг автоматически, по привычке сейчас же перелагал их в слова, огненной строчкой врезавшиеся в неподатливую память, не желающую забыть то, с чем безнадежно покончено раз и навсегда. Кричали точки и тире и горели переливами яркого транспаранта огненные буквы: «Осло, Норвежский банк. Немедленно переведите на текущий счет Чарльза Виктора Вебстера...»

Широко открытые воспаленные глаза с ужасом следили, как взлетают с поверхности ледяного поля каскады искрящихся пылинок. Пылинки складываются в огромные, горячие самоцветными камнями, буквы. Буквы загораживают горизонт и медленно движутся на палатку радиостанции. А из шороха льдин над треском полей и торосов вылезает тонкий, пронзительный писк бесконечной цепочки огромных, длинных, как полярный день, тире и крутящихся, сверкающих, как бессмысленный солнечный диск, точек. С писком, переходящим в пронзительный, оглушающий визг, огромные точки и тире втягиваются в разрывающийся от ужаса череп.

Вебстер хватался за голову и со стоном валился в подтаявший грязный снег.

9.

РАДИСТ ОЛЕННЫХ СЛУШАЕТ

Оленных с недоумением вслушивается в беспорядочный перезвон пискливых сигналов. Он даже прервал было запись. Но сигнал снова настойчиво повторялся. Оленных взял карандаш и закончил строчку.

— Черт их знает, может быть какой-нибудь шифр.

На бланке стояло:

SOS... SOS... SOS... Слушайте, слушайте, слушайте... Нью-Йорк Нейшелен банк, немедленно переведите Осло, Норвежский банк текущий счет доцента Зуль семь тысяч долларов. Вебстер... Переведите семь тысяч долларов... Пищи было только на шесть суток, осталось теперь на одни сутки...

После нескольких строк беспорядочного сочетания знаков Морзе следовало полное повторение того же самого текста. В конце приписка:

Нам нужна немедленная помощь. Внесите мои семь тысяч долларов в фонд спасательной экспедиции. Вебстер.

Оленных все это казалось бредом сумасшедшего. Однако, поскольку перед депешей стояли вызывающие, тревожные сигналы бедствия, международная солидарность всех путешествующих требовала от него довести до сведения капитана и этот бред.

Пробираясь килевым коридором к каюте Хансена, Оленных столкнулся с Зулем. В депеше упоминалось имя доцента, и Оленных решил показать ему радиogramму:

— Посмотрите-ка, господин доцент, у вас нашелся какой-то благодетель; что-то вроде американского наследства — семь тысяч долларов.

Зуль изумленно посмотрел на радиста.

— Что вы хотите сказать, господин Оленных?

Он взял у радиста бланк и внимательно прочел радио. Ни одним движением, ни звуком он не выдал того, что содержание этой странной депеши если и не вполне ему понятно, то, во всяком случае, в какой-то мере с ним действительно связано. Равнодушно возвращая листок, спокойно заметил:

— Я думаю, что вы просто-напросто захватили в одно радио отрывки из нескольких сообщений. Весьма возможно, что часть содержания действительно относится ко мне; вероятно, какие-нибудь старые долги. А кто такой этот Вебстер?

— Право, не знаю, — покачал головой Оленных, — я думал, что вы это объясните.

— Нет, я не знаю. Вероятно, какой-нибудь незадачливый промышленник, попавший в тиски льдов. Во всяком случае, мы ничего не можем сделать для него.

— Пойду все-таки покажу капитану, — пожал плечами Оленных, потерявший уже всякий интерес к непонятной депеше. Хотя он и мог дать голову на отсечение, что с его стороны здесь нет никакой ошибки и текст передан с одной станции.

Зуль молча поглядел вслед радисту и пошел своей дорогой, задумчиво покручивая кончик бороды.

10.

ЗУЛЬ И ФИЛАНТРОПИЯ

К вечеру того же дня Фритьоф Хансен получил от радиста Оленных еще одну радиограмму, повергшую его в окончательное недоумение. Отпустив радиста, старик долго вертел в руках бланк, несколько раз порываясь снять телефонную трубку. Но рука его останавливалась на полпути.

Наконец Хансен решительно взял трубку и вызвал главную рубку.

— Нельзя ли отыскать и прислать ко мне доцента Зуля... Прошу вас, если можно, теперь же... Да, можно разбудить.

Через несколько минут, покручивая привычным движением бородку, в капитанскую кабину входил Зуль. Он шел не спеша, его движения были нарочито спокойны. Только выпуклые глаза быстрым беспокойным движением могли выдать волнение, но и они прятались за толстыми стеклами очков.

Внимательно следя за каждым движением Зуля, Хансен не мог найти ни одной шероховатости, за которую можно было зацепиться. А зацепиться очень хотелось. Трудно было допустить мысль, что и второе радио, переданное с дрейфующей льдины самим капитаном Билькинсом, содержало в заключительной части еще одну ошибку. А там сообщалось, что радист «Наутилуса» Вебстер сошел с ума. Если это обстоятельство и давало ключ к источнику полученной утром радиограммы, то ни в какой мере не служило объяснением ее странного содержания. Напротив, старика это наводило на самые грустные размышления. Ему хотелось найти кончик клубка, чтобы добраться до скрытого за приспущенными тяжелыми веками доцентových глаз.

— Садитесь, доцент, — мягко сказал старик, — могу вас порадовать: мы имеем радио с точным местоположением ваших спутников — экипажа «Наутилуса». Правда, они находятся, по-видимому, в отчаянном положении и, судя по всему, потерпели много невзгод, прежде чем оказаться на дрейфующей льдине, но все же, я думаю, их положение не безнадежно.

Хансен говорил, глядя в иллюминатор. Он умолк, барабана по столу костяшками худых крепких пальцев.

— Да, конечно, — выдавил из себя Зул, — положение их не так плохо.

Хансен покосился в сторону доцента.

— Почему вы думаете, доцент?

— Они ведь хорошо снабжены. Подводная лодка — это не самолет и даже не дирижабль.

— В том то и дело, дорогой доцент, что они лишились почти всех запасов и даже теплого платья. Я не знаю подробностей катастрофы, но, по-видимому, она имела место в совершенно исключительных обстоятельствах... Капитан Билькинс не может объяснить, каким образом весь экипаж оказался запертым в подводной лодке...

— Н-да, это бывает, — промычал Зул, — вероятно, какое-нибудь повреждение люка... Во всяком случае, все живы и здоровы — это главное...

— Нет: в лодке один сошел с ума, один застрелился и один убит сумасшедшим... Еще один сошел с ума уже на льду... это радист Вебстер.

Как ни мгновенен был взлет тяжелых век, судорожно приоткрывших выпуклые серые глаза доцента, Хансену этого было достаточно. Старик отошел от окна и уселся против доцента.

— Кстати, доцент, вы не знаете этого радиста?

— Постольку, поскольку видел его на лодке.

— Бедняга! Помешаться на каких-то долларах...

На этот раз Зуль внимательно уставился на грустное лицо Хансена. В движении глубоких борозд, перепоясавших лоб и окруживших тяжелыми крыльями времени и невзгод рот исследователя, доцент пытался разгадать содержание этой пустой фразы, столь несвойственной суровому старику. Но на этот раз Зуль оставался ни с чем. Лицо старика было неподдельно спокойно.

— Я хотел с вами посоветоваться, доцент, — медленно проговорил Хансен. — Капитан Билькинс посылает сигналы бедствия и просит о помощи всех, до кого дойдет радио. Он, по-видимому, еще не знает о нашем присутствии в этом районе, но мне кажется, что наша обязанность, независимо от всех наших планов, прийти ему на помощь... Как вы думаете, доцент?

Зуль долго молчал, взвешивая все последствия плана, предлагаемого Хансеном. Наконец он сделал протестующий жест рукой.

— Я думаю, херре, это будет ошибкой, — решительно произнес доцент.

Хансен удивленно поднял брови.

— Да, мне кажется именно так, — повторил Зуль. — Принимать меры к спасению Билькинса — дело американцев... И я не сомневаюсь в том, что они эти меры примут. Разве можно сравнить технические средства, которыми располагаем мы, с теми огромными возможностями, какие имеются в распоряжении Соединенных Штатов? Мы должны, доктор, прямо ставить вопрос о том, что едва ли Норвегии собственными силами когда-нибудь удастся впредь

снарядить подобную экспедицию, способную обследовать весь сектор недоступности. Мне кажется, наша основная задача должна заключаться в том, чтобы добраться до сектора недоступности и всесторонне исследовать этот район именно с точки зрения наших интересов... Было бы смешно теперь, когда мы уже вот-вот войдем в это белое пятно, поворачивать оглобли... — Зуль на момент приостановился, — ... сворачивать с пути ради какой-то филантропии, — закончил он и отвернулся от Хансена, делая вид, что рассматривает раскинувшуюся по переборке карту полярной области.

Хансен подошел и положил ему руку на плечо:

— Даю вам слово, что за многие и многие годы скитаний по этим местам мне впервые довелось услышать от неновичка в полярных делах такое... такое... ну, что ли, такое странное и жестокое мнение.

Хансен на минуту задумался.

— Посмотрите сюда, хотя мне странно читать вам такого рода лекцию, но я все же должен напомнить некоторые обстоятельства. Итак, взгляните на карту... Вот координаты Билькина. Вы видите, он дрейфует примерно в области тех же течений, что когда-то несли и меня. Но на этот раз он значительно севернее, и мне кажется, что скорее всего он попал в одну из ветвей течения, несшего когда-то обломки «Жанетты» или, что тоже возможно, в ветвь течения, таскавшего буй Мельвилль-Брейона... Как вы думаете, доцент, что ждет в этом дрейфе людей, имеющих пищи еще на одни сутки и спящих прямо на снегу?

Зуль молчал.

Наконец он уверенно возразил:

— С северо-американских воздушных баз дирижабль может добраться до Билькина в несколько суток.

Хансен покачал головой:

— А вы уверены, что американцы захотят до него добраться?

— Почему же им не захотеть?

— Вот теперь, в приложении к американцам, вы почему-то делаетесь склонны к филантропии...

- Ведь это же их экспедиция.
- Подождите. Кто снаряжал «Наутилус»?
- Хармон.

— Кто такой Хармон? Антрацитовый король. Кажется, все ясно само собой... Что же вы думаете, что Хармон зря послал вдогонку «Наутилусу» ваших коллег-геологов? В его планы едва ли входило то, что вместо них на борту «Наутилуса», по недальновидности капитана Билькинса, окажется вы — геолог норвежско-английский. Уж будем, дорогой доцент, говорить откровенно... Ну-с, и теперь, когда геологи Хармана сидят у нас на борту, когда от «Наутилуса» не осталось даже пузырей, антрацитовый король будет в какой бы то ни было степени обеспокоен судьбой нескольких смельчаков, замерзающих на льдине? Мне почему-то кажется, что он будет рассуждать примерно так же, как изволите рассуждать вы... Мне очень жаль, что в нашей беседе не может принять участие старший офицер этого дирижабля, уважаемый Литке. Вероятно, он такой именно вывод назвал бы чисто диалектическим... Да, мой друг, как это ни парадоксально, но этот бравый майор в части некоторых своих выводов был большим поклонником большевиков.

— Однако, херре...

— Что однако, доцент? Вы, может быть, хотите сказать, что именно эти самые большевики, рассудку вопреки, наперекор стихиям, лезут спасать бедствующих путешественников, никакого отношения не имеющих к их собственным интересам? Да, именно это обстоятельство и обнаруживает способность большевиков мыслить диалектически. Поверьте мне, что они и не подумают беспокоиться о судьбе Билькинса, разве пошумят немного, чтобы лишний раз лягнуть Хармона. Но только до тех пор, пока эта гнусная акула Хармон не откажется от спасения своих собственных пионеров, ставших бесполезными. Вот тут-то и наступит очередь большевиков. И они проявят, вероятно, чудеса храбрости и организованности, чтобы спасти нескольких совершенно чужих им американцев... И я ни одной минуты не поручусь, что, если бы мы с вами попали в беду, хотя бы в

этот полет, выручать нас пришлось бы не кому-нибудь иному, как именно большевикам.

— Разве только потому, что мы блуждаем в их секторе.

— Нет, меньше всего поэтому. А скорее всего потому, что никто другой не пошевелил бы пальцем для нашего спасения. Поговорили бы и бросили. Исключение составляет, конечно, тот случай, если бы мы с вами сделали какие-нибудь необычайные открытия: нашли бы там, скажем, золотые россыпи, ну, тогда охотников спасать нас нашлось бы сколько угодно.

— Я в первый раз постигаю всю глубину вашего пессимизма, доктор... Я бы позволил даже себе назвать это скорее цинизмом.

— Нет, это вовсе не пессимизм и тем менее цинизм. Это только та польза, которую я извлек из моего пребывания в России в гостях у большевиков... Однако, пока мы говорим, Билькинс и его товарищи мерзнут. Давайте все-таки решать. Я стою за то, чтобы немедленно взять курс на их координаты и связаться с ними по радио.

— Это ваше дело, херре.

— Хорошо. Давайте, пригласим для совета еще и Зарсена — ведь он у нас теперь за старшего офицера, Хансен выглянул в коридор и громко крикнул:

— Алло, Зарсен...

— Есть, херре!

— Загляните-ка скорее ко мне.

— Есть, бегу!

Могучая фигура летчика протиснулась через дверь.

— К вашим услугам, доктор.

— Вы, конечно, знаете содержание радиограммы, полученной от Билькинса?

Зарсен кивнул утвердительно.

— В таком случае, — продолжал Хансен, — скажите мне ваше мнение. Наши, — мое и доцента, — разделились. Он не считает нужным идти на помощь Билькинсу. Как думаете вы, Зарсен?

Задавая этот вопрос, Хансен почти с отеческой нежностью уставился в лицо летчика.

Зарсен почувствовал на себе другой тяжелый взгляд. Повернувшись, встретился с пристально устремленными на него выпуклыми серыми глазами Зуля. Но, отвернувшись с усмешкой, пилот опять спокойно посмотрел на капитана.

— Независимо от соображений доцента, я считаю, что мы должны немедленно идти к Билькинсу, — твердо и раздельно проговорил Зарсен.

Старик порывисто встал и крепко пожал ему руку:

— Я так и думал.

Зуль заговорил. Голос его немного дрожал. Он напрягал все усилия, чтобы подавить волнение и казаться таким же спокойным, как всегда.

— Мне не приходится возражать, доктор. Но от имени интересов нашей родины я ставлю условие помощи Билькинсу. Я считаю необходимым ему телеграфировать: «Граф Цеппелин» в том случае повернет к координатам Билькинса, если находящиеся у нас на борту американские геологи дадут слово не предпринимать никаких исследований на всех островах и землях, какие мы могли бы открыть и посетить»... Этого, повторяю, требуют интересы Норвегии.

Зуль резко повернулся на каблуках и вышел из кабины.

11.

СЧАСТЬЕ ХАНСЕНА

С момента появления на дирижабле Билькинса, Зуль почти не показывался в общих помещениях. Однажды в поисках нужной ему книги Зуль вышел в салон и принялся рыться в шкафу. Он совершенно не обратил внимания на человека, сидящего в углу за работой. Но, когда взгляд его упал сзади на сидящего, доцент уловил в очертаниях головы что-то знакомое. Перед ним была спина с могучими плечами и крепко поставленной между ними на короткой

шее головой. Зуль мог поклясться, что он знает эту голову, но из памяти выпала какая-то деталь, с которой должно ассоциироваться представление об имени владельца. Зуль рылся в памяти, но напрасно он старался представить себе лицо сидящего. Оно упорно ускользало. Чего-то, какой-то мелочи не хватало, чтобы его вспомнить. И вдруг Зуль вздрогнул. Сквозь тишину коридора до него донеслось пение передатчика из радиокабины. Доцент взглянул наискосок через темный коридор и в светлом квадрате двери увидел склоненную голову с надетым на нее блестящим обручем наушников. На один момент Зуль прикрыл глаза, стараясь отогнать от себя слишком реальную галлюцинацию. Вот мелочь, нужная ему, чтобы совершенно ясно представить себе всю картину, при которой память навсегда зафиксировала голову, так уверенно посаженную на крепкое плечо между могучих плеч.

«Наутилус». Светлый квадрат двери в радио-рубку. Вебстер, настраивающий станцию для передачи его, Зуля, невинной семейной депеши... «Невинная семейная депеша», — мысленно повторил Зуль свою тогдашнюю фразу.

Человек в углу прервал писание. Зуль поспешно швырнул книгу в шкаф и выскочил из кают-компаний. Пробегая к себе, Зуль не заметил того, что едва не сбил с ног ошарашенного такой поспешностью капитана. Старик прижался к переборке и долгим изумленным взглядом проводил доцента.

Простояв еще минуту в нерешительности, Хансен прошел к кабине Зарсена и откинул портьеру.

— Зарсен, дружище. Я пришел к вам, чтобы поделиться своими сомнениями.

Зарсен вскочил со стула и обеспокоенно уставился влюбленными глазами в грустное лицо старика. Хансен сел и задумчиво покачал головой.

— Подумайте, что у нас теперь получилось, Зарсен.

— Ноев ковчег, херре.

— Да, мой милый, если хотите, именно Ноев ковчег, но какой! В этом замечательном ковчеге собрались такие звери, которые не только не могут совместно делать дело, но

которых просто нельзя подпускать друг к другу. Посмотрите-ка: Зуль в буквальном смысле слова ненавидит американских геологов; в свою очередь он, по моему мнению, имеет все основания опасаться таких же чувств со стороны Билькинса. Я уже не говорю об этом радисте с «Наутилу-са», с которым я не хотел бы сводить Зуля. По-моему, между ними не все в порядке. Затем, возьмите это происшествие с Литке, к которому мы до сих пор не имеем ключа. Но если допустить хотя бы на один момент, что он действительно не мог сам свалиться в люк, как утверждают в один голос все немецкие офицеры, то какие откровения ждут нас еще при его выздоровлении? Наконец, Йельсон, наиболее спокойный из всех пассажиров. Этот тоже как-то косится на Зуля и, не скрою, при упоминании и вашего имени тоже настораживается. Что же получается? Зарсен, дорогой мой, за все мои путешествия я впервые оказываюсь в таком положении: иметь совершенно исключительный состав научных работников и лучших полярных пилотов мира на борту — и не иметь возможности предпринять ни одного шага. Да что же это такое?

— Я думаю, херре, — серьезно произнес Зарсен, — что нет оснований приходить в отчаяние, хотя, конечно, компании не из надежных. Держите всех в ежовых рукавицах, и баста.

Хансен улыбнулся:

— Если бы все было так просто, дорогой мой!

На переборке пискнул зуммер телефона. Зарсен снял трубку:

— Алло... да, я... Ага, понимаю, сейчас бегу.

Он оживленно обернулся к Хансену:

— Идемте-ка, херре, скорее в рубку. Мы как раз сейчас ложимся на новый курс для обследования первого квадрата сектора недоступности.

Оба поспешно прощли в главную рубку.

Этот момент Хансен занес в свой дневник, как начало настоящей работы экспедиции.

Методически, шаг за шагом исследовал воздушный корабль белое пятно полярной карты, разграфленное Хансе-

ном на правильные прямоугольники. Размер этих прямоугольников был таков, чтобы, идя на высоте трехсот метров (большей высоты дирижабль из-за огромной перегрузки взять уже не мог), можно было видеть поверхность, расположенную под кораблем в обе стороны до нанесенных на карте границ прямоугольника.

Зуль, Билькинс и Йельсон были приставлены в качестве помощников к вахтенным начальникам, чтобы не упустить ни малейшей детали в наблюдениях.

Час за часом, ломаясь на торосах, бежит по ледяным полям тень дирижабля. Точно помогая поискам уставившихся биноклями в сверкающую даль людей, солнце ни на минуту не сходит с неба. Ни единого облачка. Прозрачная голубизна. Бледная, подернутая белесоватыми отсветами льда.

Только один раз на вахте Билькинса, перепоясывая темной полосой отсвета прозрачный купол неба, прошла под кораблем широкая полоса чистой воды. Дрожащими от досады руками пеленговал Билькинс эту сверкающую широкой чернотой свободную дорогу, ведущую от самого сердца сектора недоступности в направлении на запад-юг-запад. Продолженная легкой наметкой карандашная линия пеленга пересекла как раз те координаты, на которых остался затопленный «Наутилус». Тонко очиненный карандаш с хрустом обломился под судорожно опершейся на него тяжелой рукой. На белом поле карты осталась черная крапинка и крошечный кусочек графита.

Долго, очень долго смотрел на этот обломок графита Билькинс. Наконец, решительно тряхнув головой, он уверенным движением смахнул черную крошку с карты и стер резинкой ее следы с белого поля.

Ровно гудят моторы. Час за часом их песня рвет скованное морозом молчание. И никто, ни единое живое существо не поднимает внизу голову, чтобы взглянуть наверх на плывущую в небе серебряную сигару. Только белые поля, бесконечные, похожие друг на друга, как торосы, которыми избугрен их белый простор. Немые свидетели великой победы, они равнодушно и бесследно возвра-

щают небу падающий сверху могучий стальной гимн. И бездомный, никому не интересный, никого не поднимающий гимн побеждающей техники беспомощно тает.

Но иначе реагируют на это пение люди на борту дирижабля. Уверенность в своих силах и спокойствие за судьбу, доверенную чудесному слепку дуралю и стали, возбуждают они в одних. В тех, кто ведет корабль. Желание использовать раз в жизни приходящую возможность в других. В ученых. Они методически, не отрываясь от приборов, ведут наблюдения. Регистрируют, записывают, измеряют. Забыв про еду и сон. Пользуясь бессменно бдеющим солнцем.

И вот на вахте Зарсена и старшего его помощника Билькинса один из ученых, поглощенный магнитными наблюдениями, вдруг бросил работу и, смешно поддерживая на бегу толстый живот, затрусил к кабине капитана. Он без предупреждения влетел к Хансену.

— Алло... — он дернул спящего старика за ногу. — Алло, скорее, доктор.

Фритьоф Хансен удивленно протер глаза, спуская ноги с койки. Толстяк воодушевленно объяснял ему:

— ...нет, не качайте головой, уважаемый доктор. Я не могу ошибаться. Я замечаю эти необычайные явления в течение почти целых суток... Из-за них сегодня ни на минуту не прилег. Я не могу ошибаться, нет... Вы только взгляните на совершенно изумительные записи приборов. Все как одна...

Хансен прервал толстяка:

— Не сердитесь, профессор. Я, полностью доверяя вам и вашим изумительным приборам, не понимаю только одного — в чем именно вы не ошибаетесь и что говорят записи приборов?

Профессор на момент опешил:

— Позвольте... Ах, да! — он хлопнул себя по лбу. — Я же не сказал вам самого главного: по-видимому, мы приближаемся к суше значительных размеров.

Хансен вскочил. Он порывисто схватил толстяка за руку. Красные пальцы беспомощно повисли в воздухе. Немец радостно заморгал.

Хансен быстро бросал слова:

— Примерное расстояние до земли?

— Думаю, что не более двухсот миль.

— Направление?

— Вот об этом-то я и хотел с вами поговорить. Чтобы определить направление, необходимо сделать маневры дирижаблем, поставив его по очереди на различные румбы.

Хансен, не отвечая, побежал в рубку. Толстяк с трудом поспевал за стариком.

Зарсен удивленно обернулся на влетевшего в рубку Хансена. Лицо старика поразило его радостью, которой уже давно не было на нем заметно. Радость живила морщинки собранного в мелкую сетку лица.

Отдав все распоряжения, о которых просил немецкий магнитолог, Хансен не отходил от него ни на одну минуту. Успокоившись от первого возбуждения, старик внимательно следил за движениями дрожащих стрелочек, неохотно поворачивающихся на кварцевых волосках. Спокойные мысли потекли в седой голове. Тихой чередой пошли перед глазами былые походы и спутники. Новые земли и воды. Везде и всюду одни и те же льды. Всегда одинаковые — на поверхности ли океана, на плоской ли, никогда не топтанной человеком земле. Сверкающие глыбы великанов-айсбергов, отвесные стены глетчеров, беспорядочные нагромождения торосов и плоские, беспредельные в сияющем просторе паки. Всю жизнь один только лед. Менялись только лица и имена спутников.

Едва заметно дрожат чувствительные магнитники на прозрачных ниточках. Поворачиваются неуловимо для глаза. И так же медленно течет перед Хансеном длинный черед знакомых обветренных лиц, ставших родными, самыми близкими и дорогими. А за этими лицами мачты и ванты, крутые борта судов. Вот первым идет «Викинг». Первое плавание. Первые льды. Первый медведь. Это — 1882 год. А вот он, — великий скептик Норденшельд, — «Старый Нор». Вот, как живая, его широченная спина, про которую рассказывают, что именно ею он загородил шлюпку от грозивших залить ее волн во время плаванья по Енисею...

Старый Нор... Великий Нор... Его первое рукопожатие и удивленный вопрос: «Вы хотите пересечь Гренландию? Так, так...» Это — 1886... Через два года Гамель — первый человек, открывший свой кошелек для молодого сумасброда. А вот и они, первые сподвижники первой настоящей победы — Свердруп, Дитрихсен, Трана... А за ними скуластые широкие лица маленьких несуразных лапландцев Балто и Равна... Это — Гренландия. 1888... Здесь мысли Хансена сразу перескочили к накрепко вмерзшему в ледяное поле круглому «Фраму». Какой пушистый снежный ковер покрыл его палубу!.. А рей, а ванты... Точно их нарисовали для театральной декорации... Да, это 1895... Бессмертный поход с Иогансеном к так и не достигнутому полюсу. А вот и «Коррект» добряка Самюэльсона... Интересно, сколько лет нужно было потратить, хотя бы с тем же Свердрупом или со славным неутомимым Иогансеном, чтобы пройти тот путь, к концу которого, может быть, сегодня, подлетает «Граф Цеппелин»...

— Доктор Хансен! — неожиданно раздалось над самым ухом.

Фритьоф вздрогнул. Провел ладонью по глазам.

— Простите, профессор, я весь внимание.

Но толстяк от волнения нечего не мог сказать.

— Смотрите, смотрите, доктор, — выдавил он, наконец, из себя, показывая на трепещущие в чудесном предчувствии магниты. — Теперь уже наверно... О, наверняка... Ведь это наш немецкий прибор...

Хансен хотел склониться над прибором, но громовой голос из носовой рубки заставил его вскочить как на пружине:

— Херре... херре... Земля по левому, борту!

Это кричал Зарсен.

Хансен торопливо пожал руку магнитологу. Он стремительно расправился во весь рост. Длинный, сухой, с блестящей на ярких отсветах солнца серебряной головой, он медленно твердыми шагами прошел в главную рубку. Каждая морщинка в сетке, обволакивающей обветренную кожу лица, смеялась. Счастье струилось из каждой складоч-

ки. Счастье, доступное немногим — счастье открытия новой земли среди льдов. Тем большее, что ведь это — Земля Недоступности.

IV.

ЗЕМЛЯ НЕДОСТУПНОСТИ

1. ХАНСЕН ДЕЛАЕТ НЕОБЫЧАЙНОЕ ОТКРЫТИЕ

Зуль с настойчивым терпением исследовал каждый фут земли, старательно раскапывая снежной покров и при помощи инструментов проникая в твердую корку вечной мерзлоты. При этом рабочей силой ему служил Гисер-Зарсен. С медвежьим усердием он орудовал инструментом, разворачивая породу не хуже машины.

— Природа сделала ошибку, наделив вас человеческой наружностью, дорогой Зарсен, — острил Зуль. — Минимум того, что вы должны были от нее получить, это — корпус слона. А еще правильнее было бы, если допустить возможность превращения материи при сохранении количества энергии, заложенной в теле, — переделать вас в трактор. Из вас вышел бы неплохой фортдончик.

Зарсен сопел и отдувался. Потел, точно работал под палящим солнцем.

Однако, увлекаясь геологическими разведками, Зуль ни одной минуты не забывал того, что в другом направлении от лагеря с таким же рвением разгребают снег и пробиваются сквозь сахарно-звонящую мерзлоту американцы. Как и ожидал Зуль, они не сдержали своего слова. В первый же день пребывания на Земле Недоступности повели энергичные работы по выяснению геологической природы острова. Работа американцев не давала Зулю покоя. Он разрывался между собственными разведками и желанием знать, что делают соперники.

Результаты работ беспокоили его тем больше, что, поставленный в условия почти совершенной изоляции, он располагал только одним помощником — Зарсеном. Американцы же имели в своем распоряжении весь экипаж «Наутилуса».

Зуль не спал несколько ночей. Ему мерещились американские разрезы с перепоясывающими их жирной черной чертой фантастически-мощными пластами.

Наконец доцент не выдержал.

Выбрав ненастную ночь, когда лагерь спал, забившись в плотно затянутые палатки, Зуль нацепил лыжи и, часто оглядываясь, побежал в том направлении, куда каждый день уходили американские партии. Пройдя всего какой-нибудь километр, Зуль с неудовольствием констатировал, что направление, выбранное американцами, гораздо более удачно для работ уже по одному тому, что в этом месте поверхность островного пласта резко понижается и образует небольшой обрыв. Это сулило возможность естественных обнажений. Следующий километр принес Зулю подтверждение его худших опасений. На понижающемся скате берега он обнаружил старательно снятый снежный покров по всей высоте берегового откоса. Из глубокой снежной траншеи на доцента глядели точно нарисованные пласты породы. К своему ужасу, Зуль увидел, что таких траншей американцы успели сделать уже довольно много на протяжении нескольких километров. Картина геологического образования должна была быть для них в этом месте уже совершенно ясной. Оставалось сделать геологический разрез. Только в одном или двух местах, носящих ясные следы смещений и оползней, Зуль нашел шурфы. По-видимому, американцы не удовлетворились внешней картиной для составления профиля и взяли глубинные пробы. При этом Зулю даже не оставалось места для сомнений — ради чего произвели всю эту разведку американцы. Их интересовал горизонт мощного пласта, от одного внешнего вида которого Зуль потерял способность двигаться. Его лыжи приросли к снегу. Он отбросил палки и на коленях пополз по вырытой в снегу траншее. Сомнений быть не могло. Это были выходы угля. При этом опытным глазом геолога, привыкшего к своеобразию обнажений на островных образованиях Северного полярного моря, Зуль оценил неслучайность этих выходов. Картина была достаточно ясной для того, чтобы начать немедленную геологическую съемку всей местности. Обдирая колени, Зуль ползал по траншее и молотком отбивал кусочки проб, набивая себе карманы.

Солнце коснулось горизонта и снова начало свое восхождение по бледному куполу неба, а Зуль переходил от траншеи к траншее. Скоро в карманах не стало места. Он совал пробы прямо за пазуху. У последних траншей доцент уже с трудом поднимался на ноги под тяжестью оттопыренных карманов. Совершенно измученный, он отыскал, наконец, брошенные палки и, тяжело вытягивая ноги из начавшего отмокать под действием солнечных лучей снега, побрел к лагерю.

Со следующего утра Зарсен обнаружил в своем руководителе заметное охлаждение к разведкам. Зуль больше для вида ковырялся с Зарсеном, настоящую свою работу проводя по ночам. Он старательно исследовал шаг за шагом работу американцев. Наконец ему пришлось и вовсе прекратить дневные выходы. Его сил не хватало на то, чтобы работать и днем и ночью. Еще через некоторое время он принужден был вовлечь в свою ночную работу и Зарсена — нужно было произвести нивеллирование участков, разведанных американцами.

Как раз с этим периодом совпало и открытие, сделанное немецкими учеными с «Графа Цеппелина». Производя бурение, они обнаружили в природных газах пройденных скважин присутствие гелия. Немцам не удалось сохранить это обстоятельство в секрете. Машинист из команды дирижабля, принимавший участие в работах и слышавший разговоры ученых о результатах первых бурений, разболтал об этом команде. Через два дня после исследования газов в экспедиционной лаборатории знал об открытии гелия и Зуль. В первый момент он даже не поверил сообщению — слишком грандиозен был процент содержания этого газа. Но сведения подтвердились. Зуль был совершенно потрясен. В таких условиях медлить с заявками казалось ему невозможным. Не рассчитывая на поддержку Хансена в том случае, если бы он открыл ему истинное положение вещей, Зуль решил вопрос по-своему.

Со стороны немецкой части экспедиции Зуль считал свой тыл обеспеченным. Немцев остров интересовал только как база для воздушных сообщений на трансарктичес-

ком направлении. Им не были интересны недра. Исключение составлял гелий. Именно он открывал совершенно неожиданные перспективы, превосходящие самые смелые планы немцев в отношении обеспечения воздушных кораблей подъемным газом на этой самой северной из воздушных станций. Но Зуля, в свою очередь, именно этот газ, несмотря на всю его ценность, не интересовал. Здесь его интересы с интересами немцев никак не перекрещивались.

Таким образом, свои отношения с немцами доцент считал обеспеченными — они вполне спокойно могли поделить остров. Хуже обстояло дело с американцами. Хотя Зуль и категорически отказывался признать их своими законными конкурентами, он едва ли мог заставить их отказаться от заявок на открытие месторождения.

Все эти соображения и привели Зуля к тому образу действий, которому он посвятил ближайшие две ночи после того, как американские геологи покинули береговую полосу и перешли на несколько километров в глубь острова. При помощи ничего не подозревающего Зарсена Зуль выставил заявочные столбы на всех участках, разведанных американцами. Сделав геологическую карту и разрезы береговой полосы, тщательно разработанные по материалам, полученным в ночных походах, Зуль хотел представить их Хансену в первый же день его возвращения из поездки по острову. Материалы якобы своих разведок он подкрепил заявкой на все участки, обставленные столбами. Он решил настаивать на том, чтобы Хансен, как единственное лицо, могущее претендовать на официальное положение на Земле Недоступности, немедленно телеграфировал на континент о заявках, сделанных Зулем от имени Норвегии. Доцент прекрасно знал о претензиях и спорах, какие должны возникнуть в далекой Европе в связи с его заявками, но рассчитывал на помощь английской части пайщиков своего предприятия.

Тщательно подготовив план действий, Зуль упустил только одно. Именно то, что произошло.

Накануне возвращения Хансена Зуль сладко потягивался в спальном мешке, вспоминая полезно проведенную

нсьч. С большим удовлетворением он установил, что американцы и в дальнейшей работе по исследованию в глубину острова продвигаются так же успешно, как на береговой полосе. Это сулило значительные результаты. А следовательно, и значительное облегчение трудов доцента по изучению недр Земли Недоступности. Зуль жмурился на сверкающий за полотнищем палатки снег. Он давно привык к этому сверканию и любил его. С ровными ледяными пейзажами паков, с неприветливыми буграми торосов, с хрупким салом полыний и разводьев были у него связаны почти все воспоминания и надежды. Главное, Зуль верил этим пейзажам как никому. Он был совершенно уверен в том, что они, как никто, умеют сохранить для него свои тайны от нескромных взоров непосвященных. Зуль верил, что лед, холодный, бесстрастный, неподкупный лед — никому не предаст его интересов.

Доцент мечтательно пускал кольцо за кольцом, раскуривая первую утреннюю папиросу, когда полотнище палатки распахнулось и в просвете появилась коренастая фигура Билькинса. С непривычки к полумраку Билькинс подслеповато сощурился. Наконец взгляд его остановился на Зуле.

— Не стану хвастаться, что мне было легко отказаться от удовольствия уже давно разделаться с вами. Ха-ха, пришлось-таки на старости лет поработать над собой, чтобы дотянуть ваше существование до прибытия в более или менее культурные края и проделать в более пышной обстановке то, что я бы хотел сотворить здесь... Очень жаль, конечно. При этом есть доля риска, что за разговорами ускользнет суть дела и я не буду иметь удовольствия видеть экзекуцию, ради которой стремлюсь сохранить вашу жизнь.

Билькинс на минуту умолк.

Воспользовавшись молчанием, доцент овладел разговором:

— Я всегда думал, что вы американец, мистер Билькинс... Жаль... очень жаль, что я ошибся. Мне почему-то казалось, что здравый смысл должен у вас преобладать над всякими соображениями так называемого идеологи-

ческого, гуманитарного и всякого иного свойства. А здравый смысл я трактую в данном случае как справедливое участие в выгодах, которые получает наше общество от вашего вольного и невольного содействия сделанным мною открытиям. Ведь вы еще не знаете о тех столбах, которые я выставил на этом острове. Мною обнаружены здесь совершенно исключительные месторождения...

— Вот об этих-то столбах я и пришел с вами переговорить,— перебил Билькинс. — Я хочу, чтобы вы собственными руками переметили на них имя Зуль на имя Билькинс и вместо слова Norge поставили три буквы USA. И вы это сделаете! — крикнул Билькинс, наступая на спокойно лежащего доцента.

Норвежец не пошевелился. Когда взбешенный Билькинс остановился, почти наступая на край его постели, Зуль стрельнул в прореху палатки окурком и сел в мешке:

— Именно этой-то глупости, мистер Билькинс, я и не сделаю. Ради ваших собственных интересов! Да, да, не смейтесь, пожалуйста. Вы напрасно думаете, что практицизм погасил во мне всякие человеческие чувства — я практик именно потому, что еще не стал американским дельцом, способным совершать всякие глупости только по соображениям делового, а иногда и чисто формального порядка. Я прежде всего человек... а потом уже делец. И именно поэтому на столбах останутся мое имя и название моей страны, как владелицы участков. Пусть тут есть маленькая передержка в части предварительной разведки. Я готов признать, что часть работы принадлежит здесь вашим геологам. Но... ведь они же отказались совершенно официально от каких бы то ни было притязаний на недра этих земель еще тогда, когда вы изволили сидеть на льдинке и ждать нашего прибытия... Да, да, именно так... Вам это не известно? Ну, так спросите их об этом. Таким образом, видите, мои столбы более чем законны. Это первое соображение чисто формального порядка. Теперь о личных интересах. На ваших геологов мне, по правде сказать, совершенно наплевать. Что же касается вас, то здесь я не только готов учесть свои обязательства, но трактую их даже значи-

тельно шире, чем вы сами. Именно — так! Трактую их очень широко. Я вам гарантирую — в той же точно сумме, в какой получаю акции я, получаете их и вы... Видите. А стоит мне переметить столбы, как владельцем всех этих участков явится не кто иной, как небезызвестный вам мистер Хармон. Кому это нужно? Америке? — Не думаю. Ей не до копания в этих мерзлых камнях. Вам? — Еще меньше. Вы в таком случае не увидите ничего, кроме хорошо известной детишкам комбинации из трех пальцев. Так ради кого или чего я должен перемечивать столбы?

Билькинс молча кивал головой в такт речи Зуля. Тут он не выдержал:

— Должен признаться, ваша откровенность превосходит даже то нелестное мнение, какое я о вас составил по нашему прежнему знакомству.

Зуль пожал плечами и закурил новую папиросу:

— Только ваши интересы, мистер Билькинс.

— У американцев тоже не все продается, мистер Зуль. Вы, вскормленный вашим «суровым отцом-Нордом», не восприняли от него основного — элементарной порядочности, той порядочности, которую приобретают, попав на эти поля, даже самые отпетые типы... Боюсь, что нам с вами не о чем говорить. Придется мне самому с моими людьми переметить столбы.. Черт с вами, это мы сделаем за вас... а разговаривать с вами мы будем в другой раз и в другой обстановке.

Билькинс вышел из палатки. Зуль стремительно выскочил из мешка.

— Алло... Эй, мистер Билькинс!

Американец не оборачивался.

— Мистер Билькинс, подождите одну минуту!

Зуль бежал за легчиком, быстро перебирая разутыми ногами по снегу. Потом он остановился. Подумал и вернулся в палатку.

Наскоро обувшись и натянув теплое платье, Зуль побежал к Зарсену. Но по дороге он встретил группу американских подводников с Билькинсом и Вильсоном во главе. С топорами и досками они быстро шли к местам старых

американских разведок. Зуль рванулся было к ним, но остановился и погрозил кулаком.

— Воевать, мистер Билькинс? — крикнул Зуль. — Тем хуже для вас! Имейте в виду, что в этих местах война жестока!

Доцент круто повернулся и пошел к палаткам, покручивая кончик бороды.

Война началась с этого утра.

Ночью, выйдя к своим заявочным столбам, Зуль нашел на них новые американские надписи. Поколебавшись, он протянул руку к доске. Где-то под ухом воздух лопнул в резком хлопке выстрела. Над головой коротко зыкнула пуля. Зуль увидел, как она ударилась тут же в откос берега, взметнув осколки заледеневшего снега.

Доцент стремительно отдернул руку и присел. На лице его была написана растерянность.

— Война, оказывается, серьезнее, чем я думал, — пробормотал он наконец.

Не разгибаясь, Зуль подполз к первой же траншее и свалился в нее. Отряхнулся и осторожно выглянул. Никого не было видно. Подождал. Никого. Осмелел и полез вон. Выстрел грянул с другой стороны. Взрывая снег длинной бороздкой, пуля прочертила свой путь перед траншеей. Зуль снова стремительно сел на дно рва.

Он пополз на карачках. Старался влипнуть в землю. Обдирая руки и колени об острую породу, выполз на бугор. Не разгибаясь, побежал к лагерю. Слышал, как сзади кто-то раскатисто смеялся и звал его по имени. Но он не обернулся.

А наутро вернулся Хансен. И все пошло вверх дном. Немцы оставили свою съемку и работы над гелием. Американцы забросили разведки и уголь. И даже Зуль, похудевший и осунувшийся за одну ночь, забыл про свои столбы.

Хансен привез необычайную новость.

ЛАКОМЫЙ ШПАТ

— Я дальше идти по этому следу не мог, и без того уж мы рисковали собаками. Пришлось повернуть к лагерю... — Хансен обвел присутствующих взглядом. За него договорил порывисто молодой третий штурман «Графа Цеппелина» Шнейдер:

— А раз есть след, должен быть и тот, кто его оставил.

— К сожалению, на этот раз, молодой человек, вы правы на все сто процентов, — хмуро подал реплику Зуль.

Хансен улыбнулся:

— Я с вами не согласен, доцент — я не сожалею об этом следе. — Хансен сделал широкий жест. — Я думаю, что в этих местах даже медведь, встречая след себе подобного, не испытывает ничего, кроме радости. Искренней медвежьей радости. А чего же вы хотите от человека? Ведь я только человек. И притом человек, не находящийся в положении несчастного Скотта.

Зарсен, Билькинс и Йельсон оживленно совещались. Когда Хансен кончил, Зарсен выступил:

— Доктор, мы предлагаем произвести точную разведку дирижаблем в направлении, где вы обнаружили следы собак и нарт. Этим мы сможем решить и вопрос, оставить ли базу здесь, или перенести ее к месту стоянки тех людей, которых мы, можем быть, обнаружим, или, вернее, которых мы должны обнаружить.

Зуль сделал движение протеста:

— Только не переносить отсюда лагерь, пока мы не обследуем до конца этот район! Он слишком много обещает...

— Ведь не вам, мистер Зуль, — вставил Билькинс.

Зуль вспыхнул, но тотчас взял себя в руки. Сделав вид, что не заметил замечания Билькинса, продолжал, обращаясь к Фрильофу Хансену:

— Этот район слишком ценен в геологическом отношении, чтобы им пренебрегать... По-видимому, это учили и мои иностранные коллеги. Мне очень грустно, но я должен констатировать перед вами, как перед единственным официальным лицом, что они позволили себе переметить заявочные столбы, выставленные мною на участках, составляющих бесспорную собственность...

Билькинс не дал ему договорить:

— Мистер Хансен, я требую немедленной...

Однако Хансен перебил и его:

— Давайте, друзья мои, отложим на несколько дней обсуждение недоразумений, имевших, по-видимому, место здесь в мое отсутствие... Не правда ли, вы согласны?

Хансен добродушно усмехнулся в сторону возбужденно наступающих друг на друга Зуля и Билькинса.

— Не стоит сегодня поднимать вопросов, могущих ослабить нашу волю к предстоящей интересной работе...

— Нет, вопрос должен быть решен немедленно, — в один голос заявили спорщики.

Глаза Хансена холодно сверкнули. Жестко рубанул:

— Я приказываю кончить спор!

Зуль насупился и пошел к себе в палатку.

Он уже не слышал того, что, поговорив с воздухоплавателями, Хансен все-таки решил произвести рекогносцировку найденного следа на саях. Поэтому Зуль, сидя у себя, ломал голову над решением дилеммы — лететь за людьми или оставаться здесь около угленосных участков и производить дальнейшие разведки.

После долгих колебаний он пришел к тому, что люди, кто бы они ни были, интересуют его значительно меньше, нежели уголь, и решил остаться на месте.

Зуль составил радиogramмы на материк для вечерней передачи и решил соснуть. Но его внимание привлек оживленный разговор, шедший в повышенных тонах рядом с палаткой. Прислушался, но ничего не понял. Кто-то из немецких профессоров сыпал астрономическими цифрами и то и дело произносил слово «колоссаль». Ему восторженно вторил американский геолог. Зуль выглянул и увидел уда-

ляющиеся спины ученых. От них отделились двое в затасканных малицах и пошли в сторону лагеря. Зуль узнал в них новоземельских проводников. Вылка, широко улыбаясь, оживленно говорил что-то Князеву, забегая вперед и снизу вверх заглядывая в лицо собеседнику. Михайло сосредоточенно скреб лохматую бороду. Остановились около палатки.

— А ну, дай сюды, — сказал Князев.

Он стал поворачивать на ладони что-то, переданное ему Вылкой.

— Играет вроде как алмаз, а?

— Верно, што играе, — кивнул головой самоедин.

— Н-да... вот загадка-то? А как ты думаешь, председатель, может надувают нас немчины-то? А-сь? Может статья, самый что ни на есть алмазище и есть... Нет, впрочем, не может того быть. Тот вроде как твердой быть должен — им стекло режут.

— Верна, Михайла, алмазом стеклу резить мозна. А ну, глянь, эта ризанет ли стеклу, нет ли?

Михайло вынул часы и провел по стеклу кристаллом.

— Не, не режет... видать, верно, для мелкоскопов стеклы делать из нево можно. А не алмаз... Экая жалость — ведь играет-то, играет, брат, как! Вот обманная штука-то! А все-таки деньгу стоит, видать, немалую. Уж больно немчура-то обрадовалась.

— Та деньга, — меланхолически покачал головой Вылка. Зуль решил посмотреть.

Князев охотно протянул ему несколько кристаллов. Зулю не нужно было их долго рассматривать, чтобы понять причину радости немцев и американцев.

— А вы знаете, как это называется? — спросил он проводника.

— Сказывали сейчас ученые-то, да я не разобрал.

— Исландский шпат! — многозначительно произнес доцент.

Название не произвело на промышленников никакого впечатления.

«Тем лучше для меня», — констатировал Зуль.

— Знаете ли вы, сколько это стоит?

— А откуда же нам знать?

— Пять долларов за каждый килограмм.

— Гляди, председатель, тянет-то как, — весело заметил Михайло.

Илья ухмыльнулся.

— А только, товарищ ученый, нам это все-таки ни к чему, — подумавши, заявил Михайло, — потому мы мелко-скопов не делаем.

Зуль укоризненно покачал головой.

— Подождите минутку.

Он залез в палатку. Через минуту вылез удовлетворенный.

— Где вы его нашли?

— А вот как с начальником ездили. Как думаешь, Илья, сколько миль-то будет отсель?

— Я так думаю, миль с полста буде.

Зуль подбросил на ладони кристаллы.

— И много там такого прозрачного камня?

— Выходит наружу вроде как жилой с-под заструги; видать, длинная, а только достоверно сказать не можем, потому не проследили — ни к чему было.

— А разве доктор Хансен не видал этой жилы?

— Не, это мы с Ильей ходили случаем. А капитану и не говорили — невдомек было.

— Так-с, так-с, — покрутил Зуль бороду. — Вы знаете, конечно, что имеете право выставить там столб со своей фамилией, на месте этого открытия?

— Это нам, конечно, известно, — степенно заявил Михайло, — только нам...

— Постойте. Я вам сейчас скажу, как здесь нужно сделать. Мы с вами вместе поедem на место, сегодня же я оценю там жилу и завтра сделаю перевод на ваше имя в любой банк. Если хотите, сегодня же аванс могу внести... ну, хотя бы в тысячу долларов. А вы напишите расписку в том, что все свои заявки на месте найденного вами исландского шпата вы продали мне и никаких претензий на разработку его больше не имеете.

Михайло усиленно заскреб бороду.

— Н-да... конечно... столбики оно почему не выставить. А между прочим, насчет аванса погодить придется.

— Чего же ждать, господин Князев? — непринужденно сказал Зуль. — Вы все равно заняться разработкой не можете. Да и вообще, я рискую своими деньгами — ведь очень трудно предположить, чтобы кто-нибудь смог еще попасть на этот остров ради такого пустяка, как эти кристаллы... А ведь я вам заплачу по сто долларов за каждый шаг жилы, выходящей на поверхность. Это очень большая сумма, господин Князев. Я советую вам не раздумывать... Итак, по рукам?

Он протянул Михайле руку. Князев нерешительно цапнул ее теркой своей ладони.

— Как сказано, мистер, столбики выставим. А насчет расписочки погодить придется.

— Сколько же времени вам нужно на размышления?

— Вот уж это сказать совершенно затруднительно.

— Хорошо, я даю вам срок до завтра... Только я вас попрошу ни с кем другим об этом деле не говорить, — вкрадчиво сказал Зуль, заглядывая в глаза Князеву.

Но глаза промышленника лукаво блестели, укрывшись за кустами седой щетины.

Вылке надоел разговор. Он решительно сунул руку Зулю, и проводники ушли.

Вокруг их палатки, как правило, царили шум и грызня. То и дело приходилось проводникам высказывать из спальных мешков, чтобы разнимать беснующихся псов.

Но сегодня псы дрались вволю. Никто не выглядывал из-под засаленного полога и твердый, как палка, хлыст не гулял по вздыбленным собачьим хребтам. Проводники отсыпались после долгой дороги. Хотели отоспаться. Но отоспаться им не дали. Когда лагерь затих, полог палатки поднялся и длинный худой немец в роговых очках, тот самый геолог, что называл астрономические цифры, увидев кристаллы шпата у Михайлы, осторожно разбудил Князева:

— Господин проводник... Господин проводник, мне нужно с вами поговорить.

Михайло с трудом стряхнул тяжелый сон и опознал немца. Он сопя скреб под малицей грудь, пока немец, торопясь и путаясь, излагал ему свое предложение купить у него право на открытые им участки шпата.

— Чай, завтра время будет поговорить-то, — недовольно протянул Михайло.

— Нет, нет, это дело очень спешное, его нужно решить теперь же... Вы, господин, должны пон...

— Я понимаю, я очень даже понимаю, товарищ профессор; я даже, может статься, так понимаю, что вам и невдомек. Но, между прочим, позвольте вам отселе выйти, — я спать хочу.

Михайло натянул повыше мешок и отвернулся. Немец недоуменно развел руками. Попытался еще раз объяснить. Сладкий присвист ответил за проводника.

Уже значительно менее мирно встретили здесь следующего посетителя. Американский геолог Вильсон, влезши в палатку, сослепу наступил на собаку, примостившуюся у ног Былки. Пес с визгом вскочил и вцепился в пим американца. Илья спросонок, не разобрав, в чем дело, полоснул в сторону визга всегда готовым к действию хлыстом. Кнут со свистом резнул воздух и обвил ноги Вильсона.

Разговор о шпате длился после этого еще меньше, нежели с немцем. Вильсон ушел разочарованный и обозленный неимоверной тупостью проводников.

3.

УГОЛЬ ИЛИ ШПАТ?

«Уголь или шпат?» — Зуль ни на минуту не мог отделаться от этого вопроса. Даже во сне его тревожили сумбурные видения, в которых он то задыхался под горами черных жирных осколков угля, то зарывался головой в полость мешка, стараясь спрятаться от ослепительного сия-

ния огромных глыб исландского шпата, разбрасывающего вокруг себя целые каскады солнц.

«Уголь или шпат?.. Уголь или шпат?..» — непрерывно долбило в мозгу. Долбило до того, что Зуль не выдержал и проснулся. Однако, открыв глаза, он не сразу сообразил, что видения были только сном. Все вокруг сверкало и искрилось. До рези в глазах. До боли в мозгу. Зуль зажмурился и весело рассмеялся. Как не смеялся уже давно. Вопрос был ясен. Разве может быть сомнение? «Уголь или шпат? — Конечно, оба». Зуль произнес это почти вслух.

«Проводник упрям. Может быть, он более сведущ, чем я думал?.. Нет, я думаю — это простая жадность... От глупости», — резюмировал Зуль и вылез из спального мешка.

4.

В ПОГОНЕ ЗА СЛЕДОМ

Солнце садилось в белесой дымке, скупно освещая западные склоны холмов. Длинные острые гребни тянулись без конца и края. Ряд за рядом, как волны в океане. И вид у них был такой же, как у волн. Горбатые, вздыбленные пушистой снежной спиной с северной стороны, они ниспадали глубокими вмятинами с южной. С первого взгляда, да еще издалека, их никак нельзя было принять за холмы. Скорее просто навороченные жестокой метелью сугробы. Да даже подойдя вплотную, у самой подошвы, невозможно было определить высоту холма. Только потратив час и другой на подъем, определяли триста, четыреста, а то и все пятьсот метров над уровнем моря.

Взбирались на холмы змейкой. Иначе не держали на подъеме лыжи. Ноги ехали назад. Люди тыкались в хрустящий, сахарно-звонкий наст. Норвежцы еще ничего, справлялись лучше. А немцы, привыкшие к плотным фирнам,

проваливались сразу, как в расступившееся болото, стоило податься корочке наста.

В тех низинах, где снег был открыт теплomu дыханию юго-западных ветров, люди, проваливаясь, сразу попадали в подснежные озера талой воды. Верхний покров был непрочным и проваливался даже под лыжами, не говоря уже о собачьих лапах. Несчастные животные по грудь уходили в мокрую крупу. До крови резали себе ноги о края тонкого наста.

В лазании по гигантским сугробам-холмам и в переправах через затопленные под снегом долины прошел день. Солнце обвело длинные тени людей вокруг их ног и спустилось к горизонту. Из собачьих ртов повисли распаренные красные языки.

Стали на ночевку.

Разбили палатки. Глядя на прозрачный огненный венчик примуса, Зуль думал о несметных угольных залежах, скрывающихся внутри холмов-сугробов. Под эти мысли и уснул.

А через несколько часов, когда тени палаток стали короче, невыспавшиеся люди свернули немудреные крыши и, оглаживая хореями собак, пошли дальше.

Зуль пытался заговорить с проводниками о шпате. Но Илья просто не понимал его. А Михайло хитро отмалчивался. Наконец Зуль решил, что и сам не пропустит места, где проводники видели шпат. Так и шел, внимательно следя за откосами холмов — не покажется ли где-нибудь грунт.

Но грунта не было. Снег лежал кругом, насколько хватал глаз, толстым слоем. Прикрытый настом, изборожденный застругами — на склонах холмов. Рыхлый, налитанный водой, не сдерживающий лыж в долинах. На снегу полдничали. На снегу же разбили и второй ночлег.

Больше с проводниками не разговаривал. Все равно без толку. На третье утро встал на лыжи хмурый. Сердито толкал назад палки, вскидывая хрясткие осколки заледевшего снега.

К середине дня заметно потеплело. И на вершинах снег стал слабым. Кроме того, покров сделался гораздо тоньше.

Иногда, проваливаясь, лыжи дергали нервы досадным скрежетанием по каменистому грунту. А к шести часам снег остался только в долинках. На желтой матовости можно было дать отдохнуть глазам от непомерного сверкания снега. Пришлось лыжи привязать к санным тюкам. Полозья шли с надсадным скрипом по песку и камням. Люди впряглись вместе с собаками. Хорей загулял по косматым собачьим бокам.

Через два часа вымотались вконец. Стали на ночевку.

Когда затихли по палаткам, Зуль не выдержал и подошел к Михайле, улегшемуся прямо среди собак:

— Я с вами, господин Князев, хочу говорить в последний раз по-хорошему. Расскажите-ка точно — скоро ли то мес...

Но Михайло не дал договорить. Беззаботно махнул рукой:

— Это, небось, сызнава насчет мелкоскопного стекла? Не стоит беспокоиться, мистер, все будет в порядке.

— Значит, вы согласны? — обрадованно придвинулся Зуль.

— Не знаю, насчет чего вы это... жилу-то эту мили две уже, как проехали... Шли бы спать, мистер профессор.

Михайло хмыкнул в бороду и натянул капюшон.

Зуль медленно пошел к своей палатке. Но в нее не вошел. Сел на сани и задумчиво стал крутить пальцами бороду. В первый раз пальцы дрожали.

Подумавши, Зуль встал. Распаковал мешок на санях. Достал из него несколько колышков с приделанными к ним маленькими дощечками. На манер тех, что бывают в ботанических садах. Сунул в карман нож.

Долго и внимательно изучал горизонт. Приглядываясь к оставленным на каменистом грунте слабым следам саней и сапог, пошел туда, откуда два часа назад пришел вместе с караваном.

Над кучей свернувшихся клубками собак приподнялась меховой горой фигура. Из-под надвинутого на лицо капюшона человек повел путанными черно-седыми космами

бороды в сторону удаляющегося ровными шагами доцента. И снова опустился.

5.

ЗУЛЬ ИСЧЕЗ

В привычки Хансена не входило волнение, и все-таки ему трудно было не выказать своего беспокойства. Наскоро позавтракав, он захватил самый сильный бинокль и пошел к высокому каменистому гребню, нависшему над лагерем. Но сколько ни глядел, не нашел ничего, похожего на человека. Когда вернулся к стоянке, палаток уже не было. Все было уложено и плотно увязано на санях. Люди оживленно обсуждали происшествие.

Илья Вылка спокойно курил, лежа перед мордами головной упряжки.

Михайло суетился, перебегая от одних саней к другим. Внимательно оглядывал собак. Щупал шлейки. Тряс сани. Видел Хансена, спускающегося с гребня, но не подошел к старику. Издали только прислушался, как Фритьоф говорил:

— Не можем же мы, господа, бросить его здесь... Придется еще подождать, потом предпримем поиски... Право, это так странно.

Михайло выпрямился и сгреб в кулак черноседые лохмы бороды. Бросив хорей, подошел к остальным:

— Вот что я скажу... Я вроде как, ночью вставамщи, видел профессора Зуля...

От неожиданности все вскочили. Хансен схватил Князева за рукав.

— Уходил он будто из лагеря, — пробурчал проводник. Хансен радостно оживился:

— Он был одет?

— Полностью, по-походному, — уверенно подтвердил Михайло.

— А направление? Куда же он пошел?

Михайло внимательно огляделся, точно прикидывая:

— Вон туды.

И нерешительно прибавил:

— Так мне сдается.

Но этого уже никто не слышал. У Хансена на лице заиграли морщинки:

— Так ведь это же, господа, то направление, куда нам нужно идти... Значит, он просто пошел вперед... Только странно: ничего не сказать. Такой опытный человек...

— Вообще в нем в последнее время стало много странностей, — скептически заявил кто-то из спутников.

— Итак, господа? — Хансен вопросительно обвел всех взглядом.

— По-моему, идти, — твердо сказал Билькинс. — Господин Зуль — не ребенок.

— Я предоставляю это вашему усмотрению, — сказал Хансен. — Кто за то, чтобы двигаться в направлении, указанном проводником?

Почти все присутствующие подняли руки.

6.

ЗУЛЬ?

По мере движения на юго-восток каменистые гряды делались выше и обрывистей. Канавки промоин резали склоны. Крутлый камень, вроде гальки, навален по руслам ручейков. На вершинах порода стала выветренной и слабой.

Только в глубоких, как щели, падах серел талый снег.

Тащить сани по камням стало неважоту. Часть грузов сняли и распределили по рюкзакам. Облегченные санки подпирали по очереди. Вылка нещадно кричал на со-

бак, до пота орудья хореем. Михайло изредка сочно ругался.

Про Зуля забыли. Только Хансен с каждой горушки поглядывал в бинокль. Сокрушенно покачивал головой, пряча цейсс. Зуля нигде не было видно.

К полудню стали просить передышки. Но Хансен решил дотянуть до лежащего в полукилометре гребня, выдающегося над всеми окружающими холмами двумя горбатыми вершинами.

Шли с трудом. Только то и прельщало, что, перевалив через гребень, скроются от свежего северного ветра, тянувшего в спину. Томились желанием отдыха. Вероятно, за ветром можно даже сбросить мех. Поваляться налегке в фуфайке.

Первым дошел Хансен. Остановился на гребне и ахнул. Даже забыл в цейсс поискать Зуля. За ним вылез со своей нартой Вылка. И присел рядом с заскулившей сворой, восторженно шлепая себя по ляжкам.

Перспективу перекрывал еще один небольшой гребешок. Но уже и сейчас была ясно видна часть просторной долины, сжатой по равностороннему треугольнику крутыми скатами высоких холмов. Под их защитой, озолоченные солнцем, ярко рыжели лишайники. Дальше тускло серебрился шероховатой поверхностью мох и между его пятнами колосились узкие кромки зеленой травы. Припущенные сверху белыми помпонами, ярко голубели крошечные кустики незабудки.

Люди подходили от подошвы холма и впивались в неожиданную картину.

Без просьб и понуканий поспешно стали спускаться в долину. Почти на руках несли сани. Вылка только посвистывал.

Но перейти за последнюю маленькую грядку все-таки не хватило сил. Задневали перед этим препятствием. С наслаждением валялись на шершавом ковре лишайников, подставляя солнцу обветренные красные лица. Немец-ботаник забыл про еду, лихорадочно собирая образцы растений.

Разомлевшие от непривычного безветренного тепла и покоя, дремали, окунувшись в тишину. Лежали, пока, как угорелый, не сорвался с места зоолог с восторженным криком: «Держите, держите!». Пробежал несколько шагов и стал остервенело рыть руками размельченный шифер.

Оказался лемминг. Все приняли участие в его поимке.

Но так и не поймали. Помешали собаки, сорвавшиеся неожиданно с места и опрометью, громыхая санями, бросившиеся к крайней гряде. Однако груз им оказался не под силу. Остановились. Вся упряжка, мечась и путая постромки, принялась остервенело лаять в сторону ближайшего холма.

На гребне стоял человек.

Приставив руку козырьком, глядел на расположившийся лагерь караван.

Увидев его, Хансен вскочил и радостно крикнул:

— Вот, наконец, и он!

Приветственно махая рукой, Хансен широко шагал к холму.

Человек на холме поднял руки и скрылся за гребнем.

— Одежа не Зулина, — уверенно заявил Вылка.

— Не, не он, — подтвердил Михайло.

— А, по-моему, именно он, — заявили сразу несколько человек из экспедиции.

7.

ТОТ, КТО ДАЕТ СОВЕТЫ

Кыркэ сбросил лыжи и, приподняв меховой полог, заглянул в дом. Все уже спали. Он огляделся. Спал и весь поселок. Черные стены хижин тускло блестели под косыми лучами солнца.

Кыркэ сам распряг собак и прислонил сани к стене дома. Тихо ступая меховыми подошвами, прошел в дальний

угол. Там, прижавшись друг к другу, лежали несколько фигур. В маленьких съезжившихся комочках можно было отличить детей.

Приглядевшись Кыркэ ткнул носком:

— Разведи огонь, я скоро буду кушать.

Женщина покорно села, протирая кулаками глаза. Не дожидаясь разъяснений, принялись разгребать снег. Прямо пальцами раздвигала куски шлака, раздувала источающий смрадный черный дым уголь.

Кыркэ сидел на корточках у огня, глядя на работу жены. Нехотя встал:

— Я скоро приду.

Женщина молча кивнула.

Кыркэ вышел из дома и направился в середину поселка к хижине, выделявшейся своими размерами. Откинул засаленный полог и вошел. Темень связала на один момент. Но привычный глаз быстро охватил обстановку и Кыркэ решительно направился к грудке мехов, наваленных вдоль стены. Навстречу поднялась растрепанная старуха. Присмотревшись, прошамкала:

— Что тебе нужно, Кыркэ?

— Подними хозяина, матушка, — почтительно прошептал пришедший, — очень большое дело.

Через минуту, кряхтя и звучно расчесывая грудь, к усевшемуся на корточки Кыркэ подполз маленький сгорбленный старик. Из очага, разворошенного старухой, на лицо хозяина упали красные блики, испещрив низкий выпуклый лоб старика и его отвислые коричневые щеки рябью глубоких морщин. Кожа висела дряблыми складками с широких скул. Обегая трясущимися наливками широкий рот с вывороченными губами, сходилась под квадратным подбородком в мотающийся коричневый мешок. Сухим и изломанным в суставах пальцем старик долго скреб в редких, свисавших беспорядочной сеткой на лицо волосах. Хрустко раздавил насекомое. Зубом достал его из-под черного горбатого ногтя.

Кыркэ терпеливо ждал, когда заговорит хозяин. Он опустил глаза под упорным раскапывающим взглядом малень-

ких подслеповатых глазок. Наконец старик надтреснуто прогнусил:

— Краток мой сон. Видения бедны. Мало осталось мне досмотреть. И ты отнял у меня сегодня одно из видений, в котором великий Нум пришел ко мне в сиянии. От этого сияния глаза мои не видят теперь твоего лица. Кто ты и зачем прервал сон старшего из старших?

— Это я — Кыркэ. Мой сон молод и крепок. Видения яркие и длинные, но я их не видел сегодня. Сон не приходил ко мне. Низким солнцем я ехал с дальнего берега домой. И с середины дороги бежал полным ходом собак. Видел я нехорошее, отец мой. А бежал так быстро, чтобы сказать тебе.

— Что же ты видел, сын мой? — проямлил старик.

— Ведь ты говорил нам, что нет на земле других людей, кроме нас?

— Говорил, сын мой.

— И что нет и не может быть людей с таким лицом, какое было у Великого, когда он пришел к нам от Нума?

— Не может быть, сын мой.

— А я их видел, друг! — почти крикнул Кыркэ.

Старик передернул плечами, точно ему стало холодно. Как лапа умирающего ястреба, протянулась к Кыркэ дрожащая сухая рука:

— Говори, говори скорее, друг!

— На половине солнца от наших домов, когда бежал я от берега, скрестился мой след с их следом. Увидел я, что след не от наших саней. И собаки в санях были не наши. Малые да короткие. Близко один к другому стояли следы от лап. Мелкие были следы. И долго, почти целое низкое солнце, шел я по этому следу. Видел впереди себя трое саней и на каждых санях человека. Ехали они моим следом половину высокого солнца. Потом повернули на свой след и быстро ушли. А я побежал домой.

— Что же это были за люди? — озабоченно спросил старик.

— Я хорошо видел только одного: высокий, высокий он. Как если на плечи тебе поставить еще такого же, как ты сам, человека. И волосы у него белые. На солнце блестят.

На нем меховые одежды, но только совсем другие, нежели у нас. Мех на них темный и пушистый. Других двух людей я не рассмотрел. Один из них тоже очень, очень большой. Другой совсем, совсем маленький... Вот и все, отец.

Кыркэ замолк и внимательно глядел на старика. Тот сидел совершенно неподвижно., закрыв глаза. Долго, сосредоточенно думал. Наконец шевельнул рукой. Кыркэ превратился в слух.

— Мой ум устал. Я долго искал в нем голоса, который сказал бы, что нам нужно делать. Такого голоса я не слышу... Сын мой, ты обойдешь сейчас все дома и призовешь ко мне старейших для совета.

Старик кряхтя переполз к постели и, дрожа всем телом, зарылся в мех. Кыркэ же стал обходить черные дома поселка. Старшие в семьях осторожно входили в дом старика и молча садились на корточки у входа. Скоро собрался весь совет. Кыркэ вошел последним и сел поодаль. Хозяин вылез из-под кучи грязных мехов. Он не спеша уселся в круг перед очагом. Было тихо. Изредка слышалось только поскребывание под одеждой; чмыхали носы. Старик притронулся трясущимися пальцами к краю закопченного очага и прогнусил:

— Кыркэ, повтори другим то, что ты сказал мне.

Кыркэ повторил рассказ. Окружающие слушали молча и внимательно. Перестали даже скрести животы. Когда Кыркэ кончил, члены совета зашептались между собой. Никто не подавал голоса вслух. Старик внимательно пригляделся к лицам и спросил:

— Что вы скажете, други?

Говорили медленно, нескладно. Точно с трудом придумывая слова. Старик, слушая, мотал редкой метелкой свисающих на лицо седых косм. Говорили все по очереди. Кто длинно и подробно. Кто кратко, нехотя. Наконец кончили, и снова стало тихо.

Врывающийся в открытую дверь свет ночного солнца гасил красные уголья очага. Старик грел над ними трясущиеся руки. Старуха подошла и плеснула на уголья из горсти. Клубок пара смешался с черным смадом.

Совет молчал. Молчал старик. Наконец поднял голову:

— Вас много. Я один. Ваш ум крепок и увертлив. Мой ум слаб и неповоротлив. Но все вы сказали мало. Так мало, как будто совсем ничего не сказали. Я стар и скопил в своей голове много советов, полученных от Великого. Но нет там такого совета, который сделал бы для меня ясным нынешний день. Все темно вокруг. И вы не принесли мне совета. Ваши голоса глупы, как голоса полевых пеструшек. Только он, только он один может помочь нам. Други, мы пойдем к нему. Он даст нам совет.

Собрание заметно оживилось. Молодой крепкий мужчина, качнувшись, тихо сказал:

— Он наш ум. Мы пойдем за советом к нему.

Смешавшись, подтвердили тихими голосами:

— Мы пойдем за советом к нему.

Старик поднялся на дрожащие ноги. Гнусаво растягивая слова, торжественно провозгласил:

— Совет пойдет за умом и советом Великого. Так решил совет. Солнце еще низко. Мы будем сидеть и думать. Когда солнце встанет и даст много света на землю, совет пойдет к нему. Светлый могучий Нум просветит его для совета своим детям.

Старик, кряхтя, опустился перед жаровней. Несколько молодых людей приблизились и подбросили в очаг углей. Все вместе стали раздувать пламя, пока оно синими языками не затрепетало под черными клубами поднимающегося к крыше столба.

Так, молча, грея руки над очагом, сидели почти до полудня. Бесстрастные были коричневые скуластые лица. Ничего не выражали вороватые взгляды узких раскосых глаз. Даже волосы — и те своими прямыми безвольными прядями иссиня-черных косм выражали одно лишь терпение. Когда солнце заглянуло косым лучем в самую хижину, ближайший к двери встал:

— Отец, солнце встало высоко и осветило ум Великого.

Старик вздрогнул, очнувшись от оцепенения. Он встал, опираясь на плечо ближайшего гостя. Медленно передвигая ноги, вышел на улицу.

Весь совет так же медленно следом за стариком пошел к краю поселка. Миновали последний черный дом. За низким холмиком открылся вид на уединенную лощинку, сплошь покрытую серебряным мшистым ковром.

Посредине лощинки, на мягком ковре полярного мха стоял дом. Четырехугольный как ящик. С плоской крышей. Он резко отличался своими серыми бревенчатыми стенами от домов поселка, сложенных из блестящих черных глыб. Вместо порога, вход был прикрыт солидной дверью на толстых медных петлях. В середине двери блестело круглое стекло иллюминатора.

Старик осторожно поднялся на порожек перед дверью и заглянул в иллюминатор. Приглядевшись, обернулся к спутникам:

— Войдем к Великому.

Все, как один, опустили головы и следом за пригнувшимся к самой земле стариком вошли в окованную дверь.

8.

СОВЕТ ВЕЛИКОГО

Внутренность дома, в который пришел совет, не имела ничего общего с остальными хижинами. На досчатом полу в середине возвышался просторный массивный стол. При этом бросалось в глаза, что грубо сколоченная из толстых досок крыша стола покоилась на резных ножках старинной работы. По стенам тянулись грубые полки, заставленные книгами, заваленные доверху секстантами, буссолями, подзорными трубами. На видном месте висел морской хронометр.

У одной из стен, поодаль от других вещей, стоял морской рундук, оканчивающийся сверху высокими витыми колонками. Между колонками был натянут полог из тяжелой ткани. По совершенно выцветшему фону ярко горели

шитые серебром якоря. Перед занавесью висел тяжелый кованый фонарь, по-видимому, очень старый.

Вся внутренность дома была ярко освещена сквозь широкий кап, возвышающийся над крышей шатром медного переплета. Свет играл и переливался на чеканной отделке старинных пистолетов, повешенных длинным рядом около рундука. Из-под темных болячек ржавчины ярко поблескивал никель нескольких современных револьверов. Сразу бросались в глаза широкие двойные стволы браунингов и короткие дула бульдогов.

Большинство предметов были покрыты тонким налетом черной смолистой копоти. Резкий запах чадающего каменного угля шел из-за низкой железной двери, ведущей в следующее помещение,

Старик, приведший совет, на цыпочках прошел прямо к этой двери. Низко склонился перед нею и, сделав несколько таинственных движений руками, отворил. Открылась узкая темная клеть, почти сплошь занятая большой чугунной жаровней, по-видимому, переделанной из старинного корабельного камбуза. В жаровне ярко краснели большие куски каменного угля. Струйка удушливого дыма лениво тянулась в свисающий с потолка колпак.

Один за другим вошедшие члены совета подходили к двери чулана и кланялись в пояс очагу. Потом чинно садились на пол вдоль стены. Только старик вошел в клеть и подбросил из ящика уголь в очаг.

Все делалось в абсолютной тишине.

Старик медленно и торжественно подошел к задернутому расшитым пологом рундуку. Подняв трясущиеся руки, загнусил дребезжащим обветренным тенорком:

— Великий, мудрый, светлый! Можешь ли выслушать нас, твоих младших неразумных братьев?

Он медленно, осторожно раздвинул полог. Устремленным вверх взглядам сидящих на полу представилась огромная копна пушистых седых волос. Копна шевельнулась. Поднялась голова старика с правильным лицом, ничего общего не имеющим с угрофинскими чертами присутствующих. Крупный нос, правильный, четко обведенный

седыми усами рот, ясные, голубые глаза, внимательно смотрящие из-под нависших кустов белых бровей. Маленькие, прижатые к черепу раковины ушей. Все это обличало в нем чистого арийца.

Великий приподнялся в постели и испуганно обвел взглядом пришедших.

Он заговорил быстро-быстро на языке, непонятном пришедшим. Вытянув руки, точно загораживаясь, выкрикивал:

— Опять, опять... не надо мне, Маньца, увести их... Не надо мне их... Ты же видишь., что все они мертвые... Сейчас мясо отпадет от их костей и кости будут стучать... А-а-а! — неожиданно разразился он пронзительным криком, пытаясь задержать шторы.

Но старик подбежал к Великому. Сморщенной рукой, похожей на лапу когтистой хищной птицы, он стал властно и в то же время нежно водить по взъерошенным седым космам.

Великий прильнул было к этой когтистой руке, но вдруг оттолкнул ее:

— Уйди, старик... Я не хочу тебя... Уйди сейчас же.

Голос его сделался властным. Глаза сосредоточенно уставились в лицо дрожащего старика:

— Я приказываю тебе уйти и увести отсюда всех!

Но старик опустился на колени перед постелью и, обернувшись к членам совета, загнул:

— Други, просите Великого, он должен просветить нас. Светлый Нум посетит его для нас... Иначе большая беда придет к нам.

В комнате поднялся заунывный вой. Все наперебой, гнусаво растягивая слова, кричали в сторону Великого. Качались телами, молитвенно вытянув руки. А старик бубнил, склонившись к изголовью.

Вдруг входная дверь стремительно распахнулась. Держась за медную скобу, на пороге застыл мальчик лет двенадцати. Отличное по цвету от туземцев лицо его носило на себе некоторые черты их типа: удлинённый косой раз-

рез глаз и широкие скулы. В остальном он был европейцем. Правильный рот, крупный прямой нос.

Яркими голубыми глазами, совершенно такими же, как глаза Великого, мальчик быстро оглядел собрание. В лице его отразилось недоумение, перешедшее в гнев. Звонкий детский голос прорезал воющий шум, наполняющий горницу.

— Замолчите вы все!

Повелительность, необычайная для ребенка, звучала в этом крике. Мальчик подбежал к старику и отдернул его руку от Великого.

— Кто тебе позволил, Маньца, прийти сюда? Ведь я же сказал тебе вчера, что господин нездоров и не хочет никого видеть.

Самый говор мальчика резко отличался от говора туземцев. Произношение было более четким и твердым. Он отчеканивал каждое слово, настойчиво обращенное к старику. Маньца нерешительно отодвинулся от постели. Почти заискивающе попросил:

— Сын мой, твой ум молод и невелик. Большое дело, за которым мы пришли, тебе непонятно. Свет разума Великого нам нужен, чтобы прояснить мрак, в котором ходим... Скажи господину, чтобы он выслушал нас.

Мальчик колебался. Подошел к лежащему и тронул его плечо. Великий устало положил ему руки на голову и тихо спросил на чужом для пришедших языке:

— Где ты был, Ваньца?

— Я собирал те камни, господин, что ты отобрал прошлый раз.

Отец кивнул головой. Мальчик нерешительно сказал:

— Хочешь ли ты говорить с ними? Ты устал и должен лежать, не надо, не вставай, — прибавил мальчик, видя движение Великого. — Ты только скажи мне, что с ними делать — прогнать их, или ты выслушаешь этого старого тюленя?

— Пусть говорит.

Мальчик обернулся к старику:

— Великий велел тебе говорить. Но ты не должен говорить мною. Великий устал. Великий хочет покоя. Говори скорее.

Путаясь и заикаясь, Маньца стал передавать то, что уже дважды слышал от Кыркэ. Он закончил причитаниями и жалобами:

— Опять пришла беда... С тех пор как ты лежишь, несчастья приходят к нам одно за другим... Встань, Великий!

Но мальчик не дал ему договорить.

— Маньца, я тебе сказал: будь краток. Ты говоришь пустое. Великий не может встать. Я выгоню тебя вон, если ты будешь так много говорить. Ты все сказал?

— Все, все, мой мальчик.

Огромная шапка седых волос поднялась с подушки. Большой безумными глазами обвел собрание:

— Опять, опять несчастье... почему? Кто шлет мне их?.. Ты, старый, путаешь! Кыркэ, скажи мне сам, какого вида были люди.

Кыркэ выдвинулся вперед и, путаясь, как путался старик, дрожащим голосом описал еще раз наружность виденного человека. Великий прервал его:

— Не надо, замолчи, я не хочу. Опять придут, чтобы забрать все то, что принадлежит тебе, мой мальчик, — он притянул к себе Ваньцу. — Скольких уже прогнали мы, и все-таки они идут... Откуда их несет?.. Старик, пойдی сюда, пусть ближе подойдет совет. Пусть слышат все: если у тех, кто снова к нам пришел, такой же цвет лица, какой был и у тех, что привезли сюда меня, — по повеленью Нума и с ними так же надо поступить, как с теми... Ты слышишь, Маньца?.. Так же! Никто из них не должен сойти в эту долину. Они отнимут все от вас... Я знаю, под котлами у них нет угля. Уголь... только уголь... вот что им нужно... Они разрушат ваши дома, чтоб углем стен топить свои котлы. Они сожгут дома, сожгут всю землю под котлами, Маньца!

Великий поднялся в постели, простирая руки в пустоту, отталкивая кого-то, в кого с безумным блеском уставились широко открытые голубые глаза.

Члены совета радостно закивали головами. Маньца придвинулся к постели, шепча:

— Единый, светлый просветил его! Великий будет говорить!

Видения одолевали Великого. Он схватился за голову, громко закричал:

— Это они... слышишь, старик, я знаю, это они... Они идут, чтобы убить нас всех и взять наш уголь... Вот они, я вижу их... Большие, белые, как те... Они пришли с неба... С большого небесного корабля... чтобы взять наш уголь, разрушить дома... взорвать весь остров... Ваня, Ванюшка!

Великий притянул к себе голову мальчика.

— Ваньца, не верь им... Они уйдут на санях на большую землю... Там есть большая земля, на ней живет так много людей, что, сколько бы угля они ни получили, им всегда мало. Они убьют тебя, если ты скажешь им про твой уголь... У них нет ничего святого... Бумажки... нет, нет, золото... только золото, вот все, чему они поклоняются. Никогда, слышишь, никогда не отдавай им уголь в обмен на золото. Подожди, дитя... позови сюда старого... Эй, Маньца, пойдی сюда... Ты слышишь, если и эти пришельцы заговорят про уголь и будут предлагать тебе в обмен на уголь бумажки, ты им не верь... Ты не отдавай им ни одного куса угля... Слышишь, Маньца, я так приказываю!

Старик, дрожа, склонился.

— Если они придут сюда и захотят мирно уйти, ты возьми всех молодых и крепких охотников и проведешь пришельцев до их лодки. Смотри, чтобы они не взяли отсюда ни одного куса. А если они будут так же жадны, как те, то пусть они придут сюда ко мне... Ха- ха-ха, ты помнишь, старый, как тогда? Пусть так же придут они сюда...

Он внезапно умолк. Не выпуская Ваньцу, другой рукой усиленно тер себе лоб.

В затихшей горнице разносилось только его тяжелое дыхание.

Вдруг Великий вздрогнул. Мальчик прижался к нему и обнял за шею. Маленькой рукой он нежно провел по заросшей щеке отца.

Сидящие по стене члены совета вытянули шеи. До них не доносился испуганный шепот Великого. Только Ваньца и старик, приблизившись к самому рту больного, разбিরали захлебывающиеся, перегоняющие друг друга слова:

— Маньца, ты мой старый, старый друг... ты один... Только ты помнишь хорошо, как я пришел. Только ты знаешь, что от тех, что привезли меня на эту землю, не приходит ничего хорошего. Они еще молоды, — кивнул он в сторону членов совета, — они могут поверить. А если не поверят, белые знают, как заставить себе поверить. У них есть такая вода. Они называют ее огненной водой. Эту воду создал Аа, чтобы губить людей. Всякий, кто сделает один глоток, погиб навсегда... Ты не должен позволить никому из своих охотников отведать этой воды... Ты помнишь, тогда, давно, те люди тоже привезли большую бочку этой воды, и я вылил ее на снег. Так же должен сделать теперь ты... И вот что, Маньца, я передумал — пусть эти люди, если они придут сюда, пройдут в самую середину становища. Ты не будешь им мешать. Но я должен знать об их каждом слове, о каждом шаге. Пусть молодые охотники, у кого самые крепкие и быстрые упряжки, едут по следу Кыркэ. Когда они увидят вдали этих людей, они будут следить за их бегом. Пусть едут десять охотников. Каждое солнце двое из них станут возвращаться и говорить обо всем, что видели... Но пришельцы не должны видеть наших охотников и знать, что за ними следят. Не нужно, чтобы хищный песец знал, что по следу его идет сторожевая собака... Только, если песец захочет вцепиться в твои запасы и украсть их, тогда ты спускаешь своих псов. Они растерзают вора.

Глаза старика зло сверкнули под нависшими мешками дряблых век.

Великий заметил этот взгляд.

— Нет, нет, старик... ты не спеши. Не нужно трогать их, пока они сами не скажут нам, что они враги... Но вот зато, если только они выдадут нам свои намерения... Ты слушай хорошенько, сын мой, это касается тебя... Здесь речь идет о твоём угле... Если пришельцы захотят силой или обманом взять от нас то, что им не принадлежит, тогда мы заставим

их заплатить за это так же, как заплатили те, прежние. Тогда ты приведешь их без оружия в становище, и здесь мы перебьем их всех до одного. О, тогда уж они не увезут отсюда ни одного куска угля.

Великий громко рассмеялся. Хохот потрясал низкие своды горницы. Звенел в стеклах капа. Переходя в истерические всхлипывания, хохот делался протяжным и визгливым. Великий свернулся комком и, крадучись, потянулся к стене, где висели револьверы. Его губы беззвучно шевелились. Но привычным ухом мальчик все-таки разбирал непонятные для остальных слова:

— Они не хотели... Не нужно... Вот они теперь вернулись, чтобы взять его... Но я не дам... не дам.

Больной рванулся и схватил со стены большой маузер. Медленным движением опытного стрелка — сверху вниз, он навел пистолет в совершенно темный угол. Губы его не переставали шептать:

— Вот видишь, они уже там, вот они пришли... Ну, что же,..

Мальчик незаметно тянулся к пистолету, но прежде, чем его пальцы коснулись маузера, грянул выстрел.

Маньца распластался на полу. Члены совета с серыми лицами замерли у своей стены. Мальчик испуганно вскрикнул и бросился в угол, куда стрелял Великий. Он вернулся оттуда, бережно неся в кулачке маленькое пушистое тело лемминга. Со слезами протянул его:

— Смотри, ты убил моего мышонка...

Великий бросил маузер и осторожно взял крошечный трупик. Половина мышонка была разбита пулей. Больной долго смотрел безумными глазами на кровавый кусочек. Перевел взгляд на ребенка. Глаза его снова обрели осмысленность. Слезы часто закапали на свалывшийся седой войлок бороды.

Мальчик прильнул к старику, как вдруг тот резко выбросил вперед руку с кровавым комочком пеструшки. Протягивая ее, хрипло сказал:

— Смотри, Маньца! Вот так ты сделаешь с ними!

Великий сжал кулак. Между пальцев потекла кровавая

жижа. Он минуту смотрел, как каплет между пальцев теплая кровь. Медленно расправил руку и величественно протянул старику:

— Возьми и уходи.

Старик подобострастно поймал на грязные ладони остатки лемминга и пятась вышел. За ним, быстро шмыгая, выбежали члены совета.

Громыхнула притворенная дверь.

Больной привлек к себе плачущего мальчика и раздельно сказал на языке, непонятном туземцам:

— Ваня... мальчик мой... Запомни, вот так же нужно их...

Он прижал к широкой волосатой груди голову ребенка и судорожно гладил вьющиеся каштановые волосы. Мальчик тихо всхлипнул.

Великий поднял за подбородок его лицо. Не отрываясь, глядел в заплаканные голубые глаза.

9.

ХАНСЕН ГОВОРIT ДАВНО ЗАБЫТЫЕ ВЕЩИ

Жители поселка точно вымерли. На улице не было ни души, кроме старого Маньцы и нескольких охотников, вооруженных луками и стрелами. Старик понуро сидел перед начальником экспедиции и отрицательно качал коричневой головой на попытки Хансена говорить с ним на всех известных старому путешественнику эскимосских наречиях. Охотники молча и неподвижно стояли за спиной Маньцы. Прибывшие путешественники тесным кольцом обступили беседующих. Они делали попытки объясниться знаками, но Маньца безнадежно мотал головой. Наконец он обернулся к своим и прогнусил несколько слов. Тут из-за спины Хансена выскочил Вылка.

Он понял почти все, что сказал Маньца.

Вылка быстро заговорил по-самоедски. Старик изумленно поднял голову, стараясь рассмотреть лицо собеседника. Молодые охотники подались вперед.

Вылка сиял. Его маленькие глазки блестели. Он совсем забыл о стоящих за его спиной спутниках. Хансену пришлось прервать его оживленную беседу с Маньцей.

Вылка с таким же воодушевлением принялся переводить Маньце речь Хансена. По мере того, как Хансен говорил, лицо старика делалось все более и более сосредоточенным. Молодые охотники, наоборот, стали удовлетворенно кивать головами и перебрасываться оживленными замечаниями.

Речь Фритьофа состояла из короткого разъяснения цели прибытия экспедиции и заверения в самых мирных ее намерениях:

— Нам ничего от вас не нужно. Мы хотим только точно узнать, кто вы такие, как пришли на эту землю, или как попали на нее ваши предки. Покажите нам, чем богата ваша земля, и мы так же мирно уйдем от вас, как пришли сюда, — закончил Хансен.

Старик прикрыл опухшими веками сверкнувшие догадкой глазки. Сосредоточенно стал покачивать лохматой головой. Долго ничего не отвечал на речь Хансена. Наконец прогнусил:

— Тебе и твоим охотникам ничего не нужно на нашей земле. Так ли ты сказал? Не солгали мои уши, передавая твои слова?

— Ты понял правильно, — почтительно ответил Хансен.

— Тогда скажи мне — зачем тебе и твоим охотникам знать, как мы живем?

— Мы ездим по всем землям, разбросанным среди льдов большого северного моря, и смотрим, как живут на них разные люди. Если они живут плохо, мы рассказываем об этом на большой южной земле, где живут наши братья.

— А зачем это нужно знать вашим братьям?

— Чтобы прийти сюда и помочь вам устроить свою жизнь как можно лучше.

Старик на минутку задумался. Хитро усмехнулся:

— Значит, твои братья придут сюда после тебя, если ты расскажешь им, что мы плохо живем? Так сказали мне мои уши?

— Да, они сказали тебе правильно.

Старик удовлетворенно крикнул.

— Скажи своим братьям, что мы живем хорошо. Это говорю тебе я, Маньца. Так сказал весь совет. Скажи охотникам, которые пришли вместе с тобой, что им здесь нечего смотреть. Мы не хотим их помощи. Пусть они вместе с тобой поворачивают свои сани к берегу. Мои молодые охотники проводят вас до самого моря. Вы уедете на своей лодке. И больше никогда сюда не приедете. Так сказал совет.

Хансен опешил. Но сейчас же нашелся:

— Ты должен показать нам свое жилище. Ты должен рассказать нам про свою жизнь. Ты должен сказать нам свои сказки. Самый старый в вашем народе передаст нам все, что знает о своих предках. Самый храбрый охотник скажет про всех зверей, какие есть на вашей земле. Самый зоркий должен рассказать про все травы и камни, какие он видал. После того мы полетим над вашей землей на большой лодке, которая плавает по воздуху так же, как ваши лодки плавают по воде.

Старик остановил его движением руки:

— Не надо больше говорить, друг. Все, что ты сказал — я знаю. Все, что ты сказал — уже три солнца назад сказал мне Великий. И еще Великий сказал мне, что ты захочешь взять наш уголь. И сказал он также, что ты не должен брать угля... что ты должен вместе со всеми своими охотниками уйти с нашей земли.

— Кто такой этот Великий, который читает мои мысли за три солнца вперед? Проведи меня к Великому, и я скажу ему, что он ошибается. Где Великий?

Старик порывисто поднялся с корточек:

— Великого не может видеть никто... Всякий чужеземец, который захочет увидеть Великого, тотчас умрет.

— Скажи, по крайней мере, кто он, этот Великий?

— Великий — это тот, кто дает советы моему народу.

Старик сделал нетерпеливый жест и обратился к Вылке:

— Я сказал все. Так решил совет. Больше нет слов в моих устах.

Маньца повернулся и в сопровождении своих сородичей пошел к дому. Но охотники не вошли за ним в хижину. Они уселись у входа лицом к Хансену и его спутникам. Когда Хансен сделал несколько шагов к становищу, охотники вскочили и схватились за луки.

10.

ВЫЛКА ВЕДЕТ ПЕРЕГОВОРЫ

Несколько пущенных стрел убедили Хансена в том, что туземцы не шутят.

Не желая раздражать их, Хансен решил повести переговоры. Он снабдил Вылку богатым ассортиментом вещей, пригодных для подарков. Здесь были ножи, табак, сахар, несколько трубок. Неизбежные зеркала и ленты для женщин дополняли набор.

Закинув мешок с добром на спину, Вылка отправился в поселок. Его спокойно допустили к дому старика. Но Маньца встретил его не слишком дружелюбно:

— Я не знаю, кто ты и откуда. Как брат наш попал к белым людям и с какой земли пришел с ними к нам. Про твоих спутников мы наверное знаем, что они — наши враги. А раз ты с ними, значит, и ты враг нам. Они должны уйти с нашей земли. С ними должен уйти и ты.

Илья истратил значительный запас своего красноречия, чтобы убедить старика в том, что он не является единомышленником пришедших белых людей и не знает об их замыслах. Он даже не знает, зачем они пришли на эту землю. Он хочет только сделать довольными и белых и жителей этой земли.

Однако старик был тверже, чем думал Вылка. Он упорно не желал слышать ничего о незнакомцах, утверждая, что они пришли сюда, как враги его народа.

Наконец договорились на том, что Вылка узнает точно о намерениях своих белых спутников.

11.

ОБ ОДНОЙ ВЕРЕ РАЗНЫХ ЛЮДЕЙ

Наутро Вылка явился к Маньце в сопровождении Михайлы.

— Здравствуй, друг. Ты спрашивал меня вчера про то, зачем пришли на вашу землю эти белые люди. Я не сказал тебе. Я не знаю этого сам. Зато вот я привел к тебе друга, который знает. Он знает язык белых. Он сам белый.

— Но, если он белый — он враг, — убежденно прошептал старик.

— Нет, Маньца. Он белый, но он одной со мной веры.

— Как может самоедин быть одной веры с белым? Значит, ты, Вылка, не наш.

Илья лукаво рассмеялся:

— Нет, друг. Мы одной с ним веры. Я сын одного с тобой народа. Он, Михайло, сын другого народа. Но он брат наш. И я и он, мы — братья твоему народу.

Старик сердито замотал головой:

— Нет, ты врешь, Вылка. Этого не бывает. Белый человек не может быть братом нашему народу. Великий говорит, что белый человек — всегда враг. Великий говорит верно. Устами Великого говорит светлый Нум.

Старик задохся. Сделав передышку, он снова зашипел, сердито жестикулируя:

— Я не такой глупый, как ты думаешь, Вылка. Уйди с твоим белым и не говори мне новой лжи.

Старик отвернулся от Вылки. Но Илья был настойчив. Он усмехнулся и резко сказал:

— Ты старый и глупый. Глаза твои не видят хорошего. Уши твои не могут отличить правду от лжи. Ум твой остается во тьме, когда вокруг него все светло.

Маньца обиженно надулся. Но Илья, не смущаясь, продолжал:

— Когда ты не знаешь, ты должен молчать и слушать. Говорить будут те, кто знает. Созови свой совет. Михайло расскажет ему, зачем пришли на твою землю белые.

Маньца долго не соглашался. Наконец уступил и велел созвать в свой дом членов совета.

Тем временем Илья пояснил старику, кто такой Михайло:

— Одной мы с ним веры. Как ты можешь это понимать, коли не знаешь ты нашей веры? Вера у нас особенная. Для всех людей, если они не сволочи, — подходящая. И всяк человек — самоедин ли, русак ли — в этой вере все едино как брат быть может. Вера эта не самоедская, не русакская. А всеобщая. Прозывается она — большевицкий интернационал всех пролетариатов. Как я есть тундровый самоедин, и я не многооленный кулак, а пустой пастух, то я и есть пролетариат. Коли я промышленник с общей артели и нет у меня своего имущества, кроме артельного, нет карбаза, нет сетей, я опять же есть пролетариат. Коли он русак, а тоже промышленник или моторист артельного катера, или, например, матрос, опять он есть пролетариат. А всякий пролетариат принадлежит к общей вере — большевицкому интернационалу. Она для всех пролетариатов одна есть. Понял, Маньца?

Старик помотал головой:

— Нет, не понял, друг. Нет у нас такой веры, чтобы и самоедин и белый к ней принадлежали... Не может быть.

— Ну, ладно, погоди, вот Михайлу попросим, он совету расскажет, зачем чужаки пришли сюда, заодно и про большевицкую веру скажет.

Через час Михайло приступил к лекции. Члены совета слушали недоверчиво. Перебрасывались ироническими взгля-

дами. Маньца слушал, хмуро потупившись. Князев же быстро вошел в роль и, разбирая по косточкам своих иноземных спутников, развил такую агитацию, что знай о ней Хансен, он, наверное, не погладил бы по головке своих проводников.

— ...Так говорю, толкает она их. То есть жадность. И мало у них при той жадности соображения по части организованности. Вот, значит, ежели, как я сказал, перли они не щадя живота сюды за этим самым углем и мелкоскопным стеклом, то как бы, ежели по-большевистскому способу, мы в таком разе действовать стали? Организованно, тоись, скопом. А по причине наличия в этой экспедиции этих самых иностранцев, как они есть буржуазный элемент, в делах их полная разбивка. Главное, нет совместного плана. Вона возьмем хотя бы тот же мелкоскопный камень. Ну, нашел я его. Ну, скажем, даже хочу продать свою заявку. Так нет того, чтобы совместно в организованности повести дело. Каждый лезет вразнобой. И притом такая история. Земля-то эта самая чья? Советская. Советская — значит, пролетарская. То же, что большевицкая. А коли она большевицкая, которые права на нее эти буржуазные элементы имеют? Ни которых. Вот и выходит, что они на чужой-то кусочек жаднющие глотки и разевают. Этак вот у них всегда...

Этот политический доклад стали поодиночке прерывать члены совета. Задавали вопросы. Переспрашивали. Требовали пояснений. Сами того не замечая, перешли к обсуждению слышанного. Начался бурный спор. Маньца отчаянно замахал руками:

— Вылка! Ты собака. Я тебя просил нам хорошее говорить? Просил. А просил я тебя говорить такое, чтобы драка была? Не просил. Собака ты. Какой я теперь совет держать могу? Ты мне скажи, как мы теперь думать станем, коли каждый свое говорит?

Старик схватился за голову и с причитаниями закачался из стороны в сторону:

— Как думать станем? Что решать станем? Как с пришельцами быть? Как с ними говорить?

Вылка пошептался с Михайлой. Тряхнул Маньцу за плечо:

— Брось кричать, старик. Вот тебе наш совет. Белые хотят видеть, как вы живете. Позволь им войти в ваши дома и посмотреть. Белые хотят щупать ваши головы, смотреть ваше тело. Позволь им пощупать головы твоих охотников и посмотреть их тело. С этого ничего худого не будет. Они хотят слушать ваши сказки. Пускай твои братья расскажут им сказки. Ничего не случится. Они хотят слышать рассказ самого старого из твоего народа о том, как пришли сюда твои отцы. Пускай он расскажет. От этого тоже ничего плохого не будет. Только вот ежели они захотят взять отсюда куски вашего угля — не давайте. Из этого хорошего не будет. Только плохое. Я так думаю. А как ты думаешь, Михайло?

Князев согласно кивнул головой:

— Гоните их, братцы, в шею. Самоглавнейшее для них — это уголь и мелкоскопное стекло. Так я понимаю. А с этим гнать их надо по шеям.

Михайло сделал выразительный жест, оказавшийся понятным всем слушателям. Молодые охотники подпрыгнули от удовольствия. Их остановил Маньца:

— Подождите, друзья. Вылка сказал, что он и его брат по вере наши друзья. Я не хочу, чтобы уста моего брата лгали. Пускай будет так — пусть они станут нашими друзьями.

Вылка радостно вскочил. Но Маньца, хитро оглядев его, вкрадчиво прогнусил:

— Только пускай Великий скажет нам, правильно ли я решил. Я стар. Мой ум устал. Он бродит теперь в потемках. Пусть слова Великого рассеют потемки. А как решит совет — пускать в становище или не пускать?

Старик вопросительно оглядел членов совета.

— Пускай скажет Великий. Хитрые белые люди. Мы их не знаем, — раздались голоса.

Маньца встал и церемонно простился с Ильей и Князевым. Прийти за ответом им было назначено на следующий день.

ХАНСЕН НЕ СОГЛАШАЕТСЯ НА ТО, ЧЕГО ХОЧЕТ ШНЕЙДЕР

— Нет, господа, я не могу на это согласиться, — взволнованно говорил Хансен. — Раз уже я принял условия совета и обещал ему, что мы не будем переходить границы долинки, где стоит дом Великого — я должен сдержать свое слово. Повторяю: я не могу никому разрешить проникнуть к Великому.

— Вот глупости! — задорно воскликнул Шнейдер, молодой немецкий офицер из команды дирижабля. — Сразу видно в вас штатского, доктор. По-нашему, по-военному, дело обстояло бы гораздо проще: взвод. Один залп в воздух. Несколько пинков прикладами. Раз, два. Все в порядке.

Йельсон поддержал Шнейдера:

— Откровенно сказавши, я не очень представляю себе, из-за чего мы так церемонимся. Коль скоро этот Великий существует не только в фантазии туземцев и коль скоро он, как удалось выяснить, действительно является белым — ваша обязанность добраться до него. Быть может, это какой-нибудь опасный человек...

— Ну, мой друг, какой же человек, сидящий на Земле Недоступности, может быть опасен, кто бы он ни был? — со смехом заметил Хансен. — И кроме того, ведь эта земля давно объявлена советской. Поэтому и распоряжаться на ней может только власть Советов.

— Вот это мне нравится, — земля была объявлена собственностью государства, никогда ее не открывавшего и не пославшего на нее ни одного своего подданного, — рассмеялся Билькинс.

— Однако, это именно так. Об этом гласит декрет большевиков, объявленный ими еще в 1917 году. Ведь мы находимся в так называемом советском секторе.

Шнейдер молодо и задорно рассмеялся:

— Право, доктор, если бы я не чувствовал к вам такого уважения, я просто рассказал бы по этому случаю один занятный анекдотик. Но почтение к вам заставляет меня ограничиться замечаниями о том, что, по-моему, просто-напросто смешно самим ставить перед собой препятствия в виде явных фикций. Ведь не станете же вы меня уверять в том, что большевистское законодательство может быть признано разумным и обоснованным даже самым захудалым европейским юристом. Мало придумать и объявить какой-нибудь декрет, — с важностью на безусом лице объявил Шнейдер, — нужно же в конце концов иметь на это хоть какое-нибудь право. А о каком праве могут говорить большевики? Смешно! Я совершенно убежден, что большевики даже не рискнут осуществить своих посягательств на эту землю, коль скоро здесь уже подняты флаги таких держав, как мое славное отечество, — Шнейдер вытянулся и сдвинул пятки, его рука потянулась было даже отдать честь, — и как могущественное звездное знамя вашей страны, — он сделал жест в сторону американцев.

— Ну, в этом-то я сомневаюсь, — скептически заметил Билькинс. — Господа советяне или советисты, я не знаю, как их нужно назвать, не обладают таким характером, чтобы согласиться с доводами разума, не подкрепленными пушками наших дредноутов...

В разговор вмешался молчавший до того молодой американец:

— И вы знаете, что самое замечательное (я довольно много интересовался вопросами советизмуса или, вернее, большевизмуса) — у русских коммунистов есть все основания считать свое право на эти земли почти незыблемым. Ведь подумайте сами, для того, чтобы любое из наших государств могло отстаивать свои нарушенные права, оно все же должно суметь хотя бы через посредство прессы так осветить вопрос перед обществом, чтобы создать ясную картину своей правоты. Иначе мы не получим ни одного добровольца для операций против большевиков. А попробуйте-ка объяснить кому-нибудь, почему именно этот кусок

обледеневшей земли является столь необходимым для развития нашей промышленности или сельского хозяйства, чтобы стоило ухлопать несколько миллионов долларов на его отвоевывание у большевиков, или стоило бы заплатить за него жизнью нескольких десятков оборванцев, поступивших в армию или на военный корабль. Боюсь, что такая задача окажется не под силу даже нашим королям пера.

— Вы единственный, сэра, кого я считаю в этом вопросе правым, — серьезно сказал Хансен, — но я должен еще прибавить, что, по-моему, если бы возник серьезный конфликт из-за этой земли, то большевики не дали бы себе труда направить сюда хотя бы одного солдата. И все-таки именно они оказались бы победителями над всеми вооруженными силами и боевыми судами, высланными для занятия этой территории... Но, в общем, это дела не меняет. В данный момент я не хотел бы иметь никаких конфликтов с местными жителями, хотя они, вероятно, не считают себя подданными какой бы то ни было из держав. С ними нужно держать себя как с народом совершенно самостоятельным. Я предоставляю вам заниматься любыми научными работами в пределах, допускаемых нашим устным соглашением с Маньцей, но не больше. Что касается меня, то я свои работы уже окончил.

Хансен сделал приветственный жест и ушел по направлению к своему лагерю. Группа разбилась. Ученые разбрелись по туземному поселку. Большинство из них занимались детальным исследованием всего, что могло пролить свет на появление людей на этом отрезанном от всего мира клочке земли. При этом американцев особенно интересовал вопрос, почему именно самоеды оказались на этом острове в то время, как по их расчетам, если уж здесь появились люди, они должны были бы быть эскимосами. Между тем не только люди, но даже ездовые собаки их стояли очень далеко от лучше всего известных американцам лабрадорских и гренландских типов. Собаки очень сильно напоминали сибирских лаек. Как удалось выяснить, каменный уголь для постройки жилищ туземцы стали при-

менять сравнительно недавно — лишь с тех пор, как на острове каким-то таинственным образом появился Великий. Со времени появления этого же самого Великого туземцы научились использовать уголь как топливо. До того они пользовались для поддержания огня исключительно жиром морских животных. Кстати заметить, что, по словам туземцев, только за последние годы они стали испытывать некоторое ослабление морского промысла. До того полярные животные всех видов в изобилии приходили к Земле Недоступности. Ухудшение промысла совпадает по времени с резким изменением в климатическом режиме острова. Климат в долине, занятой поселком, сделался более суровым. Основное направление ветров изменилось. Сильно уменьшилось количество мышей-пеструшек вблизи поселка. Водившийся ранее в изобилии песец стал попадаться значительно реже.

При небольшой осведомленности туземцев о характере местности, лежащей в направлении, где приземлился «Граф Цеппелин», ученые не могли получить сколько-нибудь точных данных о местности, расположенной к северу от поселка. По словам жителей, в том направлении они бывали очень редко. Только на охоте. Там расположено много льда. Гладкая поверхность высокого ледяного плато изрезана глубокими и широкими пропастями. Края этих пропастей так круты и гладки, что ни один человек не может в них спуститься и через них перейти.

Один немецкий профессор записал со слов старика, еще более седого и более трясущегося, чем сам Маньца, сказку. Сказка не была старой, но детали ее почему-то исчезли. Образы стали тусклыми. Как на стершейся монете. Сказка была такова:

«Долго, очень долго жил на небе великий светлый дух добра Нум. Он внушал всему живому добрые намерения и мысли. Но лик его был так светел, что Нум никогда не наклонялся, чтобы взглянуть вниз, как живут люди. Нум боялся затмить ясность своих божественных очей. Он ограничился тем, что слушал. И по звукам определял, как люди исполняют свои добрые мысли и как они повинуют-

ся своим добрым намерениям. Велико, очень велико было ухо Нума. Оно простиралось над всей землей от края и до края. И все-таки Нум не услышал всего, что думают люди. Не смог проследить их добрых дел. В ухо к Нуму приходили звуки, будто люди делают так же хорошо, как думают. Об этом кричали в ухо Нуму шаманы людей. Они били в молитвенные барабаны. Они пели и стонали, чтобы заглушить скверные дела тех, кто приносил им жертвы. Они обманывали Нума. Они думали, что обманывают Нума. Они полагали, что, ежели Нум будет слышать только молитвенные барабаны и священные песни, этих звуков и песен хватит, чтобы заполнить его большое божественное ухо. Но им не удалось обмануть Нума. Нум был светел и мудр. Более светел и мудр, чем думали шаманы. Нум сказал:

— Пусть всякое место, на котором совершается доброе дело, ярко освещается солнцем. Пусть слабые звери приходят смотреть на людей, совершающих доброе дело.

И правда: трава проросла там, где делалось доброе, солнце светило и грело добрых людей. Звери приходили к таким людям и люди охотились на них, сколько хотели. Но Нум сказал и другое:

— Пусть там, где будет делаться худое, земля покрывается льдом. Пусть на дурных людей падает снег в таком количестве, чтобы засыпать их с головой. Пусть злые сильные звери приходят смотреть на злые поступки людей.

И действительно: земля обмерзла и покрылась льдом. Снег падал так, что люди ничего не видели и в нем вязли их ноги. Они не могли охотиться на приходивших зверей. Звери охотились на них и резали злых людей. Сидел Нум на небе и слушал, что делают люди. И вот слышит Нум, что его большое ухо делается все более и более пустым. Все меньше и меньше приходит звуков с земли. Как будто все люди спать легли. Долго слушал Нум. Долго думал Нум. Ничего не мог понять. И вот решился Нум тогда поглядеть на землю. И увидел Нум, что на земле не осталось уже почти места, не покрытого льдом. Засыпана вся земля глубоким снегом. Людей на ней даже и не видно, только злые

звери рыскают в поисках добычи. И понял Нум, что шаманы его обманывали. За священными песнями и громом молитвенных барабанов делалось на земле худое. Потому и померзла вся земля. Потому и снегом ее занесло. Потому и людей на ней только малая горсточка осталась. Это те немногие, что не обманывали Нума. Жили они без шаманов. И доходили от них до божественного уха Нума те звуки хорошей жизни, которую они действительно вели. Но только из-за злых людей плохо пришлось теперь и этим немногим. Мало оставалось у них земли, не покрытой льдом. А зеленой травки и вовсе не стало видно. И солнце перестало греть землю. И лед все больше ее покрывает и грозит вовсе заполнить. А снег валит так густо, что хорошие люди вязнут и не могут даже ходить. А зверей стало так много и так они осмелели, что не стало мочи у немногих людей с ними справляться и стали звери побеждать людей. И понял Нум, что, если не спасти этих немногих людей, вовсе переведется род людской. Спустился Нум на землю. Ступил ногой на лед, лед растаял. Провел по земле рукой — и проросла земля серебряным мхом и пушистой травой. Обрадовались люди. Думали, пойдет Нум по всей земле. Где ступит, там лед растает. Где коснется рукой, там зелено станет. Но Нум поступил иначе. Он сказал людям:

— Если вам дать много земли, вы опять народите много детей. Дети вырастут и станут делать такие же худые дела, какие делали ваши погибшие братья. Я не хочу больше слышать плохих дел. Я не хочу тоже, чтобы шаманы обманывали меня, посылая молитвенные звуки вместо того, что делают люди. Поэтому я не дам вам больше земли, чем занимает одна моя ступня. На этой земле вы будете жить и делать добрые дела.

Нум сказал так и ушел к себе. На земле остался только такой клочок оттаявшей земли, какой занимала ступня Нума. Это и есть та долина, в которой живет наш народ. На этой земле стало возможно жить. Хотя и много хуже, чем жилось раньше. Из-за плохих дел людей и лжи шаманов подо льдом погибли самые нужные животные. Такие животные, каких мы уже не видели и не знаем. Мы даже не

знаем, как они называются. Наши деды еще видели их и говорили нам, будто на одних из них ездили как на собаках. Только животные эти были большие. На головах у них росли большие кусты. А мясо их было так нежно и вкусно, что люди не употребляли никакой другой пищи».

Рассказчик подумал немного и грустно допел:

«Но Нум не дал нам снова этих животных. Он заставил нас трудиться для добывания пищи так, как не трудились наши деды. Жизнь наша стала такой трудной, что мы не смогли бы даже и делать ничего плохого. У нас не хватило бы на это сил. Жилища наши стали холодными. Света в них почти не стало. Одежды наши стали плохи. Пища стала скудна. Пропали бы мы совсем, если бы снова не сжалился над нами Нум и не послал нам своего советчика. Он послал его к нам на большой лодке. Но Аа послал ему вдогонку своих злых духов. Злые духи убили всех добрых духов, везших нумова советчика. Сели сами в лодку и повезли его к нам. Они хотели проникнуть на землю под личиной добрых духов. Но советчик, по прозвищу Великий, сказал нашему народу, что духи, привезшие его, пришли для того, чтобы внушать людям только злое. Люди взяли за оружие и убили всех духов, привезших Великого. Это было трудно. Люди были большие и сильные. У них были белые лица и светлые, как солнце, волосы. Они умели метать гром и молнию. Они убили много храбрых охотников из нашего народа. Но все-таки мы их всех перебили, благодаря мудрости Великого. Он привел наших охотников в лагерь духов, когда те, утомленные битвой, легли спать. Сонных мы их и умертвили. Я сам был тогда еще крепче и принимал участие в этой битве и в уничтожении злых духов. Мы им всем отрезали белые головы с солнечными волосами. Но прошло немного лет и к нам в стан снова пришли такие же белые духи с солнечными волосами. Великий сказал, что это те же духи вышли из моря, куда мы их побросали. Они хотели отомстить нам за свою смерть. Великий велел их снова убить. С тех пор они больше уже не приходили. Но Великий говорит, что эти злые духи очень хитры, могут снова прийти к нам в виде людей с белыми

лицами и солнечными волосами. Вот как у тебя, — заметил рассказчик, внимательно вглядываясь в слушателя, — и Великий говорит, что для того, чтобы не пропустить злых духов, нужно убивать всех людей с белыми лицами и солнечными волосами, которые придут к нам на землю».

Немец записал сказку только до этого места. Под слишком внимательным взглядом рассказчика у профессора стали бегать по спине холодные иголки. Он счел за благо уйти, не дослушав рассказа. По пути он поделился содержанием записи со Шнейдером.

— Ну, вот я так и знал, — воскликнул молодой офицер. — Разве не ясно, что этот Великий — какой-то мазурик, занесенный сюда судьбой и желающий избавиться от всякой возможности попасться на глаза людям его расы? Нет сомнения, что это какой-нибудь преступник-европеец.

Шнейдер свысока оглядел всех окружающих его членов экспедиции:

— Я беру на свою ответственность проверку того, кто такой этот таинственный Великий. Кто хочет меня сопровождать?

Желающих не нашлось. Шнейдер, закинув за спину винтовку, один пошел к поселку. К нему по пути примкнул встреченный Йельсон.

Вдвоем они беспрепятственно прошли до конца опустевшей улицы поселка. Не возбуждая ничьего внимания, проникли к узкому проходу в лощинку, где расположен дом Великого.

Через десять минут они стояли перед тяжелой дубовой дверью и с любопытством заглядывали в круглое стекло иллюминатора.

— Вошли? — нерешительно спросил Шнейдер спутника.

Йельсон смело толкнул дверь. Из горницы пахло тяжелым угаром. Офицеры, как вкопанные, остановились у порога горницы, с удивлением оглядывая совершенно неожиданное убранство. Было тихо. Слышалось только приглушенное посапывание, точно в соседней комнате кто-то спал. Шнейдер подошел к закопченной двери и широко

распахнул ее. Глаза его уперлись в темноту каморки. Из черноты ярко лучились раскаленные уголья жаровни.

— Мистер Йельсон, смотрите-ка, — обернулся он к Йельсону.

Но того уже не было в комнате. Вместо него на пороге в светлом квадрате двери выросли сразу несколько фигур туземцев. Они с криком бросились на Шнейдера. Из-за их спин выскочил трясущийся всем телом Маньца. Он с ужасом распластался перед постелью Великого; трясущимся голосом в страхе загнул:

— О, единый, о Великий! Светлый, мудрый! Злой дух оскорбил священный огонь твоего дома. Скажи, Великий, должен ли он тотчас умереть, или ты велишь умертвить его так же, как велел умертвить тех, кто проникли сюда до него?

Но занавеска не раздвигалась. Великий не отвечал.

Туземцы, навалившись, молча скручивали бешено отбивавшегося Шнейдера. Он хрипел и рычал, не будучи в состоянии произнести ни звука заткнутым обрывком шкуры ртом.

13.

МИСТЕР КИПЯТИТСЯ ЗРЯ

Билькинс распоряжался военными действиями. Он расположил стрелков на гребне, с которого виден был проход к долинке Великого. Выстрелами они отгоняли всякого, пытавшегося пройти от деревни к этому дому.

— Мистер Зарсен,— безапелляционно заявил Билькинс, — мы не пропустим в эту лощинку ни одного туземца, а вы должны во что бы то ни стало отыскать проход к ней с другой стороны. С несколькими людьми вам ничего не стоит отбить этого дурака Шнейдера.

На лице Зарсена не было заметно особой готовности выполнять военные планы Билькинса. Но делать было нечего. В сопровождении нескольких человек он пошел по гребню.

Тем временем экспедиционеры постреливали по лощинке, чтобы показать свою бдительность туземцам. При малейшем признаке движения в лощинке в нее сыпался град пуль. Скоро один туземец, пытавшийся пробраться в лощинку, лежал неподвижно навзничь. Через несколько минут появилась в начале узкого прохода густая толпа. Билькинс передернул затвор и, как только люди выказали намерение двигаться к дому Великого, прицелился, бросив своим соседям:

— Не зевайте, они хотят идти напролом. Нужно их проучить, иначе они захватят и Зарсена.

Люди вскинули винтовки. Звякнули затворы. Несколько стволов повернули в сторону медленно приближающихся туземцев. Стрелки мушками щупали свои жертвы. Билькинс настороженно считал секунды, готовясь скоmandовать залп.

Туземцы внизу расступились, открыв центр своей группы. Там, высоко подняв головы, шли два молодых охотника. Они вели под руки Хансена. Руки старика были скручены за спиной,

Билькинс вскочил, бросив винтовку. В этот момент он больше всего боялся какого-нибудь шального выстрела. Но прежде, чем он мог что-нибудь сообразить, туземцы снова сомкнули кольцо вокруг Фритьофа Хансена. Нельзя было сделать по ним ни одного выстрела без риска убить начальника экспедиции.

Билькинс почти совершенно потерял способность думать. Кровь стучала в виски. Он схватился руками за голову и, как раненый, стиснув зубы, качнул всем корпусом. Потом стал поспешно отдавать распоряжения:

— Мистер Кроппс, вы остаетесь здесь. Наблюдаете за поселком. Постарайтесь войти с ними в переговоры и дать понять, что, если что-нибудь случится с пленным, мы снесем к чертям все их лачуги... Я сейчас же мчусь к стоянке

дирижабля. Немедленно возвращаюсь сюда с «Графом Цепелином»... Пока мы будем собирать нарты, бегите с кем-нибудь вдогонку за Зарсеном. Он должен ехать со мной... Остальные остаются с вами.

Билькинс опрометью бросился в лагерь экспедиции. Он застал проводников за деятельным обсуждением событий.

— Эй, вы там, поворачивайтесь так живо, как могут двигаться ваши ноги и руки. Мистер Зарсен, тот, самый большой норвежец, и я сейчас же едем к старому лагерю, где остался воздушный корабль. Мы берем с собой всех собак. Кормить в дороге не будем. Пусть падут все собаки. Мы должны быть завтра на месте.

Михайло неторопливо поскреб бороду:

— Ничего не выйдет, мистер.

— То есть как это ничего не выйдет? — оторопел Билькинс.

— А так вот не выйдет. Собаки у нас не американские. Чай, свои собачки-то. Коли кормить не станем, поминай собачек, как звали.

Билькинс с трудом сдерживал кипевший в нем гнев. Наконец он не выдержал. Схватил Вылку за плечо, взбешено крикнул:

— Ну, будет дурака валять... Немедленно запрягать!

Илья вскочил, сбрасывая руку американца.

— Кази ему, Михайла: грозить мне не нада, — спокойно сказал он. — Коли мы не захочим, никуды ты езжать не станес.

Билькинс стоял совершенно ошеломленный. Вылка заговорил с Михайлой по-самоедски. Тот хмуро подавал короткие реплики. Потом вдруг оживился:

— Погоди, председатель, я так располагаю, што ехать нам с ними след. Нам сейчас как нельзя больше на руку с земляком нашим Федором потолковать.

Илья задумался.

— Может статья, — решил он наконец, — пускай так буде. Поидим, цто ли.

Михайло повернулся к нетерпеливо ожидающему Билькинсу:

— Ин ладно, мистер, не кипятись зря. Поедем. Нам самим эта волынка тут надоела до смерти. Гляди только, собирайся живым манером. За нами дело не станет.

Через полчаса четыре упряжки, запряженные двойными комплектами собак, мчались во весь дух по снежному хребту в обход угольного поселка. Взметая снежный след, они исчезли в том направлении, откуда несколько дней тому назад пробирались к таинственному поселку, скребясь по песку и камням.

VI.

УГОЛЬ И ФРАКИ

ФРАКИ НОРВЕЖСКИЕ

Пасмурный осенний день хмуро серел за окнами. Директор Андерсен неохотно вытащил длинные старческие ноги из-под одеяла. Шлепая ночными туфлями, подошел к дребезжащему телефону. В большом трюме тускло отразилась долговязая фигура в обвисшей мятой пижаме.

— Алло, у телефона Андерсен... Так... Не может быть... Колоссально!.. Невероятно!.. Лучший уголь... исландский шпат... Я совершенно растерялся от такого невероятного известия... Херре Кнудсен, сейчас же приезжайте ко мне. Мы посоветуемся, что следует теперь предпринять... Да, да... хорошо, жду.

Директор Андерсен уже не чувствовал неприветливого холода серого осеннего дня. Перед глазами его вставали необычайные видения. Он нажал кнопку звонка и не отнимал пальца до тех пор, пока не услышал, что встревоженный этим необычайно ранним трезвоном дом проснулся.

Через полчаса сияющий глянцевою розовостью выбритых старческих щек Андерсен возбужденно беседовал со своим помощником Кнудсеном.

— Значит, это все оказалось не пустой мечтой. Наша страна будет обеспечена собственным углем высокого качества.

— Да, молодец наш Зуль. Когда вспомнишь все его злоключения с этой незадачливой экспедицией Билькинса, делается жутко. Странно только, что сам доцент нам ничего не сообщил о своих приключениях. Это могло бы быть хорошей иллюстрацией для доклада в стортинге. Тогда бы депутаты узнали, как дается нам этот уголь, и не стали бы кричать о невероятных дивидендах нашей компании. Как будто они сами не дышат только этим же самым углем.

— Ну, этот стортинг, херре Андерсен, кажется, не станет ставить нам палок в колеса. Теперь там сидят ведь до-

статочно здравомыслящие люди. Промышленность представлена там на этот раз достаточно сильно: Миккельсон, Никольсен, Сара, Фальк, Сверреберг и вся их партия. Это ведь чего-нибудь да стоит.

— Ах, мой дорогой, — сокрушенно покачал головой Андерсен, — попадая в парламент, люди как-то непонятно перерождаются, и очень часто самые благонамеренные и разумные граждане, отлично ведшие свои торговые дела в частной жизни, начинают делать невероятные глупости, сидя на скамьях стортинга.

— Пожалуй, это верно, директор, — согласился Кнудсен.

За кофе разговор велся не спеша. Было еще слишком рано, чтобы куда бы то ни было торопиться. Только когда часы ударили девять, Андерсен обратился к Кнудсену:

— Я попрошу вас позвонить от меня в министерство промышленности и сговориться о том, чтобы я был немедленно принят министром.

Пока Кнудсен сидел у телефона, директор наспех закончил кое-какие домашние дела, которые он привык делать в пижаме. Потом вызвал старую служанку:

— Фру Герта, приготовьте мне фрак. Да только не через три часа, как вы любите это делать, а теперь же. — С важностью он добавил, как бы невзначай:

— Через полчаса я поеду к министру.

— О-о! — воскликнула старуха, сложив руки на колышущихся крахмальной горой кружевах передника.

Шаркая ногами, она побежала в кухню:

— Господин директор едет к министру. Я буду готовить ему фрак... Фрак! — многозначительно повторила она, подняв палец.

Министр выигрывал время для ответа, старательно стряхивая сигарный пепел с рукава. Наконец он поднял глаза на Андерсена:

— Я думаю, дорогой господин директор, что это уже не моя компетенция. О, конечно, я готов всемерно поддерживать вас перед министром иностранных дел, но вам, по видимому, придется все-таки действовать через него. Ведь эта самая Земля Недоступности, или как вы там ее назвали, находится в зоне владения коммунистического униона социалистов...

— Советского Союза,— поправил Андерсен.

— ... вот именно, я и хочу сказать: Советского Союза. Тут, вероятно, придется еще и поговорить. Да, так я говорю, вам надлежит обратиться в министерство иностранных дел.

Министр встал, делая вид, что тянется к звонку.

Андерсен понял, что прием окончен, достал из-под стула цилиндр. Выставив в сторону министра сверкающее донышко цилиндра, директор старательно отвесил поклон. Ни больше, ни меньше того, что следовало сановнику уважаемому, но не исполнившему ходатайства.

Министр иностранных дел был личным другом доцента Зуля. Он принял директора Андерсена более любезно, нежели министр промышленности. Желая доказать Андерсену свое полное сочувствие его планам, он отменил прием следующего посетителя и отдал еще четверть часа сверх нормы для детального обсуждения плана действий. Тут же был вызван советник отдела Восточной Европы доктор Зеренсен, и ему было предложено осуществить некоторый демарш в сторону посольства Советского Союза в Осло: надлежало выяснить, не слишком ли резкий отпор со стороны советского правительства встретит прямое посягательство на недра территории, которую королевское министерство иностранных дел склонно рассматривать не иначе, как *terra nullius*¹.

— Вы должны им дать понять, господин Зеренсен, что, по существу, декрет господина Калинина не может нами

¹ Букв. «ничейная земля» (лат.), территория, не находящаяся под суверенитетом какого-либо государства.

рассматриваться как документ международной нотификации. Вы сами понимаете, что...

Министр покрутил пальцами перед носом:

— От этой игры пахнет лежалой треской. Чистыми картами ее не выиграешь.

Министр решительно поднялся.

Андерсен и Зеренсен вышли вместе.

Пользуясь безлюдностью просторного коридора, директор отвел советника в глубокую нишу окна. Здесь, в знак неофициальности разговора, он взял советника за пуговицу сюртука и, покручивая ее, о чем-то зашептал в оттопыренное ухо старого дипломата.

Вернувшись в свой кабинет, советник долго говорил по телефону. Дважды вызывал секретаря. Затем весело, потирая руки, вызвал свою квартиру:

— Это ты, Марточка? Скажи маме, чтобы она сейчас же приготовила мне фрак — через четверть часа я буду дома... Нет, деточка, не в церковь... ха, ха, даже наоборот, это вроде преисподней... Нет, нет... ну, ты еще мала, я тебе это потом объясню.

Солидно постукивая по ступенькам, советник Зеренсен спустился по широкой лестнице министерства. Важно принял из рук швейцара шляпу и зонтик. Не спеша вышел на сверкающий от дождя асфальт Карл-Йоганнесгате.

Только удалившись от подъезда, советник прибавил шагу и, рамолично подволакивая ногу, заспешил к остановке трамвая.

Дав кондуктору пятнадцать эре, советник Зеренсен так весело напевал, что кондуктор даже поздравил его с удачной сделкой.

2.

НОРВЕЖСКИЙ УГОЛЬ

Это было последней надеждой. Но и она не оправдалась. Следа нигде не было. Сегодня утром Зуль поставил у

себя в книжке восьмой крестик. Восемь дней тому назад он вышел из лагеря экспедиции, чтобы взять пробу шпата. Вместо двух часов у него ушло на это восемь. И потому ли, что он не учел промелькнувших часов, или по какой-нибудь другой причине, но Зуль заблудился. В первый раз в жизни он не смог вернуться к лагерю.

Первый день он потратил на разыскание следов лагеря и не нашел их. На второй день он выбрал направление и пошел. По его расчетам, он должен был выйти к берегу. На берегу был расположен основной лагерь экспедиции и там же стоял дирижабль. Зуль шел семь дней. Ночи он методически проводил на месте, даже если ему не хотелось спать. Он должен был беречь силы. У него не было средств подерживать их. Не было с собой ничего, кроме плитки шоколада. А ее он необдуманно съел в первый же день, рассчитывая на скорое отыскание лагеря.

На третий день Зуль стал испытывать желание поесть. На пятый день это желание перешло в голод. На седьмой день голод пропал. Зато силы стали падать. Зуль уже не так бодро двигался вперед. Пока тянулись каменистые хребты, было еще ничего. Но, когда доцент перешел на сплошной покров, стало очень трудно. Ноги без лыж проваливались сквозь непрочную корку наста. Зуль двигался очень медленно. Так медленно, что он даже перестал верить в возможность достичь берега. Он не мог судить о пройденном расстоянии. У него не было никаких ориентиров. Вокруг простирались ровные скаты снежных холмов. Одни из них были повыше, другие пониже. Сначала Зулю казалось, что он отличает их друг от друга, но потом понял, что это не так. Когда небо совершенно очистилось от облаков, лучи солнца вырвали из поверхности снега фейерверки искр, холмы окутались ослепительным сиянием. Эти нимбы сливались в один общий поток искрящихся лучей необычайной силы. Зуль перестал разбирать отдельные вершины.

День за днем переходы Зуля делались все короче. На восьмой день он сделал одну большую передышку среди дня. На девятый день он сделал две передышки. На де-

сятый день, прежде чем пуститься в путь после ночевки, Зуль опустошил свои карманы. На утоптанном снегу (чтобы ничто не провалилось) он разложил свой груз.

Долго и задумчиво он рассматривал черные осколки угля. Сняв темные очки, любовно шурился на прозрачные кристаллы шпата. Он отобрал несколько наименее удачных образцов. Дрожащими слабыми руками засунул в снег и припушил еще сверху.

Остальное он снова засунул в карманы.

Так шел он еще день. Образцы оттягивали карманы. Приближаясь к намеченному часу ночевки, Зуль обдумывал вопрос о том, что можно еще выкинуть из карманов, чтобы не жертвовать образцами. Но все, кроме записной книжки и карандаша, было давно выброшено. Остались только осколки угля и кристаллы шпата. Сев на снег, Зуль снова разложил их перед собой.

Покручивая бороду, ставшую длинной и неопрятной, он внимательно рассматривал каждый образец. Ковырял черным потрескавшимся ногтем слоистые кусочки угля. Любовно собирал на кристаллах шпата играющие в их неправильных гранях косые лучи бледного солнца.

При этом он не произносил ни слова. Здесь, в этих странах, дорога каждая калория. Калории нужно беречь. Особенно, когда их нечем пополнить. А слова требуют калорий. И Зуль упорно молчал. Хотя временами ему до безумия хотелось закричать полным голосом. Закричать так, чтобы голос, перекатываясь по холмам, был возвращен ему приглушенным снегами эхо. Ему хотелось услышать человеческий голос. Хотя бы от эхо.

Но он молчал.

И в тишине, перекладывая с ладони на ладонь играющий всеми цветами спектра шпат, он вдруг услышал шорох. Зуль опустил руки и прислушался. Шорох исчез. Доцент затаил дыхание. Он прижал руку к сердцу, чтобы заглушить его удары.

Шорох повторился.

Зуль вскочил. Ошибиться он не мог. Это было перешептывание странствующих по морю льдин.

Там, за этим гребнем, идут ледяные поля.

Доцент поспешно собрал свои сокровища. Он пихал их в карманы вместе со снегом. Сколько было сил, он побежал к последнему гребню. Снег крепко держал его слабые дрожащие ноги. Зуль поминутно останавливался, чтобы набраться сил. Не хватало дыхания. В глазах прыгали искры. Но он добрался до гребня. Стоя по пояс в снегу, Зуль увидел с вершины холма берег. Влево и вправо, насколько хватал глаз, тянулась узкая полоса серой, истертой вековым напором льдов, гальки.

На серую полосу наползали тяжелые льдины. Их голубые бока были искрошены и обиты в далеком плавании. Некоторые льдины носили на себе ясные следы земли. Красные пятна пестрели на группе беспорядочно нагроможденных друг на друга торосов.

Это был лед. Настоящий морской лед. Зуль дошел-таки до берега. Но берег был пуст. На нем не было видно ни лагеря, ни стоянки воздушного корабля.

Зуль ошибся направлением. Он вышел не в том месте. А это была последняя надежда. Но и она не оправдалась. Следов лагеря нигде не было.

Зуль протянул руки к морю. Так он замер. Из его горла вырвался дикий крик. Этот крик разбудил его. И только тут он заметил, что в каждой руке он что-то держит.

В одной был черный кусок угля. В другой — кристалл прозрачного шпата. Зуль бессильно опустил в снег.

3.

ФРАКИ БРИТАНСКИЕ

Лорд Мюррей, посол его величества короля Великобритании при дворе его величества короля Норвегии, раздраженно откусил кончик сигары. Это случалось не часто. Обычно лорд Мюррей пользовался гильотиной. Но вне-

запное раздражение заставляет забывать не только привычки, а даже иногда и хороший тон. Посол выплюнул кончик сигары и так же коротко, как плевок, бросил в сторону вытянувшегося против него в кресле первого секретаря посольства, мистера Олькокка:

— Ослы!

Посол позволял себе не прибавлять никакого обращения при разговорах с мистером Олькокком, потому что тот был просто «мистер», и прибавлять было нечего.

Олькокк слегка приподнял брови и сдержанно подтвердил:

— О да, милорд.

— Идиоты, — прежним тоном буркнул Мюррей.

— О да, милорд.

— Дур-р-раки, — отрезал лорд.

— Я приглашу стенографистку, сэр, — холодно заметил Олькокк.

— Вот вы всегда так, — дернулся посол, — никогда не дадите мне выговориться.

— Я полагал, что это и есть тот меморандум, о котором вы говорили. Чем диктовать это вторично, с ваших слов, я просто хотел, чтобы его записали по первоисточнику.

— Вы не хотите понять нашего щекотливого положения. Ну, посудите сами, я должен поддерживать интересы какой-то явно дутой компании. Я совершенно убежден, что английские интересы в этом деле совершенно фиктивны. А между тем, с формальной стороны все как нельзя более в порядке. Компания смешанная. Английский капитал участвует в равной доле с норвежским, и я обязан оказать поддержку какому-то подозрительному субъекту, располагающему якобы половиной паев в этом предприятии. А вот помяните мое слово: шиш с маслом получит Англия со всего этого дела. Почти наверняка угадываю здесь шашни этой старой лисы Зуля. Поверьте мне, если вы увидите в Норвегии три паршивых кусочка угля, то наверняка те два, что получше, прошли через руки этого почтенного доцента.

— И вы полагаете, сэр, что в данном случае было бы проще успокоиться и предоставить эти фантастические заявки американским претендентам?

— Нужно быть дураком, чтобы не понять, что это действительно проще всего. Но... но дипломаты его величества еще никогда не искали выходов, ориентируясь только на простоту. Наша основная задача в данном случае — не дать проглотить кусок этим горластым янки. Вот и все. А потом уже, когда мы будем уверены в том, что заявки норвежско-английской компании признаны и американские притязания отпали, тогда уже мы подумаем о том, как сделать эти заявки чисто английскими. Вот тут-то и вляпается этот самый Зуль, если только участие нашего капитала в данном случае дутое. Черт с ним, пусть наживается какой-нибудь проходимец, нанятый Зулем за несколько фунтов в качестве держателя английского портфеля. Важно, чтобы он был подданным его величества.

— Итак, сэр, — перебил посла Олькокк, — если я правильно понял, наши акции должны быть направлены в сторону Советского Союза, конечно, через местное министерство. Но это направление не так существенно. Гораздо важнее акции в направлении американском.

— Да, пожалуй, именно так, мистер Олькокк, — облегченно вздохнул посол.

То, что он назвал секретаря по имени, означало удовлетворение, Дальнейший разговор был излишен.

.

По лестнице посольства спускались двое, высокий худой блондин — Олькокк, первый секретарь, и маленький коренастый блондин — Браун, второй секретарь.

Они удовлетворенно оглядели себя в широкое зеркало, занимающее целую стену холла. Белоснежные манишки ослепительно горели между черных лацканов. Ласточкины хвостики фраков слегка колыхались на ходу.

Олькокк медленным, размеренным движением поднял руку. В глазу у него заблестело круглое слепое стеклышко. Браун сделал то же самое быстро и отрывисто.

Оба надели строгие черные пальто и котелки.

У подъезда их ждали машины. Олькокк сел в длинный черный кузов «Кросслея». Браун взялся сам за руль маленького зеленого «Роуера». Шипя по гравию аллеи, машины разбежались в разные стороны. На радиаторах трепались маленькие сине-красные флажки с крестом святого Георга.

4.

ФРАК АМЕРИКАНСКИЙ

Хармон недовольно отбросил бланк депеши и хмуро взглянул на секретаря:

— Ну?

— Это все, сэр.

— Пошлите их ко всем чертям.

Секретарь замялся.

— Кого именно, сэр?

Хармон дернул головой:

— После отпуска вы стали еще бестолковее. Можно подумать, что вы женились.

— Но я не понял...

— Нечего было и понимать; конечно, никого.

— Понимаю, сэр.

— Уголь... то есть нет, этот остров должен быть моим. Что они воображают, что я ради чьих-то прекрасных глаз ухлопал в это дело чертову прорву денег? Как бы не так!

— Английская пресса считает, что ваше пассивное отношение к известиям с Земли Недоступности и нежелание спасти капитана Билькина...

— Английская пресса... — перебил Хармон. — Что вы мне вечно тычете английскую прессу? У нас есть американская пресса, и ее мнение является единственно обязательным для всякого американца... В общем, это сообщение нашего посла в Осло вы попросите пока не опубликовывать. Пусть государственный департамент окажет самое твердое сопротивление покушениям норвежско-английских претендентов. Сначала нужно отогнать эту свору, а там мы увидим, как сговориться с большевиками.

— Но, сэр, государственный департамент, как и в прошлый раз, может иметь свое мнение по этому вопросу. Как и в прошлый...

— Свое мнение могут иметь только те, кто не состоит у меня на жаловании. Если вы снова сунетесь к чужим людям, то, конечно, опять провалите все дело. Узнайте в нашем иностранном отделе фамилии...

— Я вас вполне понял, сэр, — почтительно перебил секретарь.

Хармон ногтем прочистил широкую щель между большими желтыми зубами. Сплевывая досадное напоминание о завтраке, жестом отпустил секретаря. Вдогонку бросил:

— И скажите, чтобы в течение получаса никто не лез.

Он откинул голову на мягкую спинку глубокого кресла. Через пять минут по придушенной тишине кабинета разносился тихий с присвистом храп антрацитового короля.

— Боже мой, опять этот уголь! Только и знают — нефть и уголь! Уголь и нефть! Люди положительно помешались на этих ископаемых. Право, Сюзи, жизнь наших отцов была интереснее. Дипломаты того времени рассуждали о высоких материях. А мы? Мы только и знаем, что возиться с углем и нефтью. Мы скоро почернеем от них. И ходим-то мы, как какие-то углекопы. Я думаю, что уважающий себя дипломат того времени просто упал бы в обморок, увидев,

как я отправляюсь с официальной нотой государственнейшего значения в посольство его величества короля Великобритании, императора Индии, ты понимаешь, Сюзи, — И н д и и! Это чего-нибудь да стоит ведь! Как я отправляюсь туда в светлом осеннем костюме с галстуком в красных полосах. Это я — советник государственного департамента Штатов! О боже! А прежде-то фраки, тугие как панцирь манишки. И обязательно краешек звезды из-за лацкана... Да, моя крошка, а теперь — серый пиджак! Это — костюм дипломата величайшей из великих держав... Сюзи, да ты уже спишь...

Советник натянул одеяло на самый подбородок и повернулся к стене.

5.

АМЕРИКАНСКИЙ УГОЛЬ

Четыре собаки издохли в упряжке. Три из них в упряжке Зарсена. Он был чертовски тяжел. Пришлось перепрячь к нему в сани по одной собаке из остальных саней.

Вылка ворчал. Собаки не могут выдержать такой гонки. Но Михайло на каждой остановке бросал ему несколько слов по-самоедски, от которых у Вылки жутко пробегали по спине морозные пупырышки. Он качал головой и каждый раз с недоверием задавал один и тот же вопрос:

— Думаес ты, пройдет такая дела?

— Небось, пройдет, только б нам не сговнять, — успокоительно хлопал его по спине Князев.

На остановках собаки лежали смирно и почти не дрались. Они были измучены. Получали половинную порцию.

Зарсен был мрачен и зол. Ему надоело почти круглые сутки без сна и отдыха сидеть, вцепившись в мечущиеся из стороны в сторону сани. Собаки рвали и бежали неровно.

Если бы не Вылка и не головная упряжка, Зарсену, вероятно, вообще не удалось бы заставить своих собак тянуть. Второй причиной скверного настроения было то, что он, свалившись с саней на острой заструге, разбил свою походную флягу. А это был единственный источник поддержания его сил в пути. Продовольствия для облегчения саней с собой почти не взяли, рассчитывая быстро добраться до стоянки дирижабля.

И последним, самым основательным источником неудовольствия Зарсена было исчезновение Зуля. С ним были связаны все надежды на реализацию планов, сделавшихся уже почти своими, такими близкими к осуществлению.

Не стало Зуля. Исчезло представление о возможности или невозможности использовать тот самый уголь и какой-то шпат, о которых только и говорили вокруг него геологи.

Напротив, Билькинс был бодр и весел. Он громко покрикивал на свою упряжку, отпуская ей такие тяжеловесные удары, что собаки с воем стремились вперед, угрожая целостности постромок.

Иногда Билькинс даже напевал. Временное пленение Хансена не внушало ему больших опасений. Будущее представлялось ему в самом радужном свете. Он мысленно подсчитывал последствия совершенно неожиданно сделанных открытий. «Ископаемые должны будут окупить этой акуле Хармону затраты, сделанные на подводную экспедицию. Если и не удастся действительно добыть отсюда ни одной унции угля, то уж акций-то он по этому поводу выпустит на сумму, в десять раз превышающую все расходы по моей экспедиции, — думал Билькинс. — В общем мне, конечно, наплевать и на уголь и на акции Хармона. Важно то, что это открывает возможность еще раз залезть в его мошну и организовать что-нибудь толковое. Ах, если бы быть так же уверенным в деньгах, как бывает почему-то уверен приятель Бэрд, я бы им показал, что такое Билькинс... Впрочем, на этот раз мне не помогло и тринадцатое число... Хотя, впрочем, как считать. Ведь не каждый день американский флаг приобретает около полюса угольные копи...

Большевики? Ну, это пустяки. Наши как-нибудь утрясут. А в крайнем случае...»

Дальше Билькинс обычно не думал.

Собаки, скуля и твякая, тянули четверо саней. От высушенных языков шел пар. Висящая у паха клочьями шерсть мокла от пота.

Как только собаки немного сдавали, Билькинс вытягивал вперед бич и весело кричал:

— Ну, ну, собаки! Еще немного, и вы получите по хорошей жирной порции акций в угольном обществе «Недоступность и компания».

Если эти слова долетали до Зарсена, тот мрачно отворачивался и, собрав обильно идущую от голода слюну, злобно плевал в быстро бегущий от саней, наслезанный полозьями снег.

6.

ФРАКИ ГЕРМАНСКИЕ

Советник Риппсгейм торопливо сунул за край жилетки упорно вылезавшую манишку. Расправив пониже спины короткие фалдочки фрака, шумно опустился на кресло с высокой готической спинкой. Откашлявшись, начал:

— Милостивые государи. Настоящее экстренное собрание совета нашего Воздушного Ллойда должно заслушать официальное подтверждение тех прекрасных известий, которые принесла в последние дни пресса. Наши самоотверженные воздухоплаватели достигли колоссальных успехов. Мало того, что ими достигнуты широты, еще никогда не посещенные воздушными судами, но в этих широтах ими открыта земля, могущая служить блестящей базой нашим воздушным кораблям, долженствующим обслуживать имеющую быть открытой, прекрасно запроектированную нашими лучшими специалистами основную трансатлантичес-

кую линию, долженствующую послужить базой...

Советник приостановился, чтобы найти ускользнувший от него конец непомерно растянувшейся фразы. Запутавшись в придаточных предложениях, он этого конца не нашел и, налившись от досады пунцовостью по румяным и без того щекам, начал новую:

— Но, кроме блестящей базы и колоссальных возможностей, нашими учеными сделано открытие пирамидальной важности — прошу вас, милостивые государи, сохранить спокойствие — на Земле Недоступности открыт гелий.

Риппсгейм снова приостановился и поднял руку. Как по команде, члены совета, широко открывая усовые и бритые рты, крикнули:

— Хип, хип! Ура! Ура! Ура!

Советник опустил руку.

— Я вижу ваш патриотический восторг. Наша страна получила газ, столь необходимый для процветания ее воздухоплавания. Но этого мало. На территории нашей базы открыты ископаемые. Они, конечно, составляют собственность страны, снарядившей экспедицию. Там найдены уголь и исландский шпат. Наше уважаемое общество не занимается эксплуатацией недр, но ничто не мешает нам создать специальную компанию для использования ископаемых богатств открытой нами земли. Такая компания могла бы дать значительные дополнительные средства для развития нашей основной работы...

Риппсгейм говорил еще долго. Он еще несколько раз пытался построить очень нравившиеся ему длинные стройные фразы. Но от волнения они ему сегодня не удавались. Отказавшись от внешнего успеха своей речи, он удовлетворился тем впечатлением, которое произвело ее содержание.

Вопрос об организации дочернего общества вызвал оживленные прения. Было неясно: должны ли нынешние держатели акций автоматически получить право на льготное приобретение акций нового предприятия, или акции могут уйти на сторону, распылиться?

Пришли к тому, что держатели основных пакетов акций Ллойда, являющиеся и членами его совета, приобретают преимущественное право на покупку акции по половинной стоимости от объявленного номинала. Чтобы дать возможность господам членам совета осуществить свое право, им должен быть предоставлен кредит за счет субсидий, получаемых Ллойдом от имперского правительства. Таких привилегированных акций должно быть не менее пятидесяти одного процента. Остальные сорок девять в бумагах минимальной нарицательной стоимости пускаются в продажу и распространяются среди мелких держателей. Эту меру диктовала осторожность. Оставалось невыясненным, будет ли общество иметь практическую возможность эксплуатировать недра Земли Недоступности? Местоположение этого острова внушало некоторые опасения.

Вопрос был уже совершенно ясен. Секретарь собирался закончить протокол, как вдруг один из членов совета, худой старик с пушистой седой бородой, поднялся с места. Костлявой рукой он, не спеша, оседлал нос старомодным пенсне. Раздельно и неторопливо повернулся к советнику Риппсгейму:

— Я прошу, господин председатель, предоставить мне слово.

— Слово имеет граф фон дер Риппербах, — предупредительно оповестил советник, делая вид, что он кланяется в сторону графа. В действительности он, нагнувшись, под столом заправлял под жилетку вылезающий язычок манишки.

Граф фон дер Риппербах говорил медленно и нудно. Он всемерно, от всей души истинного немца приветствовал проект совета и одобрял колоссальные открытия, сделанные экспедицией; ему нравились пирамидальные возможности дальнейшего процветания бессмертной идеи дорогого друга, господина покойного графа Цеппелина...

Присутствующие сделали вид, что они хотят привстать при звуках почтенного имени.

Докладчик переждал секунду и так же нудно и скучно продолжал свою речь. Когда господа члены совета стали бы-

ло уже принимать наиболее удобные позы в своих креслах, чтобы незаметно вздремнуть под речь маститого графа, до них донеслось шепеляво произнесенное слово: «большевики». Совет моментально встрепнулся. Оказывается, речь шла о том, что Земля Недоступности по сути договоров, заключенных между Германией и Советским союзом, должна быть признана собственностью последнего. По мнению графа, это было неоспоримо.

— До тех пор, пока наше неразумное правительство, руководимое представителями наименее благонамеренных слоев всегда вольнодумствующей интеллигенции, не поймет, что достоинство нашей великой родины требует совсем другого отношения к большевикам, а не расшаркивания перед ними, до тех пор, повторяю, мы не сможем распоряжаться нашим законным достоянием, укрытым в недрах Земли Недоступности.

Неожиданное выступление уважаемого графа заставило собрание потратить еще целых три часа на обсуждение вопроса. При этом, по разъяснении наиболее авторитетных членов совета, собранию стало очевидно, что основная опасность заключается вовсе не в том, о чем говорил граф Риппербах. Основным препятствием к осуществлению блестящего плана советника Риппсгейма являлись претензии, заявленные на недра Земли Недоступности Норвежско-Английской угольной компанией и американским угольным синдикатом антрацитового короля Хармона.

— Вот это много серьезнее. В первую голову нам нужно добиться аннулирования именно этих претензий. А большевики... Пфе... я думаю, что они даже не станут настаивать на своих правах. У них слишком мало средств для их реализации. Во всяком случае, это уже дело нашей дипломатии... Да, я так думаю, — уверенно закончил маленький толстый блондин с пушистыми усами. Он брезгливо оттопырил мясистые губы и еще раз пренебрежительно бросил:

— Да, большевики — это несерьезно... пфе.

На этом заседание и кончилось. Члены совета загревели тяжелыми стульями с высокими готическими спинка-

ми. Оправляя шелковые лацканы, они затрясли птичьими хвостами фраков к выходу.

7.

ГЕРМАНСКИЙ УГОЛЬ

Шнейдер со стоном повернулся на другой бок. Тонкие ремни больно резали скрученные за спиной руки. В висках молотками стучала кровь от тяжелого угара, стлавшегося по полу из дверей чулана.

Шнейдер с ненавистью оглядел молодого охотника, неподвижно сидящего у дверей. При всяком движении офицера охотник настороженно привставал, хватаясь за рукоятку ножа.

За дубовым столом против Шнейдера спокойно сидел Хансен. Он был свободен. Ему была предоставлена возможность общения с Великим. Но Шнейдеру под страхом смерти было воспрещено обращаться к кому бы то ни было. Он с завистью прислушивался к мягкому голосу Хансена, на ломаном русском языке разговаривающего с Великим.

Великий смотрел немигающими глазами на старого путешественника. Временами он поднимал руки и усиленно тер виски.

— Болит... как болит, — медленно говорил он. — Ты первый... да, я хорошо помню: ты первый, кто понял мои слова... кроме Анны... Анна... если бы ты ее знал.

Глаза Великого расширились и бессмысленно останавливались на лице собеседника. Хансен с трудом выдерживал немигающий взгляд огромных голубых глаз. Он обратил внимание на то, что эти глаза не по возрасту свежи и чисты. Только временами взгляд их делался тяжелым; казалось, что глаза сами темнеют и делаются тусклыми.

Хансен пользовался каждым удобным моментом, чтобы задать один и тот же вопрос:

— Попробуйте припомнить, кто вы?

Великий задумчиво качал головой:

— Я же сказал уже, что я Великий советчик... Я послан сюда Единым Светлым для того, чтобы вывести на большую дорогу живущих здесь пасынков природы... Они сначала думали, что я сумасшедший, это им сказали мои матросы, ха-ха-ха... Но матросы за это дорого заплатили. О, очень дорого... Что вы говорите? Как звали матросов?.. Не знаю... Кажется, это были духи третьего класса... Такие маленькие деревянные щепочки. Иногда их делают еще из кусочков камня. Вы знаете? Подойдите сюда поближе...

Великий впился цепкими пальцами в плечо Хансена.

— Я всем им велел снять головы. Ха-ха-ха, духи — и вдруг без голов. Какие же эту духи!

Великий неуверенно сделал шаг в сторону лежащего на полу немца, но от слабости покачнулся и сел на лавку,

— Я еще не могу ходить... Он лишил меня ног... Но скоро я снова буду крепким и молодым, вы знаете, я это уже нашел.. Послушайте, вы мне открыли уже многое, но я забыл спросить у вас, кто этот вот?

Он кишу л в сторону Шнейдера.

— Это немецкий офицер с воздушного корабля «Граф Цеппелин». Он очень дельный штурман, и нужно сделать так, чтобы его поскорей освободили,

Великий вздрогнул.

— Освободили? Нет, нет! Хватит того, что вы сидите здесь, как равный. Маньца так хотел. Черт с ним, я иногда исполняю желания этой старой песочницы... Но этого освободить нельзя. Разве вы не знаете, что он пришел сюда за углем?.. Скажите мне, кто он?

— Я же сказал вам — немец.

— Немец? Да, да... знакомое слово... очень знакомое слово. Откуда я его знаю?.. Подождите, не перебивайте... Нет, не могу припомнить, но вы не думайте, я знаю это слово. Потом я вспомню и запишу... Посмотрите сюда, вы видите? Это все написал я. Здесь записано все... Нет, нет,

не подходите... Я велю вас сейчас же убить, если вы попытаетесь заглянуть в эти тетради. Ах, да, я забыл про этого немца. Да, так вы знаете, зачем он сюда пришел?

— Вы сказали, что за углем, но я не думаю, — спокойно заметил Хансен.

— А я знаю. Именно так.. Да, да, именно так... Они уже приходили. Вот такие же белые и чистые... оттуда... Откуда? Вот видите, вы меня сбили, я забыл, откуда же он пришел... Ну, ладно, это неважно. Так он пришел за углем. А вы знаете, что определяет за это закон? Чей? Как чей? У нас же действуют совсем новые законы. Их создал я. Вот завтра вы увидите. Мы дадим ему так много угля, как он еще никогда не имел, этот немец... Если я буду здоров, потому что я сам хочу это видеть. Это очень интересно. Он будет очень кричать...

Великий метнул страшный взгляд на лежащего офицера. Хансен вздрогнул. Он решил во что бы то ни стало освободить Шнейдера. Власть сумасшедшего, по-видимому, простиралась здесь достаточно далеко, чтобы Шнейдер действительно мог завтра же сделаться жертвой его изуверства.

Но как убедить туземцев в том, что Великий — безумец? Ведь для них безумие и святость — одно и то же.

Хансен решительно взглянул на Великого:

— Вы ошибаетесь. Именно этому немцу не нужен уголь. Я обещаю вам, что он уйдет отсюда сейчас же, не взяв ни одного куска вашего угля, и больше никогда сюда не вернется. Я сам остаюсь у вас заложником вместо него.

Великий хрипло рассмеялся:

— Ему не нужен уголь?.. Вы думаете, что я дурак или безумец? Вот завтра вы увидите сами.

— Он сейчас сам подтвердит вам то, что я сказал, — ответил Хансен и, забыв запрет, обратился к Шнейдеру по-немецки:

— Подтвердите, пожалуйста, Шнейдер, что вы навсегда отказываетесь от каких бы то ни было посягательств на здешний уголь, и скажите, что вы пришли сюда вовсе не за углем.

Шнейдер обрадованно дернулся в своих путах и быстро заговорил.

Охотник, сидевший около него, блеснув клинком, бросился на офицера.

8.

ФРАКИ МЕЖДУНАРОДНЫЕ

— Конференцию международного комитета освобождения полярных христиан считаю открытой. Слово предоставляется представителю его святейшества.

Сверкнув переливами электричества на складках лилового шелка, его высокопреосвященство кардинал ди Маранья, делегат Ватикана, поднялся.

— Во имя отца и сына и святого духа. От имени его святейшества, наместника престола свитого Петра, я предлагаю собравшимся прекратить взаимные распри из-за бранных сокровищ, обнаруженных отважными воздухоплателями на далекой Земле Недоступности. Святейший отец готов взять на себя решение ваших споров после того, как будет выполнена основная задача, ради которой собрались мы здесь. Пусть мы забудем на время о том, что недра острова содержат богатства, необходимые разным народам и странам для их процветания и благоденствия. Будем помнить только об едином — там, оторванные от всего мира, живут меньшие наши братья, созданные по такому же образу и подобию божью, как и мы с вами. Они нуждаются в просветительном слове христовом. Сказать это слово может только наша святая церковь. Так давайте же объединим силы и средства на том, чтобы освободить наших далеких северных братьев из-под ига еретиков и безбожников. Мы должны доказать, что декрет, объявленный большевиками, будто бы Земля Недоступности принадлежит им, ни на чем не основан. А если понадо-

биться, то силою меча, сопутствуемого святым распятием, мы должны доказать нашу правоту. Я предлагаю теперь же образовать под руководством святой католической церкви единый международный фонд борьбы за освобождение полярных христиан. Амен.

Шурша шелком, кардинал сел.

После него говорили представители всех европейских стран. Они сливались в едином порыве оказать поддержку святому отцу в его священном походе за освобождение заброшенных на край земли забитых братьев их. Особенно цветисто и убедительно говорили: представитель Норвегии, советник Зеренсен и представитель Великобритании лорд Мюррей. Германия официально представлена не была — от имени немецких христиан говорил баварский католик, коммерции советник Риппсгейм. Не были представлены и Соединенные Штаты. Христианские общины этой свободнейшей из стран прислали своего неофициального наблюдателя — Натана Хармона. Впрочем, теперь он уже не был Натаном. Его имя было Найльс. Он переменял ради такого случая веру своего праотца Моисея на крестик, присланный ему самим папой римским.

Именно этот представитель американских христиан и положил начало международному фонду отца Маранья. Откинув блестящую атласом фалду фрака, он вынул заранее заготовленный чек. Справа в углу голубого листка было аккуратно выведено: «1 000 000» и в скобках стояло: «Один миллион».

VII.

«БОЛЬШЕВИК»

1.

«БОЛШЕВИК» ИДЕТ В ПОХОД

Владимир Голицын, не торопясь, подошел к пристани. Это был высокий, худой, немного сутуловатый парень лет двадцати семи-восьми. Из-под распахнутого бушлата глядели край голубого воротника форменки и острый треугольник полосатого тельника. Они ярко обрамляли коричневый загар крепкой шеи. Голицын снял фуражку с большим нерусского образца козырьком, закрывавшим чуть не половину лица. Под прямой удар ярко играющего солнца открыто встало узкое, коричнево-загорелое лицо с таким же коричневым, гладко выбритым черепом.

На пристани было тихо и пустынно. Издали доносился скрип и фырчание лебедок, грохот кранов, шлепание опускавшихся на гранитные дебаркадеры мешков, дробное громыхание катящихся по следам бочек. Терпкая духота пыльного зерна плыла в знойном воздухе от того места, где швартовались впрыток к длинной веренице красных вагонов хлебные экспортеры. Тяжелый, тошнотный дух бобового масла полыхал от падающих серыми грудами связок мешков. Поодаль у желтеющей штабелями экспортного леса биржи выстроились лесовозы, до труб заваленные яркими, остро пахнущими свежим распилом, пропсами и балансами¹. По самому верху желтых нагромождений, крича во всю глотку, перебегали безошибочно-точные в своей кажущейся бестолковости стивидоры².

С другой стороны на обрамленный измочаленными бревнами камень навалились американцы. Над их баками и ютами беспомощно болтались в воздухе подцепленные решетчатыми руками кранов огромные ящики.

¹ Виды круглых лесоматериалов для, соответственно, крепления горных выработок и изготовления целлюлозы.

² Ответственные за погрузку и разгрузку судов в портах.

За шеренгой американцев, полоща белыми с красным кругом флагами, стояли японцы. Стрелы высоких мачт предупредительно и быстро складывали на набережной груды каких-то остро пахнувших плетеных корзин.

Голицын привычным ухом уловил далекие голоса лихорадочно живущего порта. Давно терся в них. Заманчивые и возбуждающие вначале, успели уже надоесть. Он с наслаждением вобрал в себя знойную тишину той пристани, где стоял.

Об ослизлые зеленую бревна тихо хлюпает вода. Пологие ленивые волны Золотого Рога замаслены радужными разводами. Вода густа, почти тягуча. Как вода у дебаркадеров всякого порта. Вместе с размеренным дыханием скользких черных волн методически поднимаются и оседают сгрудившиеся тесным рядом шампунки. Они тихо стучаются друг о друга бортами. Разметавшись, спят в них лодочники-китайцы. Некоторые сидят, поджавши ноги, на высокой корме своих лодок. Созерцательно дымят длинными тонкими трубками.

Глянув на середину Золотого Рога, туда, где тяжелые маслянистые волны переходили в дробную рябь, Голицын внимательно присмотрелся к черному, утюгообразному кораблю. Когда на баке этого корабля мелькнуло белое пятно форменки, Владимир поспешно сложил ладони дулочкой и изо всей мочи протяжно крикнул.

— На-а «Большевики-е-е-ее»! — пронеслось по темной ряби.

Владимир помахал над головой фуражкой. Подождал. Крикнул еще раз. С тем же успехом. Беляк форменки на темном судне исчез, но шлюпки так и не было.

Владимир терпеливо уселся на огромный чугунный кнехт. Набил трубку, закурил. Шлюпки не было. Он подошел к веренице шампунк.

— Ходя-э!

Сразу несколько фигур, как на пружинах, вскочили в своих лодках. Курившие поспешно засунули трубки за матерчатые пояса широких синих штанов. Поднялся невероятный крик:

- Моя... ходи сюды!
- Моя, моя, товарыш!
- Товарыш, ходи сюды!.. Моя люцы юли-юли.

Владимир дал немного улечься крику и вопросительно бросил:

- «Большевик» юли-юли десять копеек.

Снова поднялся крик. Все поголовно были согласны. Владимир прыгнул в ближнюю шампуньку:

- Катай на «Большевика»! Гривенник!

— Не мозна гривенник... двадцати копейка, — с деловым видом возразил китаец, поспешно прилаживая кормовое весло.

— Ну и мазурик же ты, братец, — засмеялся Голицын и сделал движение выскочить обратно из лодки.

Китаец испуганно бросил весло и схватил Владимира за рукав.

— Ляна, ляна, — поспешно закивал он, — сиди, сиди. Десять копеек на «Большевик» катать будем.

Он быстро загаланил кормовым веслом и шампунька, неуклюже переваливаясь с борта на борт, медленно пошла к середине бухты.

Огибая с кормы большой плоский корпус, прошли под размашистой вязью «Большевик». Накладная медь, надраенная до зеркала, ярко горела на солнце.

Владимир вручил китайцу тут же бережно увязанный в тряпочку гривенник и вбежал по трапу. Под спардеком столкнулся с лениво прогуливающимся вахтенным матросом.

— Ты что же, оглох, что ли? Из-за тебя гривенник выкидывать! — полусердито, полущутливо бросил Голицын.

Матрос не спеша вынул изо рта трубку и, сплевывая широкой струей за борт, пренебрежительно скосился:

— Ай адмирал недорезанный? А я ить думал — машинист.

— Ишь фря палубная... твоя власть. Погоди, ужо в море будем.

— Ин ладна-а, — протянул матрос и, засунув руки в карманы широченных парусиновых штанов, не спеша зашлепал босыми ногами.

Владимир спустился к себе. Быстро переоделся в синюю робу. По дороге в машину заглянул к третьему механику:

— Как, Иван Ильич, окончательно двигаем?

— Сегодня к вечеру снимаемся с якоря. «Сам» приказывал команде после обеда на борту быть.

— Я вчерашний день с ребятами из гимеотдела виделся. Говорят, зряшное дело затеяли. Мало того, што поздно выходим. Льды в этом году наверху чертовские.

— Как бы не застрять.

— Ну, а что же, по-ихнему, «Ставрополь» и «Колыму» там так и бросить?

— Вот в том и вопрос: вытащим ли?

— Дуйте-ка вниз. Я сейчас приду. Надо сейчас с валом кончить, я вчерась глядел, ребята там у дейдвуда¹ не совсем ладно затащили. Как бы бить не стало.

Работая внизу в туннеле гребного вала, Владимир не слышал даже полуденных склянок. Окликнули из машины ребята.

Быстро пообедав, вылез наверх. С берега один за другим подходили фансботы с возвращающейся командой. Матросы с медно-красными лицами, с выгоревшими до льняной бели волосами, бойко взбегали по крутому трапу. Кочегары с большими иссиня-черными глазницами на мучных лицах шли не спеша, задористо переругиваясь с матросами.

К часу дня прибыл командир. Старый ледокольный капитан Воронов.

Плотный, небольшого роста старик не по комплекции легко и быстро взошел по трапу. Шевеля седыми, коротко подстриженными усами, говорил раздельно, не спеша. Густой бас его уверенно перекачивался по царящему над палубой шуму.

¹ Подводная оконечность судна с металлической трубой для вывода наружу гребного вала.

К вечеру шум стих. Было доделано все. Командир собрал на просторном юте команду. Взобрался на брашпиль:

— Товарищи, нам предстоит тяжелый поход. Время для плавания в северных водах самое неподходящее. Но ведь нам с вами не впервой. Не правда ли? — улыбнулся он, глядя на безусые внимательные лица людей, тесно обступивших брашпиль. — Задача нелегкая, но нам нужно ее во что бы то ни стало выполнить. Два советских корабля застряли на обратном пути из устьев Лены. Мы должны привести их сюда. За себя нам бояться нечего. Даже если бы пришлось зазимовать. Дело не страшное. Судно отличное. И все-таки мы должны работать так, чтобы не зимовать. Зимовки не выдержат те суда. Предупреждаю, что мне придется в походе кое с кем из вас повоевать. Я говорю о тех, кто захочет в горячее время спать больше полувахты. Авралить будем всюду. Тут уж ничего не поделаешь. Может быть, и померзнуть придется и поголодать. Но я думаю, что не ошибся, когда сказал командиру порта в ответ на сомнение в том, как мы примем приказ о таком позднем походе в Ледовитый океан. Да, так я ему сказал, что советские ледоколы боятся только одного — сидеть без дела.

— Правильно-о-о! — взорвался крик молодых голосов.

— Качать командира-а-а!..

Но Воронов отмахнулся:

— Постойте, товарищи, я не кончил...

Не сразу установилась шероховатая тишина. Оттуда и отсюда неслись придушенные возгласы. Их покрывали враждебные хриповатые голоса стариков:

— Постойте, ребята... дайте договорить.

— Молчи, комса, успеешь наораться. У командира еще вся речь впереди.

Воротов шевельнул усами:

— Это верно, товарищи. Вся речь у меня еще впереди.

— Командир собрал широкое красное лицо в морщины вокруг мясистого носа. У него это означало улыбку. — Я не успел еще поздравить вас с походом.

Воронов хотел соскочить с брашпиля, но его подхватили. Под свист и гам метнулось в воздух коренастое тело. Смешно растопырив руки, задравши короткие, крепкие ноги, Воронов подлетел над головами команды.

— У-р-р-р-ааа!.. — сорвалось с палубы «Большевика» и понеслось по тихой глади бухты.

— А ну, братва, — вырвался вдруг трубный голос боцмана, — расходи-и-ись. Вахта и подвахта по кубрикам! В двадцать четыре заступать.

Топоча сапогами, рассыпались к трапам. Палуба опустела. Владимир подошел к фальшборту. Внизу тихо шлепала по борту вода. Изломанные волной, как иконописный меч архистратига Михаила, тянулись по черной воде блики из иллюминаторов. Со стороны Владивостока, от темной полосы тянувшихся по берегу садов, доносились звуки оркестра. То глухие, стушеванные ветерком в один смятый напев, то ярко прорвавшиеся вслед за звонким голосом кларнета. С воды слышалась песня и сквозь нее иногда балалайка.

Владимир долго смотрел на мерцающие огни, раскинувшиеся размашистым бисерным веером по склону котловины. Пологим серпом протянулись яркие фонари Светланки. Высоко за Нагорной, на отшибе от города, краснели огоньки матросской слободки.

По рейду дробным перекликом запрыгали склянки. Гукнула двойными тремя ударами и рында «Большевика».

На плечо Владимира опустилась рука:

— О чем задумался, детиникус?

Голицын с досадой обернулся:

— Брось дурить, клистирка.

Столь неприветливо встреченный фельдшер обиженно повернулся. Подволакивая плохо слушающуюся ногу, ушел в темноту палубы.

Рейд быстро затихал. Сквозь холодеющую черноту из залитого ярким световым пятном Гнилого Угла доносились звонкие удары по железу. Там был расположен судоремонтный завод.

Вразрез темноте со стороны Русского острова полоснул острый луч прожектора. Покружил по склону, вырывая

глубокую зелень садов; слепо уперся в низко бегущие облака и исчез.

Высоко над головой Голицына, на главном мостике слышались голоса. Тускло замерцали широкие стекла командирской фубки. Холодную дрожь по позвонкам вызвал неожиданный вой ревуна. Тяжело сопя клубящимся паром, плюясь скопившейся водой, гудок басисто рвал тишину бухты.

Через некоторое время баснул еще продолжительней. Потом коротко рявкнул три раза. Вторя ему, гроыхнуло командой Воронов. Звякнуло кольцо на бакане. Плеснуло по воде тросс.

С мостика едва донесся дробный звонок машинного телеграфа. Сейчас же звякнул ответно из машины. Привычным ухом Владимир уловил размеренное тяжелое сопение двигателей.

Тихо отрабатывая задним ходом, ледохол отошел от бакана. Раз за разом зазвякал телеграф. Притихая, с новым сопением чаще и протяжней заработали машины. Судно развернулось. Рассыпанные светляки Владивостока ушли на другой борт. Перед глазами Владимира встал темный берег лесистого склона.

Мерно застучали винты, отдельно хлопая лопастями. За кормой потянулась фосфоресцирующая полоса. Как млечный путь на черном небе. Пена тугим бурлящим жгутом вырывалась из-под ахтерштевня. Блестела, бурлила, кипела, вертелась в бешеной пляске светляков и медленно, нехотя разбегалась в стороны слабой беленькой кромкой, все шире и шире обозначая пройденный судном путь.

Владимир с трудом оторвался от фальшборта. Последний раз глянул на мерцающий театральной панорамой Владивосток и пошел в машину.

ОКТЯБРИНЫ

Былка бросил хорей перед собаками. Упряжка стала, как вкопанная. Илья не спеша слез. За ним с маху остановились сани Билькинса. Американец радостно соскочил и сладко потянулся. Тело затекло. Ноги плохо слушались. Зарсен слез медленно, тяжело взмахнул кулачищами, потер колени. Не спеша пошел вслед убегающему к лагерю американцу.

Билькинс быстро заглянул в одну-другую палатку. Пусто. В лагере не было видно ни души. Он подождал подходящего Зарсена:

— Как вы думаете, мистер Зарсен, что бы это могло значить?

Вместо ответа Зарсен недоуменно пожал плечами:

— А черт же их знает. Давайте проедем прямо к стоянке корабля.

Они снова взгромозились на сани. К великому неудовольствию не перестававшего ворчать Ильи, помчались к месту стоянки дирижабля.

Только там выяснилось, что все наличные люди были заняты неотложным ремонтом корабля. Порывом ветра «Графа Цеппелина» повернуло так неудачно, что он задел за камень кормой и повредил себе оперение.

Билькинс в отчаянии опустил руки:

— Значит, мы не можем двинуться сейчас же к Хансену.

Зарсен ничего не ответил. Он быстро скинул меховое платье и в брезентовом комбинезоне побежал на корму, где работали над оперением механики.

Задумавшегося Билькинса взял за рукав Михайло:

— Куда поедет?

— Больше никуда, — махнул рукой американец.

Билькинс ушел к себе и принялся с лихорадочной поспешностью списывать один бланк за другим. Заготовив несколько радиogramм, он соединился с радиотрубкой. Но Оленных не отвечал. Билькинс с раздражением отправился отыскивать радиста.

Оленных же в это время вел оживленную беседу с вернувшимися проводниками. Долго и старательно потрясши руку радиста, Вылка при помощи Михайлы принялся его подробно расспрашивать о том, что делалось здесь в их отсутствие. Он делал это с такой уверенностью, что Князев даже пошутил над ним:

— Ты, Илья, в действительности точно председатель орудуешь. Чего ты контроли-то наводить вздумал? Чай Федор тебе не артельный парень.

Самоедин серьезно посмотрел на него:

— Ты, Михайла, русак, а дурак. Ты мне кази, энта земля советька?

— Советская.

— А много тут советькова люду? Ты да я. Два буде. А кто из нас старсой? Я — Вылка председатель — долзон я знать, али не долзон, циво на советькой земли есь, циво чужаки на ей делают?

— А ведь ты, пожалуй, и прав, Илья, — засмеялся Михайло. — Бери, бери, брат, комиссарскую власть над ними. А ну, дядя Федор, крой рапорт председателю.

Но Оленных было не до шуток. В эти дни, когда завалили его гонцы от экспедиции тревожными радио, когда с берега то и дело царапались в наушники хитросплетения большой международной интриги, затеянной вокруг Земли Недоступности, Оленных ходил как во сне. Каждая передаваемая на землю радиogramма жгла пальцы дрожащими голубыми искрами. Неотступно гвоздила мысль: «Ведь сам, своими руками отрываю кусок от своей России. Раньше незаметно было, как это делается, больно далеко стоял. А вот тут как по писаному все. Точно в газете... И сам, своими руками. Вот нескладность-то... Решать нужно».

При этом совершенно незаметно для него самого эти мысли формировались в голове у радиста уже не из привычных, длиннотных немецких фраз. Четкие и короткие вставляли в памяти почти забытые звуки русской речи. Оленных стал думать по-русски. И как-то само собой случилось так, что всякое известие истекающей злобой европейской и американской прессы, где говорилось о необходимости отторжения куска обледенелой земли от России, он стал прослушивать с неприязнью. При этом он сначала с досадой отбрасывал стоящее перед словом Россия слово «Советская». Потом привык к нему и перестал воспринимать эти слова отдельно. Даже когда в сводках или телеграммах просто говорилось: «большевики», в уме Оленных это ассоциировалось с родными бородатыми лицами сибирских земляков, толстыми нагольными тулупами и пушистой заснеженной тайгой. А за тайгой встала и заимка. С серой высокой избой староверского построения. Седая борода отца. Всегда безукоризненно чистая, повязанная под подбородком большим узлом с заячьими ушами, косынка матери.

Слово «большевики» перестало быть чужим и колючим. И когда Вылка уверенно заговорил о советской Земле Недоступности, Оленных принял это как решение, уже давно оформившееся у него самого, подготовленное многодневной трескотней морзиков в ушах.

Радист серьезно поглядел по очереди на проводников. Опасливо заглянул в проход. Долго полупшепотом он рассказывал им о затяжных, сложных и трескучих дипломатических боях, шедших на материках из-за Земли Недоступности.

Михайло ожесточенно скреб лохмы бороды. Вылка внимательно, не мигая, глядел в рот радисту. Когда тот кончил, Илья недоуменно развел руками:

— Циво здеся делать?

— Да, завернулось, — задумчиво заметил Князев, — иначе я так полагаю, што нет у них возможности отменять советский закон. Коли Калинин объявление делал, што вся-

кая земля наша, то значит, так тому и быть. Небось, не оттягают.

— В том-то и дело, ребята, — взволнованно зашептал Оленных, — до сих пор так водилось, что в этих самых полярных краях земля того, кто на ней флаг воткнул. А русского, то есть, я хотел сказать, советского флага тут не бывало допрежде, чем они свои повтыкали.

Михайло засмеялся:

— Ну, этта чепуха. Ежели в одном флаге дело, мы с Илькой сейчас такое полотно водрузим, ажно чертям тошно станет. Ты как думаешь, Илья?

— Отчего не мозна? Флагу мозна исделать.

Федор возразил:

— Дело, конечно, не только во флаге. Коли они уже спор, склоку затеяли, так надо этот флаг и защитой подпереть. А какая у нас защита? Вы двое не вояки. Они сюда столько аэропланов нагонют, што ахнуть не успеете, весь остров заполонят.

— Ну, полонить-то тут нечего, — скептически заметил Князев.

— Это вы, земляк, бросьте, — вразумил радист, — есть за што и даже очень. Вон, што ни день, такие радио шлют, что дух вон. Они здесь такого накопили, что всем сразу земля надобна сделалась. Я, конечно, судить не могу, но так мне сдается, что очень важный пункт по воздушной стратегии этот остров. Ну, а норвежцам, тем, конечно, только уголь нужен. Из-за этой стратегии склока между Штатами и Германией начинается. Воздушный газ гелиум здесь открыли. Значит, ежели сюда дирижибли ставить, вот такие как наш, то отсюда можно таких дел по всему берегу Сибири делать, што жуть. Даже на Тихий океан, газеты у них пишут, отсель влиять возможно.

— Н-да, вот так дела, мне и невдомек, — задумался Михайло. — Тогда понятно, што они и самоедиков-то энтих прижмали. Значит, остров во што бы ни стало им в руки взять надобно... Ну, а што, ребятки, ежели нам им ножки-то подрезать? Ахнуть бы радио в Москву, што, так и так, открыта, мол, нами, советскими промышленниками, новая

территория для советского государства, и просим мы прислать нам подмогу, как нас только двое и не можем мы, значит, с иностранным буржуазным капиталом на этой земле совладеть. Как вы полагаете, пришлют нам-то, ай не пришлют?

— Зачем не прислать? Прислут, — уверенно сказал Вылка.

— Пришлют, пришлют, — передразнил его Михайло. — Надо сперва в расчет взять, чего пришлешь-то. Сюда никакой пароход не пролазит. Ерапланами сюда, небось, тоже не доскачешь. Значит, опять в дирижабле все дело. Дирижаблев этих, вот не знаю, много ль у нас.

Олениных радостно шлепнул себя по лбу:

— Стоп, земляки, вспомнил. Да ведь тут где-то советский ледокол быть должен. Стучали в сводках, што будто идет сюда с Владивостока ледоколище. Первый в мире. Новый построен. Лед ломает самый што ни на есть крепчайший.

— «Красин», што ли? Так он не новость какая, — скептически спросил Михайло.

— Нет... Дай бог памяти-то... Вона «Большевик» и есть. При этом известии Вылка даже привскочил.

— Сюды ходит? — возбужденно уставился он на ради-ста.

— Нет, он на выручку двум пароходам. Их льды зат-рали. А только этот тут где-то, не так подалеку.

Михайло решительно поднялся. Он повернулся к Вылке:

— Вот што, Илья, как ты есть лицо советское, давай радио катать. Пуцай с Москвы энтот ледокол к нам во-рочают.

Вылка оживленно засуетился:

— Писы, Миша, писы.

Оленных остановил их:

— Постойте, братцы. Пока ледокол-то дойдет, ведь здесь с дирижабля остров на карту снимут. Самоедов ваших в поселке поизведут, и поминай, как звали.

— Не, так не мозна. Самоедов трогать не мозна. Мы позволять не станем, — загорячился Вылка.

— А как ты это не позволишь-то? — крутнул бородой Михайло.

— Ты думать долзон, как такое делать. А только не мозна самоедов свести.

— Ин ладна, сейчас додумаем. Покуда гони радио, Федор... А только вот што ты мне наперед скажи. Пошто ты это дело с нами затеял, коли ты чужак? Сказывал, в Россеи сколько годов-то не бывал. Значит, не советский ты?

Оленных упрямо выставил голову:

— Сибиряк я, братцы. Не могу больше без Сибири. Советская стала Сибирь. Знать, и мне советским становиться.

— Так, значит, в нашу веру переходишь?

— Перехожу, — потупился Оленных, — вот крест могу дать.

Он размашисто перекрестился.

— Это ты брось. В большевиках кресты отменены. Тут, брат, все делом доказывается, а не крестами. Заслужить на доть.

— Я, братцы, заслужу.

— Ну, коли заслужишь, октябрины, значит, сегодня.

Оленных удивленно посмотрел на Михайлу:

— Это што же такое?

— А это в большевиках заместо крестин. Октябрины, значит. А покуда давай-ка скоро радио писать.

Под диктовку Князева Оленных быстро выводил на бланке латинскими буквами:

Москва. Калинину. Земля Недоступности в полной власти буржуазных элементов, затесняющих местный самоедский пролетариат. Вплоть до кровопролития. Предлагаем выслать немедленную революционную помощь ледоколом «Большевик», либо дирижаблями. Всех представителей международного капитала, самочинствующих на советской земле, можем с помощью советской силы арестовать и предать революционной законности.

Оленных протянул Князеву исписанный бланк для подписи. Но Вылка перенял его и старательно вывел первым большой крест, возвращая бланк радисту, степенно сказал:

— Подписать надо здесь: Вылка председатель.

После Вылки подписал Князев.

Оленных поспешно ушел в радиокабину.

3.

ХОД «БОЛЬШЕВИКА»

Голицын с трудом слез с койки. В тот момент, когда его ноги коснулись было палубы, судно легло на борт так, что машинист с размаху ткнулся головой в нависший над изголовьем бимс. Полоска теплой крови потекла из расщелины, заливая глаз. Стукаясь о переборки, хватаясь растопыренными пальцами за уходящие поручни, выбрался через горячий проход к лазарету.

— Эй, дружище, погляди, што у меня там, — пихнул он разметававшегося в глубокой лазаретной койке фельдшера.

Тот изумленно открыл глаза. С минуту он лежал неподвижно. Голицын не вытерпел:

— Вставай же, чертово колесо, опять налузгался. Видишь, кровь течет, унять надо.

Фельдшер моргнул и как встрепанный поднялся. От него пахло крепким перегаром. Не глядя на Голицына, он твердыми шагами на негнущихся, как у оловянного солдата, ногах подошел к умывальнику. Открыл кран над подставленной под струю забортной воды головой.

— Ф-фу-уу! — отряхнулся он.

Наспех вытер полотенцем голову и принялся дрожащими пальцами обтирать рану машиниста. Через десять минут промытая рана была искуснейшим образом зашита и перевязана. Фельдшер подошел к койке и, не сгибаясь, повалился на нее, как бревно.

— Спасибо, Анатоликус, — пробормотал Владимир, натягивая робу.

Но благодарность пропала даром — Анатоликус лежал уже как труп, вытянув руки по швам. Владимир покачал головой и вышел.

— А ведь золотые руки, — пробормотал он, прикрывая дверь.

В горячем проходе было нестерпимо душно. Масляную полутьму пронизывали жгучие вихри из дверей, ведущих в машину. Снизу несло жарким сопением пара и лязгом стали. Владимир быстро скользнул по железному настилу, чтобы попасть в подходящее движение судна и успеть схватиться за поручни. Качка бросала судно с борта на борт. Большая стрелка креномера медленно перекачивалась с одной стороны на другую. Она добежала до ярко надраенной медной насечки с цифрой сорок и, подумав, начинала двигаться обратно.

Владимир повис на судорожно зажатых поручнях. Проникая через самый верхний ярус, на уровне колпаков цилиндров, Владимир поразился тому, что даже его привычным легким не хватает воздуха. Горло засасывало какую-то обжигающую, пропитанную запахом масла и горячего металла смесь. Ниже, когда цилиндры были уже над головой, он невольно сжался в комок. Размах судна был так силен, что машины всей громыхающей массой нависли сбоку. Твердо зная об огромном запасе прочности фундаментных болтов, Владимир все-таки совершенно ясно представил себе, как наклоненные на сорок градусов гиганты срываются с креплений и, кроша и дробя все на своем пути, начинают метаться по глубокому колодцу машинного отделения. На руках он проскользнул последние марши бесконечного трапа и упал прямо в объятия широко расставившего ноги и уцепившегося руками за горячее железо поручней вахтенного механика.

В пляске ледокола качались высоко подвешенные фонари. Черные тени безумно металась по машинному отделению. Они следовали теперь не только за движениями мелькающих шатунов и кривошипов, а и прыгали вокруг

них при каждом наклоне судна, изменяя и ломая контуры машин. У машинистов рябило в глазах от неверного мерцания лязгающей стали. Но они целились безошибочными пальцами в беснующиеся штоки, хватали скользкое зеркало валов, шлепали ладонями по прихотливо изрыбленной поверхности шатунов. Все металось и плясало. На прыгающую и вертящуюся сталь лились масло и мыльная вода. Горячий металл, как сосредоточенное в борьбе огромное животное, устремлялся в одно вращение, в один ритмический непрерывный круговорот главного вала.

«Вероятно, вот так действовали на психологию наших праотцов какие-нибудь бронтозавры или диплодоки, когда они с сопением, щелкая панцирными хвостами, нависали над несчастным человеком грудой давящего мяса. Будто и уйти некуда», — думал Голицын, ловя на каждом обороте шейку коленчатого вала, чтобы попробовать ее температуру. При этом все мысли были сосредоточены на одном: как бы вместе с качанием корабля на махнуть головой в крутящийся в смертельном лязге многотонный металл. «Только и ждет, чтобы измолоть», — мелькнуло в голове, когда ноги поехали по уходящей из-под них палубе.

В середине вахты полез наверх глотнуть немного свежего воздуха. С ясно сознанным состраданием прошел мимо пахнувшей терпкой угольной гарью двери, ведущей в черный колодец кочегарки. Не хотелось даже думать, как там при этой качке мечутся кочегары между зияющими красным зноем топками и черными штабелями катающегося по палубе угля.

На палубе охватило мокрым холодом. Рвануло из рук дверь рубки и с размаху бросило на кучу принаитовленных вдоль борта досок. Больно ушиб локоть. Хотелось потереть, но боялся оторвать руку от пойманного фала. Палуба стремительно приближалась к набухающей темной скользкой массой воде. Уходила из-под ног, заставляя почти лечь на стенку рубки. Пробрался было к баку, но сейчас же вернулся. Оттуда с шлепанием и журчанием стремились навстречу потоки холодной воды. Над носом корабля то и дело нарастали взлохмаченные гребни валов. Бросился в гла-

за прижавшийся под мостиком молоденький матрос. С уткнутого в пиллерс¹ зеленого лица потоками сливалась вода. Матрос давился рвотой, судорожно хватаясь посиневшей рукой за грудь. А прямо над ним, из-за высокого борта главного мостика, топорщилась желтым напряженным брезентом дождевика коренастая фигура командира. Прикрываясь рукавицей от бешено гонимой ветром воды, Воронов пытался ухватиться куда-то биноклем. От тошнотного стога матроса у Владимира самого нудно потянуло под ложечкой. Он стал торопливо пробираться обратно, но столкнулся с пробирающимся, вцепившись в тот же самый фал, радистом. Долго разминались. Оскользаясь по вздымающейся мокрой горой палубе, перехватил руками вокруг радиста, успел поймать срываемые ветром слова:

— Новости большие... амма... нием курс... доступности...

Попробовал переспросить, но радист только отчаянно мотнул головой, перебирая руками по скользкому фалу.

Через час в кубрике узнал подробности.

Ледокол получил из Москвы предписание. Изменен курс. Нужно полным ходом грести к Земле Недоступности, про которую урывками читали в газетах перед отходом. Как бы ни был тяжел путь, надо пробираться к этому острову.

Новость пришла, не возбудив волнения. Даже самые выносливые из команды ходили с бледными осунувшимися лицами.

Владимир пытался было обсудить с соседом по койке известие, но тоже не выдержал. То вставая на голову, то упираясь в переборку ногами, он внимательно следил за тем, как кишки подходят к самому горлу или опускаются тяжелым грузом в самый низ живота. Стянул пояс потуже и, стараясь не думать, уткнулся головой в подушку.

¹ Вертикальная стойка, поддерживающая палубное перекрытие судна, или опора для палубных механизмов и грузов.

ВЫЛКА СОБИРАЕТ МИТИНГ

Оленных дрожащими руками протянул Князеву бланк:
— Вот передавали на ледокол «Большевик».

Михайло медленно осилил депешу.

— Так-с. Значит, дело будет. Теперь это уже верняк. Наши пройдут.

— Я слышал ответ, — качая головой, заметил радист, — командир «Большевика» сомневается насчет льдов. А сейчас ледокол крепко штормует.

— Этто што! Тут сомнений быть не может. Сказано — идти. Значит, придут. Будьте благонадежны. А тебе, земляк, это значит октябрины.

Князев повернулся к спящему Вылке:

— Эй, проснись-ка... Илья, а Илья... Вона, слышь, какие вести-то у земляка.

Вылка внимательно выслушал. Радостно улыбнулся, подняв всю желтую кожу щек к широким скулам.

— Хороса, ай хороса!

Вдруг нахмурился.

— А ну как эти люди тикать станут... Эта не мозна.

— Да, вот это действительно задача. Сегодня дирижабль готов будет. Федер сказывает, что к вечеру пробу делать станут. А завтра, небось, на твоих родичей войной двинут. Как бы эту штуку сорвать, вот об чем речь.

— А ну как на цепочку вязить? Али масины портить? Али ещо што? — предложил Вылка."

— Так они тебя к машинам и допустили, держи карман. Насчет цепки вот не знаю, но так полагаю, што ерундовое предложение. Как ты, земляк, располагаешь?

Оленных задумчиво мял депешу.

— Да, пожалуй, ничего не поделаете с этим. Разве только вот клапан цистерн открыть. Бензин выйдет. Тогда

тут на месте останемся. Самое же верное дело в уничтожении — спичка. Раз — и готово.

— Зигать? Эта мозна, — с живостью согласился Вылка.

— Нет, я так думаю, что это не пойдет... — возразил Князев. — Ин ладно, пока хватит с нас этих вестей, а как помешать, еще побалакаем. Ты, Федя, гони-кась радио в Москву, што, мол, об ихнем приказе мы, стало быть, известны и нынче станем принимать меры к препятствию буржуазным захватчикам чинить безобразия на советских территориях.

— И станем флагу втыкать, — добавил Вылка.

Когда Оленных ушел, Вылка еще долго о чем-то шептался с Михайлой.

Их беседу нарушил Зарсен:

— Алло, мистер Князев, мы завтра утром будем пробу делать. А днем, наверно, пойдем. Нужно приготовиться к подъему на дирижабль. Людей мало осталось, так вы ночью соберите здесь внизу все. Больного тоже приготовьте.

Последнее относилось к Литке. В отсутствие экспедиции он пришел в себя и стал узнавать окружающих. Только никак не мог припомнить, что с ним случилось.

Для Зарсена это было ошеломляющей новостью. Он старался подальше обходить палатку, где лежал больной.

Вылка, шепча, прильнул к самому уху Михайлы. Тот задумчиво кивал головой:

— Нет, Вылка, я так полагаю, что это зря.

Но Вылка упрямо помотал головой и нагнал Федора:

— Федор, кази всим людям на корабли, што мы с ими говорить зелаем. Пуцай цириз полцаса сюды вниз вся придут.

— Я так полагаю, что зря с ними говорить, Илья, — колебался Оленных, — лучше бы переждать, пока «Большевик» придет.

— Не, я знаю, — прищурился Илья. — Ты кази Билькинсу и Зарсен, сто мы желаем хоросо говорить перед, чем на самоетку становицу летать станем.

Зарсен удивился такой просьбе, но согласился и разрешил всей команде сойти вниз.

Не меньше был удивлен и Михайло, когда Оленных передал ему желание Вылки и согласие Зарсена.

— Ты чево еще там затеял, Илька? — строго спросил он.

— А твоя какая дело?

— То ись как так?—удивился Князев.

— А так, присидатиль я, ай нет? Хочу слова казить.

— Ин ладно, поглядим. Ну, тогда айда вниз.

Вылка отвел глаза:

— Ты лезай на низ с Федором. Я скоро вниз приду.

— Ладно, только не мешкай. Людям, я чай, работать надо, — наставительно бурюнул Михайло.

Внизу оживленно беседовала уже вся команда. Первый раз за время «службы на «Графе Цеппелине» его экипажу приходилось присутствовать на митинге. Да вдобавок еще инициатором его, как выяснилось, явился советский ди-карь. Люди со смехом обсуждали положение. Этот смех привлек внимание Билькинса, занимавшегося у себя в палатке дневниками. Он выглянул. Выяснив, в чем дело, энергично запротестовал:

— Я считаю, мистер Зарсен, все это совершенным безобразием. Если это шутка, то довольно неудачная.

— Не все ли равно, где людям отдыхать — наверху или здесь. А ведь это даже забавно — митинг на Земле Недоступности. Ха-ха! Не забудьте, мистер Билькинс, что мы ведь на советской территории. Здесь митинг является вполне законной штукой.

Билькинс только что собрался возразить, как вдруг общее внимание привлек слабый звук сверху. На краю трапа, ведущего к троссу подъемника, стоял вахтенный механик — единственный человек, оставшийся на дирижабле, кроме Вылки. Он ожесточенно размахивал руками и кричал что-то слабым, разбиваемым порывами легкого ветерка голосом. Прежде, чем кто-либо разобрал что-нибудь из того, что силился крикнуть механик, тот снова исчез внутри корабля. А через минуту, может быть, даже еще меньше, чем через минуту, под брюхом дирижабля, в том месте, куда сходились широкие рукава от бензинных цистерн, служащие для их мгновенного опорожнения в случае по-

жара, широкая струя бензина, сверкнув на солнце, каскадом устремилась вниз.

Облако бензина было на некотором расстоянии от дирижабля, как из нижнего люка выпал какой-то черный вертящийся комок. Он падал значительно быстрее массы бензина, и через неуловимую долю секунды нагнал распылившуюся струю летучей жидкости. И в тот самый момент, когда этот черный комок пронизал бензинное облако, коротко блеснуло красное пламя и раздался вслед за этим глухой звук взрыва. Вместо бензинного облака медленно расходилась по ветру черная туча густого тяжелого дыма. А черный комок, полыхая языками пламени, быстро приближался к земле.

5.

ВЫЛКИНО СЛОВО

Взрыв разбил общее оцепенение. Люди закричали и бестолково забегали. Тут снизу обратили внимание на то, что уже давно от носа дирижабля отделилась люлька, стремительно опускающаяся на землю. Из люльки выскочил механик. Дрожа, путаясь заплетающимися ногами, он подбежал к ошеломленному Зарсену:

— Вот, капитан, я кричал... Этот дикарь пытался проникнуть в коридор бензиновых цистерн с трубкой в зубах... Я думал, он пьян, и вытолкал его вон... Крикнул вам, чтобы прислали кого-нибудь наверх забрать его... А в это время... в это время он снова вошел в коридор, и я не успел отвести его руку от рычага главного аварийного клапана... Он выпустил весь бензин... я закричал, я ударил его по голове... Он упал в люк... его трубка в парах бензина, капитан.

— Все понятно, не волнуйтесь,— успокоил его Зарсен, — главное, что корабль не пострадал, а все...

— Да, но он хотел взорвать...

— Нет, он только хотел вылить бензин, — взволнованно крикнул Оленных.

— Вы знали? — подскочил к нему Зарсен.

— Да, он...

Князев не слышал того, что было дальше. Его внимание было сосредоточено на том месте, куда брызнул в самом начале падения дирижабля махрящийся короткими всплесками огня вертящийся комок. Комок размахивал на лету руками. Из-под огненной завесы дыбились широкие полы малицы.

Пальцы Князева лихорадочно застегивали одну шлейку за другой. С гиком бросил он упряжку вскачь. Хрустко скрипнули полозья и метнулся в сторону снег. Михайло неся, видя только то место, где слабо полыхал еще упавший комок, почти рядом с грудой чадающего черным дымом дирижабля. Растекаясь, пламя все ближе подходило к комочку.

Осталось несколько собачьих бросков до Ильи, когда поток горящего бензина слился с горящим комком самоедина. Собаки шарахнулись в сторону. Ломая хорей об их вздыбившиеся страхом хребты, Михайло заставил пробежать еще несколько шагов. Соскочил. Бросился к Илье. Подхватил на руки свернувшиеся скользкие черные остатки Вылки. Из-под обвалившейся комьями малицы с треском пузырилось мясо. По рукам Михайлы стекало пламя, когда подбежал к саням. Собаки с воем метались в упряжке, волоча по снегу двух передовых, клубившихся смрадным дымом горячей шерсти. Бензинный поток с треском кидался со снегу горящими брызгами. Когда Михайло схватил обломок хорей, горела уже половина упряжки. Потерявшиеся от боли и страха собаки метались в постромках. Князев мазнул ножом по шлейкам барахтающейся головной пары. Взвыли остальные, ошпаренные брызгами, и бросились наутек от огня. Шерсть их тлела, расстилая за упряжкой длинную струю серого дыма. Дым вился за санями как за поездом. На санях, лопаая связками обугленных мускулов, потрескивал труп Ильи. Михайло вспузы-

рившимися руками придерживал труп на мятущихся по сугробам санях.

В лагере притихли. Никто не проронил ни слова, глядя на несущуюся под серым дымным плюмажем упряжку. Когда сани были уже совсем близко, тяжкую тишину прорезал насмешливый голос:

— Это называется — доклад по-советски.

Зарсен, как ужаленный, обернулся на этот голос. Держась за кол палатки, худой и бледный, стоял, вытянувшись во весь рост, Литке.

6.

ЛЬДЫ РАССТУПАЮТСЯ

Кают-компанию раздирал грохот. Точно над кораблем рвались снаряды. Иногда весь корпус дергался, глухо рокотали железом борта, дробно звенела в буфетах посуда. Мигая, тряслись волоски лампочек в люстре. Так гремит внутренность военного корабля и дрожит вся его стальная машина, когда раздается залп башни.

Но на «Большеви́ке» не было ни одной пушки. Грохотал, гремел и скрежетал по бортам разбиваемый крепким стальным форштевнем ледокола мощный лед. Огромные плотные голубые монолиты. Ни одной трещины. Ни одного разлома. Здесь впервые от создания мира идет судно, ломающее лед. Всегда бывало наоборот. Эти льдины привыкли ломать попавшие в их объятия корабли. Шутя, как гнилой орех, рассыпались по бревнышкам дуббель-шлюпы, позднее, потрещав и поскрипев, разъезжались корветы и фрегаты, потом с металлическим гулким звоном лопались борта пароходов. Никто не выдерживал шутливого напора седых льдин. А теперь, дробимые круглым бронированным носом ледокола, льдины удивленно ползли по бортам вверх, точно желая заглянуть поближе на палубу

диковинного ледолома. Со скрежетом боли сползали обратно и, бултыхнувшись в крупчатое снежное крошево, дыбом выплывали в сторонке, чтобы еще раз посмотреть на «Большевик». Потом сшибались, кряхтели, шушукались и, нагромоздившись друг на друга, уходили своей вечной, нигде не начинающейся и никогда не кончающейся дорогой.

А ледокол подпрыгивал на тяжелых полях, въезжая на них, как бронированная боевая колесница. Если лед не лопался, корабль, оставив кровавый след сурика и ржавчины, медленно, натужно сползал обратно. Разбежавшись, снова втискивался в неподатливую льдину. Так до тех пор, пока она не сдавалась. Пока длинная черная трещина не расползалась широким каналом, пропуская уютгоподобный корпус корабля.

Гремело в кают-компании, гремело в кубриках, гремело в лазарете. Здесь, кроме того, еще при каждом наскоке ледокола на особенно упругую льдину отчаянно бились в гнездах и звенели банки с лекарствами. Но Анатоликусу было на это совершенно наплевать, он пребывал в том состоянии, которое сам называл «лучшим отдыхом настоящего моряка». Голицын, зашедший в лазарет на перевязку, удивился необычайному шуму, царящему здесь. Но Анатоликс спал бревном, вытянувшись в койке с прижатыми по швам руками. Владимир поглядел на недееспособного фельдшера и махнул рукой.

Вышел на палубу. Сощутив глаза от безмерного сверкания льда, взобрался на мостик. Глянул кругом — торосы и поля. Поля и торосы. Все бело. Сверкает и искрится. Тени от торосов, как искуснейший камуфляж, ломают контуры. Стало больно глядеть. Зажмурился. Круги пошли в глазах.

В конце мостика, упершись в поручни, выдерживал натиск старшего механика капитан Воронов. Топорщились седые усы. Сдвигались и раздвигались щетинистые кустики бровей. Складки бессонного лица обвисли вокруг рта. Механик наседал, размахивая длинными руками. Рукава

синей робы были коротки и волосатые красные руки мелькали, как крылья поломанной мельницы:

— Запороть хотите? Запарывайте. А только я отвечать не желаю. Надеюсь, вам объяснять не нужно, что значит вибрация всех валов. Вон правый бортовой так бьет, что того гляди, вся машина к чортовой матери полетит. У меня в дейдвудах скоро фонтаны бить будут, а вам все форсировать... форсировать...

Механик зло фыркнул.

Командир пошевелил усами. Спокойно пробасил:

— Вы, батенька, это бросьте. Мы должны пройти, и баста.

— Должны! Эка удивили: должны. Мало ли что мы должны. Вон мы спать по колдоговору каждый день должны. А кто за меня теперь спит? Рыжий дядя? Должны! — не унимался механик. — Все долг да победы. Звонких слов сколько хочешь, во всем высокая политика. А когда машины рассыплются, тогда вся высокая политика на горбу механика скажется. Я вам не говорил, что ли, что в форпике из заклепок как из решета дует? А когда заклепки сдадут, вы свои пальцы вместо них вставьте? В правом борту такая вмятина, что на выпертом листе хоть спать ложись. Должны! Вы судно беречь должны. Вот что я вам скажу!

— Ну, ладно, Михаил Васильич, — отрезал капитан, — сказал — пойду — и кончено. К матери все ваши валы и машины! Держите ваш дейдвуд руками, чтоб не тек. А не хватит рук, задницей сядьте. Вот это будет дело. Так я понимаю. Коли ты старший механик, то должен сдохнуть, а провести судно там, где мне нужно. Вот и все!

Воронов отвернулся. Водя биноклем по горизонту, щупил обведенные сеткой морщинок глаза.

Целый день все ждал увидеть землю. А ее нет как нет. Сколько раз уже вахтенный с марса истошно кричал: «Земля!» А на поверку оказывался либо торос, либо и того хуже — какая-нибудь косая тень.

У Воронова от бинокля уже глаза стали слезиться. А он все водил по горизонту.

Владимир подошел и взял у старика цейсс.

И ясно с первого же взгляда встал перед ним холмистый берег. Скалы громоздились впереди. Голицын радостно ткнул пальцем:

— Товарищ Воронов — глядите. Земля.

Командир спокойно глянул по пальцу и даже не счел нужным ответить. Владимир опустил бинокль и всмотрелся снова. Земли никакой не было.

Только много позже командир опустил бинокль. Подозвал вахтенного матроса:

— А ну-ка, Петренко, кликни старпома.

Когда коренастый маленький моряк в толстой, шаром сидящей шубе вылез на мостик, Воронов протянул ему цейсс и показал направление:

— Гляньте-ка, Иван Иванович. По-моему, она и есть.

Старпом внимательно поводил биноклем. Оторвался.

Снова уставился. Опустил его:

— Она и есть.

Голицын посмотрел и увидел слабую, темную полосу, волнистой грядкой вырастающую под льдинами.

— Через вахту придется сбавить ходу, — басил командир, — к берегу я не пойду. Как обнаружим место их стоянки, спустим партию на лед. Черт их знает, промеров тут никаких. Посадим судно, потом не слезть будет... Так вы распорядитесь, значит. Через вахту. А я теперь пойду, со-с-ну часок.

Вслед спускавшемуся командиру громыхнул по ступенькам трапа Голицын:

— Федор Федрыч, а что за земля?

— Земля-то? Да Земля Недоступности.

— Приехали, значит.

— Притопали.

Голицын помчался вниз. Взлетая в кубрик, весело крикнул:

— А ну, братва, наверх... Земля Недоступности.

Толпясь и крича, люди мчались по трапам наверх. Сгрудившись, теснились по бортам:

— Где, где?.. Врешь, там ничего нет.

— Вона, вона, я вижу!

А ледокол не переставая долбил острым носом толстые льдины. Сопели машины. Грохотали по осколкам винты. Острый нос врезался в искрящиеся аквамарины высокие бока ледяных полей. Льды скрипели, трещали, шуршали по черным бортам. Грохотом наполняли всю стальную коробку. Не выдерживали натиска десяти тысяч лошадиных сил. Расступались, пропуская судно в широкий черный канал.

Ледокол пробивался к достигнутой Земле Недоступности. Впервые в истории полярных путешествий, впервые в исчисляемой миллионами лет жизни девственных льдин они уступали путь кораблю «Большевик».

7.

ТАКОВЫХ СНЯТЬ

— «...таковых снять и на своем судне доставить во Владивостокский порт», — закончил басом Воронов. Он крутил пальцами в воздухе, сделал жест, будто приставлял кулачищем печать к листу, и добавил:

— Ну, и там надлежащие подписи.

Немцы не только не сопротивлялись, но даже не возражали. В сопровождении одного матроса весь экипаж «Графа Цеппелина» побрел через лед к чернеющему вдаль уютюжку «Большевика». Страх перед неожиданным «большевистским пленом» быстро рассеялся. Фамильярная ласковость, составляющая неотъемлемое свойство русского матроса, когда он сталкивается с людьми, попавшими в беду, довольно быстро заставила разойтись мрачно сведенные брови немцев. Особенно молодых.

Иначе обстояло дело с Зарсеном. Он отказался было следовать на корабль. Пришлось даже прибегнуть к угрозе.

С совершенно неожиданной радостью встретил прибытие «Большевика» старший офицер фон Литке. С трудом передвигая ноги, он выполз из палатки.

— Я готов вас приветствовать не только как спасителей, — любезно заявил он Воронову, — но ваше прибытие избавляет меня от необходимости проходить курс политических наук заново и читать после того длинную лекцию моим товарищам по несчастью. Я, собственно говорю о диалектике, которая, кажется, лежит в основе вашего мировоззрения.

— Да, диалектический материализм, как основа марксистского понимания вещей.

— Мне нужно проанализировать некоторые события именно с этой точки зрения. У себя в идеалистическом арсенале я, к сожалению, не нахожу того, что могло бы объяснить ряд событий, имевших место во время нашего путешествия.

— Ну, я думаю, среди нашей судовой молодежи вы найдете себе в этом деле хороших помощников.

— Очень, очень рад, херр командер, — пожал Литке руку Воронова.

Литке был последним присоединившимся к партии, уходящей на корабль. Его тащили на санях, так как он был еще слишком слаб, чтобы идти. При этом Зарсен старательно держался на другом конце группы, избегая даже смотреть в ту сторону, где находился Литке. Он не верил тому, будто Литке действительно не может припомнить, что именно с ним произошло. Казалось, что старший офицер симулирует потерю памяти из каких-то своих соображений.

Билькинса не было с партией. При появлении ледокола американец, точно почувствовав, что речь идет об аннулировании всех результатов его экспедиции, поднял вопрос о том, чтобы уходить от берега к туземному поселку. Но немцы еще раз наотрез отказались двигаться по снегам пешком. А собак могло хватить только на незначительную часть зкипажа,

Когда же от борта ледокола отделилась партия и направилась к берегу, Билькинс отдал распоряжение провод-

никам запрягать собак. Те наотрез отказались. Билькинс сам подобрал себе запряжку, захватил небольшой запас продовольствия и умчался в снежную пустыню.

Однако это не могло опастить его положения. Лишь одними сутками позже Билькинса руководимый Михайлой длинный караван собачьих упряжек подходил к чернеющим на светложелтой полянке хижинам туземного поселка.

К приходу советских моряков положение в поселке оставалось тем же, что и было. Американцы сидели на гребне и охраняли вход в долину. Туземцы оставались у себя в поселке, ежеминутно ожидая нападения, готовые его отражать. В домике Великого жили Хансен и Шнейдер, охраняемые несколькими охотниками. Сам Великий, после тяжелого приступа болезни, начал очень быстро крепнуть. Он уже вставал с постели и ходил по горнице. Однако все попытки Хансена договориться с ним ни к чему не приводили. Великий оставался при том же убеждении, что пришельцы — враги его народа, и не шел ни на какие уступки. Он даже начал с Хансеном совершенно спокойно дружески советоваться, что следует сделать со всеми чужеземцами, как только он совершенно поправится. Скорее, собственно, он советовался о том, каким именно способом их следует истребить. Он стоял на том, что эти белые явились потому, что туземцы уже дважды сделали ошибку. Когда к ним явились злые белые духи, они их первый раз просто убили, обезглавив. Поэтому духи, отыскав свои головы в море, снова пришли.

— В третий раз, вы понимаете, в третий раз! — с ужасом повторял Великий. — Я не знаю, как мне от них отделаться... Знаете, что мне приходит в голову? — он хлопнул себя по лбу. — Да, пожалуй, это будет неплохо. Нам нужно их совершенно уничтожить, так, чтобы они не могли собрать себя и снова прийти сюда. Я думаю, что если их сжечь, это будет самым верным средством. Ведь дыма не соберешь. А, как вы думаете? Вот вы, хотя бы. Сможете ли вы снова воскреснуть, если я выпущу вас в трубу? Я думаю, нет. Ну,

скажите же мне, дайте мне какой-нибудь совет... Мне так трудно одному думать за всех... Я совершенно один.

Временами Хансену казалось, что весь этот дикий бред только кривляние. Что Великий только делает вид, будто верит тому, что говорит. Хансен приходил к такому убеждению еще и потому, что уж слишком резкой была разница между тем Великим, который нес всю эту невероятную чепуху о духах, и тем просто психически больным человеком, который, ожесточенно растирая себе лоб, страдальчески умолял:

— Скажите, ну, скажите же мне, кто я?.. Я забыл, забыл... Анна, вот если бы здесь была Анна... О, она бы сказала мне, я знаю. А вы, вы не узнаете меня?

В такие минуты он почти с детской надеждой смотрел в глаза Хансену, ожидая ответа:

— Ну, посмотрите на меня... Вы должны меня знать... Вы должны меня знать.

Хансен, сокрушенно качая головой, тихо говорил:

— Нет... не знаю.

Великий ронял на стол огромную копну взлохмаченной седины и, дергая плечами, плакал навзрыд. Иногда его рыдания всю ночь не давали Хансену уснуть.

А наутро начиталось опять то же самое, с садистическим смакованием подробностей того, как он расправился с белыми духами.

В этих разговорах Великий коротал дни. Он вообще мало внимания обращал на время. Мало-помалу втянулся в эту нудную жизнь и Хансен. Он нашел на полках Великого несколько старых немецких, английских и русских морских книг. В чтении он проводил теперь все время, не занятое разговорами с хозяином хижины. Единственный из обитателей домика, кто никак не мог приспособиться — был Шнейдер. Хотя с него и сняли ремни и даже позволили теперь сидеть, но говорить по-прежнему не давали ни с кем. Он целые дни принужден был просиживать рядом со своими стражами, бдительно следившими за каждым его движением.

В отрезанном от поселка домике дни тянулись нудно и однообразно. Прибегавший иногда домой Ваньца, весело перебросившись несколькими словами с отцом, так же беспечно убегал, перестав обращать какое бы то ни было внимание на пленников. Он был единственным человеком в окружности, не чувствующим ни малейшего стеснения своей свободы. Американцы были прикованы к месту наблюдением за туземцами. Туземцы сидели, внимательно следя за американцами. Обитатели домика не высывали носа наружу. И только Ваньца свободно бегал, где хотел. Его не трогали даже американцы.

Хансен пытался было использовать мальчика для того, чтобы установить связь с туземцами, но из этого ничего не вышло. Все, что сказал ему Хансен, Ваньца тут же при Фри-тьофе передал старику:

— Скажи, господин, следует мне говорить это тем белым, что сидят с огненными палками на холме?

После того Хансен не пытался с ним говорить. Даже не пробовал расспрашивать о творящемся за стенами домика.

Однажды Ваньца пропадал дольше обыкновенного. Вдруг дверь распахнулась и запыхавшийся мальчик с вос-торгом бросился к отцу:

— Господин! В становище пришли другие духи. Много духов. Такие же белые и большие. Они много кричали, смеялись. Они взяли в плен тех духов, что сидели на холме. Они отняли у них огненные палки. Они ведут их сюда.

Великий медленно поднялся со стула и положил жили-стую руку на голову мальчика:

— Не торопись, Ваньца, скажи, откуда они пришли.

— Они приехали на собаках. У них много, много собак. Маньца сказал народу, что это духи светлого Нума. Они пришли, чтобы прогнать от нас злых духов Аа. Маньца говорит...

Но мальчик не успел кончить. На ступеньках раздались тяжелые шаги. Дверь медленно отворилась и в горницу ввалилась шумная ватага молодых моряков в черных бу-

шлатах и черных ушастых шапках. Впереди коренастый седой моряк. Капитан Воронов.

— Здравствуйте, товарищи, — отдельно пробасил капитан. — Кто здесь будет хозяин?

Он вопросительно обвел глазами присутствующих. Остановил взор на гордо выпрямившемся во весь рост Великом.

— Вы, што ли?

Великий ничего не отвечал. Он только вздрагивал при каждом слове Воронова.

Воронов удивленно повторил вопрос:

— Ну, в чем же дело, кто хозяин-то?

Вдруг Великий, вытянув руку, подошел к капитану. Он властно взял его за плечо; медленно, отчеканивая слова, произнес по-русски:

— Скажи мне, кто я?

Моряки удивленно переглянулись. Воронов, смешавшись, посмотрел на Хансена и Шнейдера:

— Что это значит?

Великий разочарованно опустил руку:

— Значит, и ты не скажешь... А я думал, что ты знаешь. Разве ты тоже немец?.. Тогда, значит, и ты с ними. Тогда и ты лжешь!

Хансен сделал шаг вперед и быстро заговорил по-немецки:

— Я Фритьоф Хансан.

Воронов молча протянул старику руку.

— Сейчас мы с вами все выясним, — продолжал норвежец. — Этот человек болен. По-видимому, он русский. Он думает, что мы злые духи, пришедшие отнять уголь у его народа. Вас он принимает за добрых духов, пришедших прогнать нас. Здесь он правит. Как всегда, туземцы сочли безумие несчастного святостью. Я не знаю, удастся ли вам рассеять это заблуждение. Но мне кажется, что нужно во всяком случае повести дело так, чтобы избежать каких бы то ни было конфликтов. Возьмите на себя роль избавителей поселка от нас и выведите наших людей отсюда. Иначе им придется очень плохо.

Воронов засмеялся.

— Боюсь, что мы действительно явились избавителями поселка. Относительно участи ваших товарищей можете быть покойны. За них ручаюсь вам я, командир «Большевика». — Воронов повернулся к Великому и мягко произнес:

— Я знаю, старик, кто ты.

Великий всем телом надвинулся на капитана, впившись в него огромными голубыми глазами.

— Ты моряк, — так же мягко сказал капитан.

Великий сразу осел и разочарованно покачал головой:

— Нет, ты лжешь. Моряк — ты. Я другой.

Глаза Воронова сверкнули, он стремительно сделал шаг вперед и, взяв Великого за руку, резко, повелительно отчеканил:

— Нет, ты моряк. Я не лгу.

Великий подался под тяжелым взглядом капитана. Он сразу весь осел и сжался, как от удара. Дергающимися губами он прошептал:

— Хорошо, я моряк... Но... — он на минуту задумался. — Скажи мне еще, кто они.

Он показал на Хансена и Шнейдер а.

— Они те, за кем я пришел. Я беру их в плен. Они понесут наказание за то, что пришли сюда, — ответил Воронов.

Великий покачал головой и быстро подошел к своей постели.

— Тогда я хочу сам, — сказал он на ходу.

Повернулся от постели, держа в вытянутой руке большой маузер.

Все, как один, присели под черным очком дула.

ТАКОВЫЕ СНЯТЫ

Прошло почти две недели с тех пор, как Воронов прибыл со своей командой в поселок.

Много искусства потребовалось на то, чтобы сговориться с туземцами. Пришлось даже дважды отправлять санные караваны к ледоколу, чтобы доставить к становищу кое-какие запасы, вроде сахара и муки. Окончательному укреплению авторитета Воронова послужило то, что он подарил населению несколько винтовок. Отобрав лучших охотников, он научил их стрелять.

Зато команда «Большевика», поголовно создавшая в эти дни в становище настоящий агитпроп, в результате качала своего старого капитана. Даже Маньца, сам старый Маньца согласился называть себя не иначе, как «председатель островного совета».

— Собственно говоря,— сказал при этом Михайло,— место это по справедливости должно бы было быть предоставлено Илье Вылке, как он на этом острове первый советский представитель.

Воронов засмеялся:

— Я не думаю, что эта старая ворона будет ему хорошим заместителем, но надеюсь, что здешняя молодежь довольно быстро войдет во вкус настоящей жизни без Нумов и Аа и покажет старой песочнице кузькину мать.

Много хлопот доставили переговоры о дальнейшей судьбе развенчанного Великого. Наконец, было решено, что он отправится вместе с командой советского ледокола на большую Южную землю. К удивлению, сам Великий отнесся к этому известию почти безразлично. Он вообще проявлял в последние дни почти полное равнодушие к тому, что делалось вокруг него. Он весь ушел в перечитывание того, что было им написано за время пребывания на острове. Однако он ревниво охранял рукописи от взоров посто-

ронних. В последний момент, когда Воронов и Хансен решили уж было, что при отправке больного им удастся захватить тетради, Великий совершенно неожиданно сжег их без остатка на жаровне в своем доме. К этой жаровне он так до последнего момента никому и не позволил притронуться. Только старый Маньца, приходя в домик, выгребал шлак и подбрасывал свежий уголь.

В день сожжения документов, когда в горницу вошли Воронов и Хансен, Великий сидел, развалился, в высоком кресле и небрежно помешивал железным прутом в огне. Он радостно обернулся к вошедшим:

— А вы знаете, господа, я ведь знаю, кто я.

Хансен даже вскрикнул от неожиданности.

Великий задумчиво посмотрел на огонь.

— Я Николай Васильевич Гоголь, — медленно произнес он. Худым костистым пальцем он указал на огонь. — И вон там сгорела моя душа... Моя мертвая душа.

Он уронил на грудь седую копну головы.

Гости молча стояли у двери.

Великий поднялся:

— Теперь я могу идти с вами на... Как вы сказали, куда я должен идти?

— На ледокольное судно «Большевик».

— Да, на «Большевик».

Великий обернулся к двери:

— Ваньца!

Мальчик вбежал в горницу с руками, полными кристаллов исландского шпата. Великий ласково поманил его к себе:

— Брось это, мой мальчик.

— Но в них играет все солнце. Вот, смотри, пойдем на улицу. В каждом камешке помещается целое солнце.

Великий мягко засмеялся:

— Ну хорошо, возьми эти камни... Только не бери угля. Не надо угля.

— Хорошо. А куда мы поедем?

— Мы поедем с тобой на... — он вопросительно взглянул на Воронова.

Тот снова подсказал:

— На «Большевик».

Великий кивнул головой и медленно пошел к дверям. Он ни разу не обернулся. Мальчик весело побежал следом.

Так они пустились вслед много раньше отправленным к берегу американцам.

Через четверо суток собаки с визгом и лаем бросились к кромке берегового припая, к стремглав несущимся им навстречу от судна мохнатым псам.

Пока на берегу шли последние сборы, Воронов набрасывал подробное радиодонесение.

Оленных, стоя в стороне, внимательно следил за капитаном.

Воронов, кончив, подозвал матроса:

— А ну, товарищ, дуй-ка на судно, сдай вот это радисту. Пусть сейчас же сбросит на берег.

— Есть, товарищ командир.

Матрос повернулся было идти, но его остановил подошедший Федор.

— Господин капитан, позвольте мне отправить это радио самому, — просительно обратился он к Воронову.

— Совершенно не к чему, — пожал плечами капитан, — у нас есть свои радисты.

На разговор подошел Князев:

— Товарищ командир, — сказал он, кладя волосатую руку на плечо Оленных, — я так располагаю, што это ему надоть предоставить. Мы его октябрин-то так и не успели справить, а ведь он-то и есть наш самоглавнейший пособник. Пуцай распишется под первой советской радией.

Воронов нехотя согласился. Оленных побрел к кораблю. Следом пошел матрос. И когда Оленных дрожащими пальцами выстукивал депешу командира, рядом с ним как бы невзначай сидел, внимательно прислушиваясь к пискам голубой искры, судовой радист. О том, что он проверял его передачу, Оленных понял по возгласу, который тот издал, когда Оленных отстукал последнюю фразу.

— ...таковые сняты точка, — вслух сказал судовой радист. — Правильно, товарищ!

НАШИ РУКИ ЧИСТЫ

Пока шла переправа на судно остатков лагеря, туземцы не покидали прибрежных холмов. Они внимательно следили за каждым шагом белых. Только когда по льду потянулась на ледокол вереница американцев, Маньца быстро съехал с холма и подошел к Воронову. Он жестом подозвал Князева — единственного переводчика.

— Слушай, друг, спроси ворону, почему он уводит злых духов к себе на лодку? Почему он их не убивает сейчас же у нас на глазах?

Воронов рассмеялся;

— Ах ты, старый, опять за своих духов взялся! А я ведь думал, что антирелигиозные лекции пошли и тебе на пользу, не только твоим ребятам.

— Ты говори так, чтоб я понимать мог, — сумрачно буркнул Маньца.

— Ну, ладно. Если ты боишься этих духов, то можешь спать спокойно. Мы их увезем так далеко, чтобы они больше никогда, никогда не могли прийти на твою землю. Твой народ больше не увидит духов от Аа. Если когда-нибудь к нему и придут белые гости, то у них в руках будет вот такой же значок, какой стоит здесь, — Воронов показал на советский флаг, треплющийся красным полотнищем с гербом. — Это значок друзей вашего народа. А всех злых духов эти друзья раз и навсегда прогонят с твоей земли.

Маньца остался на берегу, разочарованный.

Его фигура еще долго виднелась на вершине прибрежного откоса. Он не пошел вместе со своими охотниками, погнавшими сани по льду почти к самому ледоколу.

Однако из них никто не рискнул воспользоваться приглашением капитана. Они молча смотрели на судно и в ужасе бросились к берегу, когда тишину разорвал басистый гудок «Большевика». Больше никто к кораблю не при-

ближался. Воронов напрасно звал их жестами и криками. Туземцы боязливо толпились на таком расстоянии, куда голос не достигал. Капитану пришлось самому спуститься на лед и пойти навстречу островитянам. Не дойдя несколько шагов, он остановился и поднял руку:

— Ну, прощайте.

Князев перевел.

Дружно крикнули:

— Прощай!

— Никому, у кого не будет в руках красного знака ваших друзей, не давайте вашего угля. Он ваш. Тепло от него должно принадлежать вам. Когда придут за углем ваши друзья, они привезут вам в обмен такие вещи, какие я дарил. Вы будете сытно кушать и будете стрелять зверей из ружей. Старому Маньце скажите, что мой народ, про который вам рассказывал брат ваш Вылка, одной веры с вами. У нас общая вера. И мы всегда приходим к нашим братьям, как друзья. Мы никогда не отнимаем у них ничего, как хотели отнять те белые, что пришли до нас. Они хотели взять ваш уголь. Мы его не тронули. Вы видите — наши руки чисты.

Воронов поднял ладони и показал их туземцам.

Те удовлетворенно закивали.

— Ну, прощайте.

— Прощай! — загудело веселым хором.

Воронов хотел уходить. Но в это время подъехал Маньца. Обращаясь к капитану, он загнул:

— Ты нас обманешь, ты не убьешь тех белых духов. Я хочу видеть, как они будут умирать.

Глазки старика зло сверкали из-под нависших дряблых век. Воронов махнул на него рукой:

— Ладно, старик... Я сказал уже твоим охотникам все. Не могу же я делать тут дырки во льду, чтобы спускать в воду этих белых. Вот мы дойдем до чистой воды, где нет льда. Там я брошу их всех за борт.

— А ты не врешь? — покачал головой Маньца.

— Обещаю тебе, — серьезно сказал Воронов и пошел к кораблю.

ВСЕ КАК ПО ПИСАНОМУ

Хансен оглядел собеседников.

— Вы видите, господа, все как по писаному. Я не помню, с кем именно, но я говорил еще на блаженной памяти «Графе Цеппелине» о том, что если бы с нами что-нибудь стряслось, то выручил бы нас не кто-нибудь иной, а именно большевики.

— Ничего себе выручка, — скептически заметил Билькинс.

— А мне так нравится, и даже очень, — задумчиво бросил Литке.

Хансен еще раз обежал глазами всех сидящих в каюте.

— А почему не показывается Зарсен?

Билькинс недоуменно пожал плечами:

— Сидит у себя, как бирюк. Все что-то подсчитывает и чертит.

Литке смущенно кашлянул:

— Я боюсь, что здесь виноват я; по-видимому я чем-нибудь задел господина Зарсена. Он упорно избегает не только со мной разговаривать или встречаться, но даже не смотрит в мою сторону... Я вот только никак не могу припомнить, чем я его задел. У меня стала такая отвратительная память.

Литке даже потер виски пальцами и досадливо сморщил нос.

— А что касается ваших слов, Хансен, то опять-таки я должен вернуться к тому, что говорил. Ну, вот опять... Я забыл, с кем это я говорил... Нет не помню... ну, это все равно. Я считаю то, что случилось, почти в порядке вещей.

Билькинс фыркнул и передернул плечами.

— Не удивляйтесь, мистер Билькинс, тому, что я говорю, — заметил жест Билькинса Литке. — Поверьте, что я предпочел бы говорить обратное. Но я привык смотреть на

факты со всех сторон. Их нужно рассматривать так, чтобы ни одна деталь не осталась в тени, и тогда для вас станет ясна самая суть, самая природа факта. Я думаю, что именно такой здоровый анализ фактов в самой природе русских. Посмотрите-ка. Вот образец ходульности: римляне когда-то говорили: *de mortuis aut bene aut nihil*¹. И мы теперь, как попугаи, повторяем эту пословицу. Хотя очень часто она приносит явный вред. Да, именно вред. Когда приходится разбирать ошибки политиков, мыслителей, мы из какого-то ложного стыда отметаем в сторону здоровый анализ. А из-за этого все то, что внешне приемлемо для нас, приобретает и совершенно другую цену и другой смысл. Иногда это делается догматом только потому, что дано без нароста ошибок, которые мы отбросили все по тому же принципу: *о м е р т в ы х х о р о ш о и л и н и ч е г о*. А вот русский народ очень давно дал другую пословицу: «Мертвые сраму не имут». Это дает им право гораздо более объективно разобрать по косточкам всякое литературное, философское и политическое наследство. Они могут говорить все, что угодно, никто их не упрекает, как ханжа: ах, тише, ради бога, тише, стыдитесь так говорить о покойнике. Это много выгоднее. И я думаю, херр Хансен...

Литке не договорил. В дверях каюты появился буфетчик:

— Командир велел звать к обеду.

Хансен поднялся и раздельно ответил:

— Скажите командиру спасибо. Мы сейчас придем.

Он повернулся к спутникам:

— Я уже пользовался когда-то гостеприимством Советов. Могу вас заверить, что плохо мы себя здесь чувствовать не будем.

— И будем кушать «шти мит кашша», — засмеялся Литке.

— Ну, вы подождите, Литке, шутить насчет каши. Сам я, правда, не питаю пристрастия к этой «тшорная кашша»,

¹ «О мертвых или хорошо, или ничего» (лат.).

но покойник Зуль ее просто обожал. Может быть, она и вам придется по вкусу, — шутливо заметил Хансен.

— Тем более, что все русское, кажется, начинает приходить по вкусу господину майору, — подал реплику Билькинс.

— Если каша большевиков понравится мне хотя бы на одну десятую того, как нравятся некоторые большевистские мысли, то я боюсь, что не смогу от нее оторваться, — зло отозвался Литке.

— Ну ладно, ладно, господа, давайте-ка лучше не будем задерживать хозяев. Пойдем в кают-компанию.

Хансен вышел из каюты. За ним нерешительно потянулись остальные.

11.

ВАНЬЦЫН МЕДАЛЬОН

Анатоликус хлопотал. После двух недель запустения его лазарет ожил. Но Анатоликус, приготовив ванну, напрасно уговаривал Великого спуститься в лазарет. Тот категорически отверг предложение, забившись на краю юта за бухту троса. А так как ванна стыла, фельдшер схватил в охапку бродившего по палубе Ваньцу и потащил его вниз мыться. Сначала мальчик испугался, но потом заинтересовался оборудованием лазарета. Разглядывая сверкающие хирургические инструменты и банки с разноцветными настойками, он дал себя раздеть почти без возражений. Анатоликус с торжеством стаскивал с мальчика пимы, штаны и малицу. Он пришел в искреннее удивление, увидев под замасленной грязной малицей совершенно чистое тело. При этом кожа была почти белой. Когда малица была снята, Анатоликусу бросилась в глаза тонкая золотая цепочка, обвившая худенькую шею мальчика. На груди Ваньцы висел золотой медальон. В крышке виднелось несколько дыро-

чек от обломленной монограммы. Но следов вензеля на обтертом золоте уже не сохранилось.

Анатоликус буквально впился в этот медальон. Однако Ваньца оказал ему упорное сопротивление. Он не хотел его снимать. Только дав обещание вернуть медальон, когда мальчик вылезет из ванны, и подкрепив это обещание большим куском шоколада, фельдшер овладел драгоценностью.

12

ЭТО?

Пока Анатоликус возился в лазарете с Ваньцей, Голицын, взявший на себя миссию уговорить Великого спуститься в каюту, с необычайным терпением пытался растолковать больному, что переход вниз не связан ни с какой опасностью. Но Великий продолжал прятаться за нагроможденные на палубе грузы. Он испуганно озирался и, в ответ на спокойные ласковые увещания машиниста, ехидно посмеивался:

— Знаю я, знаю эти ванны... ванны, ха-ха-ха!.. А потом я буду бегать по всей земле и искать свою голову. Вы думаете, что я сумасшедший. Нет, дудки, меня на этом не проведете.

Он показал язык Владимиру и приставил к носу растопыренную пятерню. Потом неожиданно веки его набухли и из глаз часто-часто закапали слезы. Больной жалобно всхлипнул:

— Ну, хорошо, послушай, я обещаю тебе никогда и никому не выдавать твоей тайны. Скажи мне только: кто я?.. Ну, прошу тебя... ради Анны, скажи мне, откуда я пришел. Ты мне скажи только одно слово, и я все вспомню, — страдальчески сказал Великий.

Он принялся с выражением боли тереть лоб и виски.

— Какое слово я должен тебе сказать, чтобы ты вспомнил, кто ты?

Великий жалобно поглядел на Владимира:

— Какое слово? Вот в том-то и дело, что я не помню... Но я знаю, мне нужно только одно слово.

— Хорошо, я буду тебе напоминать, и ты мне скажи, когда я отгадаю. Это слово обозначает что-нибудь из судовой обстановки?

— Нет.

— Название судна?

— Нет, не судно.

— Какая-нибудь страна?

— А что такое страна?.. Ах да, страна — знаю. Нет.

— Чье-нибудь имя?

Великий потер лоб.

— Ты говоришь — имя?.. Может быть, имя... Да, пожалуйста, имя.

— Имя мужчины или женщины?

Но Великий не успел ответить. Его внимание привлекла группа людей, появившихся на палубе. Впереди вразвалку шел Воронов. При виде него Великий вскочил и бросился бежать. Голицын побежал было за ним, но его остановил крик капитана:

— Брось, товарищ! Пусть он будет один.

— А я обещал Шукину привести его в ванну.

— Пошли ты Шукина к чертовой матери вместе с его ванной! Видит ведь, что человек не в себе, а лезет с ванной. Ну, чего загорелось? Не мылся лет двадцать, ничего не случится, если не помоемся и еще две недели. Ведь он не только людей, а и вещей боится.

— Нет, товарищ капитан. Я за ним подсмотрел. Когда он думал, что остался один, он очень внимательно разглядывал все вокруг себя. Главным образом всякую снасть, оборудование. Брал в руки концы, над якорем постоял. Очень внимательно рассматривал флаг. И все при этом что-то шепчет. Лоб трет, точно вспоминает.

— Мне все-таки сдается, что он не кто, как моряк, — пробасил Воронов.

При звуке его голоса Великий выглянул из-за угла рубки.

Он засмеялся, но при малейшей попытке пойти за ним следом опять стремглав умчался. При этом он очень легко и быстро взобрался на груды наваленных досок. Оттуда перешагнул на спардек и взобрался на крышу носовой рубки. Стоя на самом краю, он кривлялся и показывал язык.

В этот момент из дверей рубки выскочил запыхавшийся фельдшер. Волоча ногу, он поспешно протолкался к Воронову:

— Товарищ капитан, вон, поглядите... На мальчишке-то какой штукус надет был, — Щукин протянул медальон. — Он сказал, будто это его отец в ладонке.

Воронов взял медальон в руку; из овала крышечки смотрела мутная фотография. Капитан пристально всматривался в изображение. Бюст мужчины в морской форме настолько выцвел, что черты лица сделались бледными и расплывчатыми. Воронов напрягал зрение и память. Он поднял медальон к свету. Золото блеснуло. Великий протянул руку со своей рубки и дико закричал:

— Отдай!

Но с ним почти совпал громкий радостный бас капитана:

— Да ведь это же Брусилов!

Великий на минуту замер на краю рубки, потом, пронзительно крикнув, упал как подкошенный.

К распростертому на палубе телу первым подбежал капитан. Он нагнулся к старику и поднял к себе на колено его голову. Великий очнулся. Большие голубые глаза заволоклись слезами. Хрипло, с трудом Великий проговорил:

— Это я.

Его лицо перекошилось. Глаза закатились. Копна седых волос откинулась к спине, выпячивая коричневый острый кадык.

Воронов вопросительно оглядел окружающих.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Н. Шпанов. Лед и фраки. Повесть — М: Изд. «Федерация», 1932 г., 3 р. 20 к. перепл. 45 к., тир. 5200 экз.

Тема повести — экспедиция к Северному полюсу на подводной лодке «Наутилус», вооруженной всеми средствами современной техники. Радио, электричество, сложная система буров, разведочных зондов, платиновых «ножей», прокладывающих дорогу лодке в ледяных пространствах. Фантастика утопического романа уступает место реальности научно-технических формул сегодняшнего дня. Отклики современных полярных исследований настойчиво вторгаются в роман в нарочито подобранных именах Фритьофа Хансена, норвежского ученого Гиссера Зарсена, летчика Билькинса, капитана подводной лодки, и в эпизоде с гигантским дирижаблем «Граф Цеппелин», вылетающим на помощь потерпевшему аварию «Наутилусу», и, наконец, в форме изложения некоторых эпизодов путешествия к Северному полюсу, знакомого читателю по газетным сообщениям прошлого года. В роман включены обильные упоминания о недавних экспедициях, в частности подробный рассказ о спасении шхуны «Нанук», зазимовавшей у Чукотской земли, и т. п. Художественное обобщение опыта полярных исследований — такова основная задача произведения.

Научно-техническая линия романа усложняется линией социологической. На белых ледяных просторах Арктики появляются черные пятна «фраков»: норвежских, американских, английских, немецких. Вокруг внешне бескорыстной экспедиции Билькинса завязывается ожесточенная борьба разных национально-капиталистических групп, заинтересованных в эксплуатации угольных недр и новооткрытой в Ледовитом океане «Земли Недоступности». В эту борьбу оказывается втянутым и Советский Союз, поскольку «Земля Недоступности» находится в секторе, принадлежащем СССР.

Тематическое задание показать завоевания Севера на фоне империалистических противоречий стран капитала представляет большой интерес. Но Шпанов со своей зада-

чей явно не справился. Скрещение этих двух тем — темы «льдов» и «фраков» — привело в трактовке автора к созданию авантюрно-детективного романа весьма сомнительного свойства. Шифрованные телеграммы, подкупы, неожиданное разоблачение, покушение из-за угла оказались в центре произведения. В погоне за дешевыми эффектами Шпанов не слишком заботится даже о связи некоторых эпизодов с основными сюжетными линиями романа. Такова, неизвестно к чему приплетенная, загадочная история с сумасшествием русского моряка, таинственно попавшего на «Землю Недоступности» и ставшего жрецом у туземного, затерявшегося среди вечных льдов, племени.

Крайне схематизированы и стандартны действующие лица романа: завзятый «янки» Билькинс, верящий только в «здравый смысл» и «математику», антрацитовый король Хармон, в утренней пижаме отдающий распоряжения по телефону, немецкий лейтенант Литке, сухой и лаконичный, с непременным моноклем в глазу; наконец, опустившийся белоэмигрант Маневич, под пьяную руку разглагольствующий о пресловутой «русской душе», — все эти персонажи, как и многие другие, кажутся взятыми из халтурной фильмы, изображающей «разлагающуюся Европу».

При этом смазывается и классовое существо темы. На первый план вместо социально-типичных черт выпячиваются «национальные» черты (янки — Билькинс, немец — Литке) и моральные качества. Так мрачно-злодейская фигура доцента Зуля, идущего на преступления ради захвата в свои руки угольных месторождений, противопоставлена благородному образу Фритьофа Хансена, бескорыстного исследователя, стоящего выше меркантильных интересов капиталистических компаний.

Совершенно недопустимыми в романе являются рассуждения, развиваемые на стр. 94-98, дискредитирующие идею пролетарской революции и содержащие клеветнические выпады по отношению к Ленину. Рассуждения высказываются от лица одного из капиталистических хищников, и этот эпизод в ходе романа не находит никакого разоблачения. Фактически получается ничем не оправданное

предоставление на страницах советской книги трибуны для высказываний классового врага.

Особенно в ходульных и бутафорских тонах выдержана концовка романа. Представители Страны Советов на «Земле Недоступности» в лице самоеда Вылки и советского охотника Князева, захваченные Хансеном на дирижабль, говорят почему-то нестерпимо искаженным псевдонародным языком: «Одначе я так полагаю, что нет у них возможности отменить советский закон. Коли Калинин объявление делал, цето всякая земля наша, то значит так тому и быть. Небось не оттягают». На этом языке, кстати сказать, они прекрасно объясняются и с англичанами, и с немцами, и с норвежцами. Вся теория освобождения туземного пролетариата «Земли Недоступности» от «буржуазных элементов», то есть от членов экспедиции Билькинса-Хансена, дана в явно опереточном плане.

Итак, следует констатировать, что попытка Шпанова создать советский научно-технический роман окончилась полнейшей неудачей.

Е. Тагер

«Художественная литература», 1932, № 1 (10 января), с. 30-31.

В. Барсуков

ЛЕД И ФРАКИ

В эссе с парфюмерным заглавием «Свежесть»¹ Дм. Быков, со свойственной этому талантливому и крайне плодовитому автору размашистой приблизительностью, называет книгу «Лед и фраки» литературным дебютом Н. Шпанова (чуть выше «дебютным творением» Шпанова и вовсе названа... прогремевшая семью годами позднее, в 1939 г., повесть «Первый удар»).

Ошибка или описка Быкова понятна: «Лед и фраки» – далеко не первое произведение Шпанова, но его первая крупная проза. Между тем, ко времени публикации этой фантастической повести Николай Николаевич Шпанов (1896-1961), летчик, красный командир, пропагандист авиации, путешественник и очеркист, никак не был новичком в литературе. Он успел уже выпустить две книги «северных» рассказов – «Загадка Арктики» (1930) и «Песцы» (1931) и четыре книги путевых заметок, в том числе «Во льды за “Италией”» (1929) – рассказ о плавании на «Красине» и спасении экспедиции Нобиле (на ледоколе Шпанов представлял ТАСС и газету «Известия»). И все это – не говоря о многочисленных жур-

¹ Быков Д. Свежесть: Николай Шпанов и его вера // *Русская жизнь*. 2009. 22 апреля (<http://rulife.ru/old/mode/article/1244/>). Справедливость требует заметить, что «свежесть» намекает здесь скорее не на известный советский одеколон, а на такое же известное высказывание М. Булгакова об осетрине.

нальных публикациях, агитброшюрах, учебнике для летных училищ и справочнике по авиационным моторам.

Сокращенный вариант повести, озаглавленный «Земля Недоступности», был впервые опубликован в №№ 25-36 московского журнала «Вокруг света» с подзаголовком «научно-фантастический роман», а затем развернут автором в объемистую (вполне романного объема!) книгу «Льды и фраки», выпущенную в 1932 г. (на обложке – 1931) московским издательством «Федерация».

И журнальной, и книжной публикации предшествовал рассказ «Загадка Арктики» – донельзя беспомощное сочинение о попытках нанятых американскими фашистами диверсантов помешать созданию советско-американского пароходного общества «Советский Ллойд»². Но все ингредиенты будущей книги – арктические просторы, таинственные радиограммы, западные ненавистники Советского Союза и их хитроумные наймиты, дирижабли и самоеды – были уже налицо.

В книжной публикации исчезло обозначение произведения как «научно-фантастического»; вероятно, случилось это потому, что некоторые события повести стали реальностью. В 1931 г. состоялось неудачное подводное плавание сэра Губерта Вилкинса (в повести – Билькинса) на «Наутилусе» к Северному полюсу; в том же году немецкий дирижабль LZ-127 «Граф Цеппелин» с международной экспедицией на борту пролетел над значительной частью советской Арктики. Однако, в книге присутствовал главный фантастический элемент, позволяющий причислить ее и к жанру «затерянных миров и забытых народов», то есть тому, что в англоязычном литературоведении именуется жанром «Lost Races». Это – открытие затерянной «Земли Недоступности» и обитающего на ней самоедского племени с чудом выжившим – и выжившим из ума – полярным путешественником Георгием Брусиловым в роли дикарского пророка.

Судьба пропавшего без вести в 1914 г. лейтенанта Брусилова, как известно, волновала не только Шпанова: историей злосчастной брусиловской экспедиции в конце 1930-х воспользовался в хрестоматийном советском «арктическом» романе «Два капита-

² Краспик К. Загадка Арктики // *Самолет*. 1925. № 1. С. 17-18, 29. То же в сб. «Загадка Арктики» под наст. фамилией автора. Тема воздушных провокаций против СССР также была отработана Шпановым в рассказах «Таинственный взрыв» (1925, в переработанной версии «Записка Анке») и «Номер не пройдет» (1930).

на» Вениамин Каверин. И Дм. Быков недаром сближает эти тексты:

«От некоторых страниц Шпанова <...> веет какой-то добротной свежестью, хотя современникам все это могло казаться тухлятиной. Как ни странно, в иных своих сочинениях — преимущественно аполитичных, случались у него и такие, — Шпанов становится похож на Каверина времен “Двух капитанов”: есть у него эта совершенно ныне забытая романтика полярных перелетов, путешествий, отважных покорителей безлюдных пространств и т. д. Мы представляем тридцатые годы царством страха, и так оно и было, — но всякая насыщенная эпоха многокрасочна: наличествовала и эта краска — юные запойные читатели, конструкторы самодельных приемников, отмечавшие по карте маршруты челюскинского и папанинского дрейфа; героями этой эпохи были не только Ворошилов и Вышинский, но и Шмидт, и Кренкель, и Ляпидевский».

Действительно, северной романтики у Шпанова хоть отбавляй, а писателем напрочь бесталанным его назвать нельзя — писал он если не лучше, то не хуже многих других, а иногда (особенно в описаниях полетов и воздушной техники) поднимался до высот некоей пошловатой поэтичности. Такова и повесть «Лед и фрак», сочетающая, по определению Быкова, «крайнюю политизированность с увлекательностью и подлинным исследовательским азартом».

Определение, в части «крайней политизированности», неплохо бы уточнить. Конечно, в 1930-1931 гг. Шпанов еще не был тем одиозным сталинским борзописцем, создателем изоляционистских и ксенофобских, проникнутых «квасным пафосом» (Быков) и конспирологическими измышлениями «низовых» бестселлеров наподобие «Заговорщиков», «Поджигателей» и «Урагана» — писателем, сама фамилия которого сделалась понятием нарицательным. Но все предпосылки к тому имелись. Дело не просто в «политизированности», не в отмеченной современной Шпанову критикой ходульности персонажей или антисемитских намеках (Шпанов тщательно выпячивает еврейское происхождение отвратительного «антрацитового короля» Натана Хармона). Дело в том, что Шпанов, совершенно осознанно, сочинил клеветнический пасквиль.

Сочинил, должно быть, потому, что решил — таковы требования момента (советская экспансия на Шпицберген, западные арктические успехи и т.д.). Душа его, в конце концов, потемки. Но при сочинении какого угодно памфлета никто не мешал Шпа-

нову насытить книгу вымышленными героями и выдуманными экспедициями или живописать подвиги советских полярников. Ан нет: повесть псевдо-документальна, экспедиции западные, подвиги скомканы (хотя советское превосходство, выраженное могучим утюгом ледокола «Большевик», сомнению не подлежит), имена героев прозрачны и ясно указывают на прототипы. Все подчинено пропагандистской задаче – очернить западную исследовательскую деятельность в Арктике и западных полярных путешественников и ученых, включая и лично знакомых Шпанову по плаванию на «Красине».

Карикатурно изображена экспедиция австралийского путешественника, орнитолога и географа Вилкинса (1888-1958) и сам Вилкинс, который не дошел на «Наутилусе» всего несколько сот миль до полюса и успешно доказал возможность плавания на субмарине под ледовой полярной шапкой. Сходным образом «препарирован» полет «Графа Цеппелина», который советские (с легкой руки Э. Кренкеля) и нынешние российские конспирологи любят преподносить как разведывательную операцию германского генштаба. У Шпанова дирижабль свободно носится над советской полярной территорией, разыскивая полезные ископаемые; на борту его всего два советских человека – полуграмотные, но «сознательные» охотники-сибиряки Князев и Вылка. Нужно ли говорить о том, что было прекрасно известно Шпанову: на «Графе Цеппелине» находились советские ученые Ф. Ассберг и П. Молчанова, радист Кренкель, руководил научной частью экспедиции виднейший советский полярный исследователь Р. Л. Самойлович (1881-1939) – не лубочный кержак и не еврейский капиталист, а еврей-ученый, убитый через несколько лет Сталиным и его приспешниками. В результате манипуляций Шпанова у неподготовленного читателя возникает полное впечатление не международной и полностью контролирувавшейся СССР воздушной экспедиции, а буквального вторжения.

Шпанов понимал, безусловно, что никто не простил бы ему издевательства над памятью великого норвежского полярника и гуманиста Фритьофа Нансена (1861-1930). Но – отчего бы не бросить тень и на Нансена? В повести он выведен как «Фритьоф Хансен», слабохарактерный и вечно колеблющийся старик-идеалист, командующий сомнительной, мягко говоря, миссией «Графа Цеппелина».

С другими западными полярниками Шпанов обошелся еще более бесперемонно. К примеру, соратник Амундсена Яльмар Рисер-Ларсен (1890-1965), знаменитый полярный пилот и исследова-

тель, антифашист, один из создателей современных ВВС Норвегии и авиакомпания SAS, стал в повести «Гисер-Зарсеном» – одержимым жаждой наживы убийцей...

Особенно досталось хорошо знакомому Шпанову по «Красину» норвежскому геологу и видному полярному исследователю Адольфу Хулю (Hoel, 1879-1964), знатоку Шпицбергена и директору института Шпицбергена и Медвежьего острова (будущего Норвежского полярного института). В 1929 г. Шпанов так писал

Н. Шпанов (первый слева в нижнем ряду) и рядом с ним А. Хуль на ледоколе «Красин»

об этом человеке: «Он прост и общителен <...> У Хуля седая борода, глаза его требуют толстых стекол очков, но слышишь его тихий, робкий голос, замирающий при словах: “глетчер”, “лед”, “Шпицберген”. и кажется, что перед тобой юный студент-дипломант, восторженно стремящийся к исследованию ледяных пространств. Тысячи миль на лыжах, пешком, на собаках излазил Хуль по ледяным пространствам Шпицбергена и Северной Норвегии, но все с той же жадностью стремится он к новым пространст-

ствам»³. Хуль (в повести – «доцент Зуль») и в самом деле был норвежским националистом, много занимался разработкой угольных месторождений на Шпицбергене. В повести, подобно Рисер-Ларсену, он выведен преступником, вором и убийцей. Правда, на сей раз Шпанов оказался, возможно, неплохим судьей характера: в 1933 г. Хуль присоединился к фашистскому «Национальному единению» В. Квислинга, в годы немецкой оккупации (1941–45) был ректором университета Осло (и, по некоторым сведениям, германским шпионом), а после Второй мировой войны отсидел некоторое время в тюрьме и долго пытался реабилитировать себя.

...Каверина из Шпанова не получилось – не вышел ни дарованием, ни порядочностью. В пресловутом «золотом фонде», каков бы он ни был, Шпанова днем с огнем не сыщешь. А впрочем – он вновь, кажется, становится актуален и востребован, чему удивляться, к сожалению, не приходится. Одно из «патриотических» (а как же иначе?) российских книгоиздательств в последние годы переиздало не только «Последний удар», но и достопамятных «Заговорщиков» с «Поджигателями». На фоне призывов к защите «национальных интересов» среди ледовых торосов, новому переделу арктического шельфа и срочной милитаризации Арктики, добрались и до «Льдов и фраков». «Роман известнейшего мастера отечественной остросюжетной литературы, книгами которого зачитывалось несколько поколений читателей» – захлебывается издательская аннотация. Того и гляди, Шпанова начнут изучать в средних школах – сразу после молебна и пения гимна.

Что ж, «Льды и фраки» достойны переиздания. И как образчик советской приключенческо-фантастической литературы начала тридцатых, и как памятник литератору, посвятившему свой малый, но несомненный талант делу создания той лживой, подлой и химерической мифологии, которая на наших глазах стремительно превращается в идеологию.

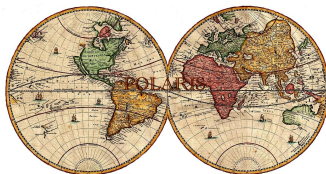
³ Шпанов Н. Во льды за «Италией». М.-Л., 1929. С. 47, 50.

Оглавление

I. «Наутилус»	7
II. «Пингвин»	59
III. «Граф Цеппелин»	92
IV. «Цеппелин», «Пингвин» и «Наутилус»	150
V. Земля Недоступности	201
VI. Уголь и фрак	255
VII. «Большевик»	278
Приложение	
<i>Е. Тагер</i> . [Рецензия]	324
<i>В. Барсуков</i> . Лед и фрак	327

Книга «Лед и фрак» публикуется по первоизданию 1932 г. с исправлением некоторых опечаток, а также ряда устаревших особенностей орфографии и пунктуации. В оформлении обложки использован рисунок А. Пржецлавского («Вокруг света», 1930, № 25-26). Книга и рецензия были впервые отсканированы и прокомментированы в 2012 г. Максимом Безгодовым (Санкт-Петербург).

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.